

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 3(12), 2020

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь журнала

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

Подписано в печать 29.09.2020. Дата выхода в свет 09.10.2020
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 13,125. Уч.-изд. л. 11,625.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 019.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91, e-mail: vestnik@mail.nnn.tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2020
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2020

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан <i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления <i>e-mail: andryashkomv@mail.ru</i>
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право» <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок» <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования <i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума <i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Комкова Галина Николаевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», декан юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права <i>e-mail: komkova_galina@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>

Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой конституционного права <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Милушева Татьяна Владимировна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: mtv62@mail.ru</i>
Мунам Замиль Саям	канд. экон. наук профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», проректор по научно-инновационной деятельности <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Савин Константин Николаевич	д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор	Ассоциация «Жилищно-коммунальное хозяйство-68», президент <i>e-mail: kon-savin@yandex.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государственное управление» <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор кафедры «Теория и история права» <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Добробаба М. Б. Эффективность дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской империи	7
Лапаева А. В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в XIX – начале XX веков	18
Меликов А. В. Эволюция конституционно-правового статуса короля Греции: анализ характерных признаков «чистой» формы монархического правления	24
Пирожкова И. Г. Формирование правовой основы системы ЖКХ в России: начальный исторический этап	34
Подольский А. В., Никулин Р. Л. Техничко-юридическое оформление льготных правовых режимов на примере Налогового кодекса России	40
Протасова О. Л. Мотивы социального государства в проекте Трудовой народно-социалистической партии	47
Сухова Н. И. Критерии «правомерность» и «противоправность» в исследовании процессов противодействия закону	57
Черемисина Ю. С. Право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие, юридическая природа и содержание.....	66

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Акименко П. А. Анализ ключевых положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией».....	76
Бельский А. И., Лыков Э. Н. Молодежная преступность: проблемы и пути решения	84
Горбатова М. А., Лесин В. Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики.....	92
Кириллов С. И., Кривошеев С. В. Превентивные возможности применения уголовного наказания	100

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Баранова М. А. Закон, законодатель, практика: некоторые суждения об эффективности отдельных усеченных уголовно-процессуальных производств	110
Богатова Е. В., Грачёва О. А. Теоретические основы организации прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам	124

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Аль Гарбави Хуссейн Рахман Наима. Государственная поддержка предпринимательской деятельности в условиях спада деловой активности (обзор нормативно-правовых актов с марта по апрель 2020 года)	131
Плотникова Т. В., Котельникова О. В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века	141

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Dobrobaba M. B. Efficiency of Disciplinary Liability of Civil Servants in the Russian Empire	7
Lapaeva A. V. The Pension System in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries.....	18
Melikov A. V. The Evolution of Constitutional Status of the Greek King: the Analysis of Typical Features of the Absolute Monarchy	24
Pirozhkova I. G. Formation of the Legal Status of the Housing and Communal System in Russia: the Initial Historical Stage	34
Podolskiy A. V., Nikulin R. L. Technical and Legal Registration of Preferential Legal Regimes Using the Example of the Tax Code of Russia	740
Protasova O. L. The Social State Motives in the Project of the People's Labor Socialist Party	47
Sukhova N. I. The Criteria of “Legitimacy” and “Unlawfulness” in the Study of the Processes of Counteraction to the Law	57
Cheremisina Yu. S. Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice: Concept, Legal Nature and Content	66

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Akimenko P. A. The Analysis of Key Provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2020 No. 18 “On Judicial Practice in Cases of Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation and Crimes Related to Illegal Migration”	76
Belsky A. I., Lykov E. N. Youth Crime: Problems and Solutions.....	84
Gorbatova M. A., Lesin V. E. Criminal Liability for Non-Payment of Alimony: Theoretical and Practical Problems	92
Kirillov S. I., Krivosheev S. V. Preventive Applications of Penal Sanctions	100

CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS; OPERATIVE-SEARCH ACTIVITY

Baranova M. A. Law, Legislator, Practice: Some Judgments on the Effectiveness of Certain Truncated Criminal Proceedings.....	110
Bogatova E. V., Gracheva O. A. Theoretical Basis of Prosecutor's Inspections in Pre-Trial Criminal Proceedings	124

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Al Garbawi Hussein Rahman Naima. Governmental Support of Business Activities During Business Slowdown (Overview of Regulatory Legal Acts from March to April 2020).....	131
Plotnikova T. V., Kotelnikova O. V. The Phenomenon of Cybercrime in the 21st Century	141

Рассмотрены вопросы дисциплинарной ответственности чиновников Российской империи с позиций оценки эффективности ее применения. Сделан вывод, что закрепление в законодательстве XIX столетия исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков, обусловленное, прежде всего, тем фактом, что дисциплинарная ответственность к тому моменту еще не выделилась из уголовной, негативно сказывалось на ней как на средстве воздействия на поведение чиновников. Наличие исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков влекло за собой затруднения в применении эффективных дисциплинарных мер к чиновникам, не в полной мере справлявшихся со своей работой, но чьи действия при этом не попадали ни под один конкретный состав.

В то же время, отдельные нормы о дисциплинарной ответственности того периода заслуживают внимания, и опыт их использования может быть учтен и в настоящее время. В частности, законодательство Российской империи гибко регулировало допуск на государственную службу лиц, уволенных по виновным основаниям: в зависимости от примененного взыскания, они могли поступать на службу вновь сразу; по прошествии трех лет с момента применения взыскания либо лишались такого права. Обосновано, что данный опыт может быть применен и в настоящее время к государственным служащим, уволенным в связи с утратой доверия.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; дисциплинарные взыскания; дисциплинарные проступки; дисциплинарное производство; эффективность дисциплинарной ответственности; государственная служба; уголовная ответственность.

Марина Борисовна Добробаба, д-р юрид. наук, доцент,
профессор, кафедра административного и финансового права,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия;
dobrobaba_mb@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Введение. Для повышения эффективности дисциплинарной ответственности государственных служащих важно оценивать, насколько успешны предусмотренные законодателем дисциплинарные меры и как они фак-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00448 «Правовые механизмы обеспечения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблемы формирования».

тически влияют на состояние законности в сфере государственного управления. Значимым при этом представляется проведение анализа законодательства о дисциплинарной ответственности и практики его применения не только в настоящее время, но и в различные периоды их развития в нашей стране. В связи с этим в рамках данной статьи обратимся к изучению генезиса и развития института дисциплинарной ответственности государственных служащих. При этом необходимо отметить, что сами по себе исторические аспекты дисциплинарной ответственности в системе государственной службы уже были предметом достаточно многих исследований [8, 11], в связи с чем представляется нецелесообразным подробно останавливаться на всех периодах ее развития. Вместо этого обратим более пристальное внимание на отдельные ее элементы, анализ которых позволяет сделать выводы об эффективности тех или иных преобразований института дисциплинарной ответственности государственных служащих в настоящее время.

Методы исследования. Методологической основой данного исследования является сравнительно-исторический метод. Использовались диалектический метод познания, методы формальной логики: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический и структурно-функциональный методы.

Обсуждение. Приступая к рассмотрению данного вопроса, отметим, что, хотя категория приказных людей как лиц, профессионально занимающихся управлением, сложилась еще в Киевской Руси, вплоть до реформ Петра I в России сложно было говорить об упорядоченной системе государственной службы и, тем более, дисциплинарной ответственности. Только в 1722 году, с утверждением знаменитой Табели о рангах¹ стало возможным говорить об определенной систематизации в этой сфере. После введения данного документа «служилые люди» стали именоваться чиновниками или гражданскими государственными служащими. Однако в то же время, меры ответственности, применяемые в сфере государственной службы, еще долгое время оставались преимущественно уголовно-правовыми. «Дисциплинарная ответственность и уголовная отождествлялись. И при совершении государственным служащим дисциплинарного проступка он подвергался уголовному наказанию» [11, с. 186]. Как справедливо отмечает по этому поводу В. Е. Зубов, «при таком подходе на протяжении длительного времени в правительственной административной политике прослеживалось стремление к ужесточению наказаний и отнесению к уголовно наказуемым преступлениям все более широкого круга действий, в том числе служебных проступков, требующих не столько уголовного, сколько дисциплинарного наказания» [8].

¹ Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старше кто в том классе пожалован был» 1722 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.

Так, к примеру, Екатерина II в «Уставе благочестия» от 08 апреля 1782 года определила ряд составов правонарушений: злоупотребление должностью, упущение должности, неисполнение должности. Признаки данных составов больше подходили для дисциплинарного (должностного проступка), нежели должностного преступления, но, тем не менее, указанные правонарушения являлись преступлениями, поскольку их совершение преследовалось уголовным наказанием [14, с. 102].

Отдельные элементы дисциплинарной ответственности начали проявляться в системе государственной службы Российской империи уже и в XVIII веке. В частности, это проявлялось в том, что за упущения по службе, не связанные с проявлениями коррупции и носившие относительно не тяжкий характер, в качестве меры взыскания к чиновникам применялся штраф. Это мог быть штраф «с возвращением причиненного убытка», «тяжкий» штраф без конкретного определения его суммы, и штраф, имевший денежное выражение. Достаточно широкое применение данной меры взыскания было обусловлено тем, что в XVIII в. при отсутствии других источников материального обеспечения важнейшим преимуществом государственной службы являлось жалованье. Этот факт осознавался и на государственном уровне. Поэтому дисциплинарная ответственность должностных лиц имела преимущественно материальный характер и выражалась в удержании государством части жалованья; основанием для этого были должностные упущения, опоздания, прогулы [1, с. 26]. Указанные штрафы пока еще рассматривались как мера уголовно-правового характера, однако в целом в рассматриваемой период уже намечалось выделение перечня проступков по службе, схожих по своему формальному составу с современными дисциплинарными проступками, а также системы более мягких, чем традиционные уголовные, наказаний за них.

Дисциплинарные взыскания в современном понимании этого слова были введены во всей системе гражданской службы Российской империи только в XIX в. Уставом по службе по определению от Правительства 1832 года. Данным документом за «медленность и нерадение» по службе были введены наказания в виде выговоров и строгих выговоров. Строгие выговоры объявлялись служащим за просрочку в выполнении заданий вышестоящих должностных лиц, необоснованное нарушение сроков предоставления отчетов или срочных донесений. Несвоевременная доставка справок и ответов с мест, затяжка в их составлении наказывались выговором. По Уставу взыскания на чиновников налагались либо непосредственным начальством (замечания и, как правило, выговор), либо тем начальством, от которого зависело определение служащего на должность (вычет из жалованья, денежное взыскание, арест, перемещение с высшей должности на низшую, отстранение от должности); от начальства же зависело и предание суду. Все иные взыскания могли налагаться не иначе как по суду [14, с. 103].

В рассматриваемом документе впервые появилось понятие срока давности наложения дисциплинарных взысканий, правда, цели его введения были несколько иные, чем в настоящее время. В соответствии с п. 727

Устава по службе, чиновники, подвергшиеся в течение одного года за медленность и нерадение многократным замечаниям или тремя строгими выговорами, должны были предаваться суду, если в том же году оказывались снова виновными в упущениях. При этом годичный срок для исчисления выговоров считался не с первого выговора, учиненного чиновнику за упущения, а с 1 января по 1 января каждого года². Последнее положение, несомненно, снижало эффективность ответственности чиновников, так как позволяло в ряде случаев избежать более строгого наказания по формальным основаниям, однако, несмотря на критику ряда специалистов того периода, просуществовало до отмены самого Устава.

В 1832 году указанный Устав был включен в документ, который систематизировал законодательство о гражданской службе, а именно в «Свод уставов о службе гражданской»³.

Систематизация дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих продолжилась с принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Как видно уже из названия, на доктринальном уровне в этот период, по-прежнему, дисциплинарная ответственность не выделялась из ответственности уголовной. В то же время в Уложении достаточно четко выделяются как преступления и проступки по службе (фактические составы многих из них соответствуют современным дисциплинарным проступкам), так и отдельная категория наказаний за них. В целом, согласно Уложению, все наказания подразделялись на общие, исправительные и особенные, при этом последние налагались именно за служебные правонарушения, допущенные чиновником. В соответствии со ст. 65 отделения третьего «Особенные наказания за преступления и проступки по службе» главы второй «О наказаниях» Уложения, к гражданским служащим могли быть применены следующие взыскания: 1) исключение из службы, 2) отрешение от должности, 3) вычет из времени службы, 4) удаление от должности, 5) перемещение с высшей должности на низшую, 6) выговор, более или менее строгий, с внесением оного в послужной список, 7) вычет из жалования, 8) выговор, более или менее строгий, без внесения в послужной список, 9) замечание, более или менее строгое⁴.

² Устав о службе по определению от правительства, Свод законов, т. III, кн. 1, по официальному изданию 1896 г. и продолжениям 1906 и 1908 гг. и Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского, Свод законов, т. III, ч. 3, по официальному изданию 1906 г. и продолжению 1908 г.: с разъясн. Правительствующего сената, Инспект. отд. Собств. Е. И. Вел. Канцелярии и циркулярами мин-в, гл. упр. и Гос. контроля, по 1 окт. 1909 г., а также извлеч. из соответствующих ст. Свода законов (т. 1, 4, 5, 9-11, 13 и 14), с прил. подроб. огл. и алф. указ.: (Справ.кн. для правительств. и обществ. учр. и должност. лиц) / Сост. б. ст. ревизор С.-Петербур. контр. палаты Н. Н. Широков. Неофиц. изд. СПб.: Тип. АО «Слово», 1910. XX, 362 с.

³ Свод уставов о службе гражданской 1832 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. III. Кн. первая.

⁴ См.: ст. 65 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1885. Т. XV.

Несложно заметить сходство многих из указанных взысканий с предусмотренными действующим в настоящее время Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» перечнем дисциплинарных взысканий, которые могут быть применены к государственным гражданским служащим: 1) замечание; 2) выговор; 3) предупреждение о неполном должностном соответствии; 4) увольнение с гражданской службы (ст. 57); 5) увольнение в связи с утратой доверия (ст. 59.2). Правда, в настоящее время не применяются такие дисциплинарные взыскания, как вычет из времени службы и вычет из жалования; кроме того, государственные гражданские служащие Российской Федерации не могут быть переведены на нижестоящую должность. Однако это последнее взыскание предусмотрено на некоторых других видах государственной службы⁵.

Несомненный интерес, в том числе с позиций эффективности дисциплинарной ответственности чиновников в Российской империи и в современный период, с нашей точки зрения, представляет имевшее место в Уложении разграничение трех взысканий, связанных с прекращением государственно-служебных отношений: исключение из службы; отрешение от должности; удаление от должности. В настоящее время законодательство также предусматривает различные виды взысканий, связанных с увольнением с государственной службы (не только гражданской, но и иных видов): увольнение и увольнение в связи с утратой доверия. Разница между ними состоит в том, что информация об увольнении служащего в связи с утратой доверия подлежит включению в специальный реестр на срок до 5 лет⁶. Однако никаких дополнительных ограничений на служащих включение этой информации в реестр не налагает; уволенные в связи с утратой доверия государственные служащие могут без каких-либо ограничений (юридически установленных) вновь поступать на службу.

Иначе был решен вопрос в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Применение взыскания в виде удаления от должности никак не влияло на возможность уволенного поступить на государственную службу вновь. Исключение из службы, напротив, навсегда закрывало для него эту возможность. Наконец, отрешение от должности ограничивало действие такого запрета тремя годами.

Данная гибкая система прекращения государственно-служебных отношений способствовала повышению эффективности дисциплинарной ответственности чиновников Российской империи благодаря тому, что совершившие наиболее серьезные дисциплинарные проступки, в том числе, коррупционного характера, навсегда лишались права продолжить служебную деятельность, в то время как виновные в менее серьезных нарушениях, могли через какое-то время вернуться туда. В связи с этим пред-

⁵См.: ст. 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2019. № 51 (ч. 1). Ст. 7484.

⁶Постановление Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» // СЗ РФ. 2018. № 12. Ст. 1678.

ставляется уместным вспомнить, что и в настоящее время многие специалисты полагают, что увольнение государственных служащих в связи с утратой доверия, подразумевающее совершение ими наиболее серьезных дисциплинарных проступков (коррупционного характера) должно повлечь за собой не просто включение в специальный реестр, но и ограничение возможности поступить на государственную службу вновь, хотя бы на определенный срок [4, 12]. Представляется, что в этом плане использование опыта дореволюционной России могло бы служить определенным примером.

В то же время ряд других норм рассматриваемого Уложения, и, особенно практика их применения, свидетельствует, на наш взгляд, о не самых удачных некоторых решениях его составителей. Так, существенной особенностью Уложения о наказаниях уголовных и исправительных по сравнению с современным дисциплинарным законодательством было закрепление в нем исчерпывающего перечня проступков по службе (что, в общем-то, неудивительно, учитывая, что составлялось оно, прежде всего, как источник уголовного права). Как писал по этому поводу известный русский юрист и государствовед Н. М. Коркунов: «так как законодательство наше не отличает дисциплинарных провинностей от преступных деяний, а подводит их в Улож. о нак. под общее понятие преступлений и проступков, то отсюда само собой вытекает, что и дисциплинарные взыскания могут быть наложены начальством только за деяния, предусмотренные в Уложении, как это прямо и указано в ст. 172 *Общ. учр. губ.*» (*Общее губернское учреждение – прим. автора*)⁷.

В тексте же Уложения законодатель стремился предусмотреть все возможные виды противоправных деяний, не полагаясь на обобщающие формулировки. Отчасти это объяснялось низким профессиональным уровнем российских судей, которые могли просто не разобраться в юридических абстракциях, и которым нужно было показать состав правонарушения как можно проще и нагляднее. В результате, как отмечают исследователи, авторы Уложения постарались в нем «отразить как можно больше конкретных ситуаций при неясности, запутанности и противоречивости общей картины» [5, с. 77].

Среди служебных проступков, за которые чиновники могли быть привлечены к дисциплинарной ответственности можно выделить «медленность и нерадение» при исполнении служебных обязанностей (ст. 410 Уложения); опоздание на службу или преждевременное убытие со службы (ч. 1 ст. 416); отвлечение других сотрудников от дел (ч. 2 ст. 416); неприбытие на дежурство или самовольное досрочное убытие с места несения службы (дежурства), а также «всякие другие в исправлении сей должности упущения» (ч. 3 ст. 416) и др. Как отмечают современные исследователи «статьи Уложения о наказаниях, регламентировавшие применение взысканий за нарушения по службе, содержат неопределенные формулировки, допускавшие широкий простор для усмотрения начальства в вопросах

⁷ Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Часть 1. СПб.: Типография Второго отдела Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. 873 с.

не только назначения наказания, но и определения самого действия как наказуемого (например, подпадающее под представление о «нерадении»). Указанные нормы относились ко всем чиновникам, включая и чинов полиции» [2, с. 84].

Однако несмотря на это, как свидетельствуют современники, на практике нередко все же складывались ситуации, когда действия чиновника, не исполнившего свои обязанности надлежащим образом, формально не подпадали ни под один конкретный состав правонарушения. В результате руководитель учреждения не мог объявить чиновнику даже замечания, если его действия не сводились к перечисленным в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. В качестве выхода в таких случаях на практике использовалась отставка служащего по решению руководителя «без объяснения причин» (позднее названная отставкой по третьему пункту). Данный третий пункт был включен в ст. 788 и в нем говорилось, что чиновников, кои по убеждению начальства неспособны к исправлению возложенных на них должностей, или почему-либо неблагонадежны, или сделали вину, известную начальству, но такую, которая не может быть доказана, предоставляется начальникам, от коих зависит увольнение от должностей, увольнять по своему усмотрению и без просьбы их. В приказе о них пишется просто «увольняется от службы, без означения причин увольнения». На такое увольнение уволенный никуда не может жаловаться.

Сложилась парадоксальная ситуация: за не самый серьезный проступок по службе, не предусмотренный прямо Уложением, начальник не мог применить мягкое дисциплинарное взыскание к виновному, но мог его уволить. Вполне понятно, что подобное положение существенно снижало как эффективность мер ответственности, применяемых к чиновникам, так и эффективность государственно-служебной деятельности в целом. Государственные служащие чувствовали себя незащищенными от произвола со стороны руководства, что порождало определенный правовой нигилизм с их стороны («хорошо работаешь или плохо – все равно могут уволить в любой момент без объяснения причин»), и ставило их от него в чрезмерную зависимость, что, в свою очередь, могло повлечь стремление исполнять любые поручения начальства, в том числе и не вполне законные. С другой стороны, как отмечает В. Е. Зубов, и «руководитель оказывался крайне ограничен в мерах воздействия на подчиненных, поскольку не мог постоянно пользоваться правом отставки, превращая его из исключительного средства в обыденное» [8].

Отметим, что указанная ситуация критиковалась и современниками. Так, статс-секретарь А. С. Танеев в 1850 г. предлагал увязать увольнение без прошения с совершением чиновником преступления, которое было бы подтверждено судебным решением. Министр юстиции В. Н. Панин считал необходимым данную меру оставить, но существенно ограничить ее применение, предоставив такое право только министрам и главноуправляющим [8]. Н. М. Коркунов отмечал по этому поводу: «существующая у нас, таким образом, организация дисциплинарной ответственности представляется далеко неудовлетворительной. Постановления закона не полны, и ими вовсе не ограждаются права служащих, поставленных в совер-

шенную зависимость от произвола начальства... Возможность применения ее (*отставки без объяснения причин – прим. автора*), по усмотрению начальства, лишает служащих всякой уверенности в обеспеченности своего положения, но ни один начальник не решится применять ее сколько-нибудь часто. А нормальные условия применения других дисциплинарных мер, требующие применения дисциплинарных взысканий только в предусмотренных уголовным законом случаях, могут часто ставить начальство в беспомощное положение, в невозможность законным путем взыскать с неисправного служащего» [9].

В связи с изложенным, нельзя не вспомнить об озвучиваемых время от времени предложениях формализовать институт дисциплинарной ответственности государственных служащих путем закрепления в законодательстве исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков. Так, к примеру, А. В. Куракин считает необходимым разработку и принятие Основ или Кодекса дисциплинарной ответственности должностных лиц органов государственной власти, в особенной части которых содержался бы перечень дисциплинарных проступков и ответственность за каждое нарушение [10]. Как представляется, приведенный выше опыт применения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных свидетельствует о неэффективности такого подхода. Полагаем, что исчерпывающим образом в законодательстве о дисциплинарной ответственности на государственной службе может быть закреплена только перечень грубых дисциплинарных проступков, закрепление же фиксированного перечня иных, которые, по нашему мнению, уместно подразделять на значительные и незначительные, считаем нецелесообразным [6, с. 12].

Также достаточно слабым местом института дисциплинарной ответственности государственных служащих Российской империи была, по мнению как современников, так и ученых настоящего времени, недостаточно проработанная нормативная база дисциплинарного производства. По сути, требования к производству о наложении взысканий за служебные проступки сводились лишь к одному требованию, закреплённому в ст. 173 Общего губернского учреждения, согласно которому «никакое взыскание не может быть наложено без истребования предварительно от признаваемых виновными объяснения». Однако и данное правило имело исключения. В частности, без каких-либо запросов и объяснений со стороны наказываемого чиновника взыскания за служебные проступки могли быть наложены губернатором «во всех тех случаях, когда он сам лично усмотрит в подчиненных ему полицейских местах и учреждениях по части распорядительной какие-либо упущения или беспорядки, и о причине сих упущений и беспорядков есть уже ввиду его достаточные сведения». В такой ситуации губернатор мог своей властью подвергнуть виновных «непосредственно от себя или через губернное правление установленным в законе взысканиям, без предварительного истребования объяснений».

Правда, необходимо отметить, что для отдельных чиновников был установлен особый порядок дисциплинарного производства, в частности, для земских начальников, должностных лиц городского и земского управления, присяжных поверенных. Однако достаточно сложная система про-

изводства, характеризующаяся состязательностью сторон, была предусмотрена только для служащих судебного ведомства. В дисциплинарном производстве по нарушениям судей выделялись следующие стадии: 1) возбуждение производства определениями судов или предложениями министра юстиции; поводом служат или непосредственное усмотрение председателей судебных мест, или же жалобы частных лиц; 2) предварительное производство – истребование от обвиняемого объяснения, собрание справок и необходимых сведений и предварительное обсуждение в распорядительном заседании суда; 3) рассмотрение и решение дела общим собранием департаментов или отделений суда [13]. Это было связано со стремлением составителей Судебных уставов 1864 года обеспечить максимальную независимость судей и уменьшить возможность незаконного давления на них со стороны руководства.

Заключение. Таким образом, подводя итоги, констатируем, что к концу XIX столетия служебно-деликтное право выделилось в самостоятельную подотрасль права государственной службы [7], включающую в себя нормы о дисциплинарной и уголовной ответственности должностных лиц Российской империи. При этом как у ученых, так и у законодворцев все четче формировалось убеждение о том, что дисциплинарная ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности и не должна отождествляться с уголовной. Однако окончательное их разделение произошло только в советский период.

Список литературы

1. **Балковая В. Г.** Становление института ответственности должностных лиц таможенного ведомства. Историко-правовой анализ // Закон и право. 2018. № 11. С. 22 – 27.
2. **Быков А. В., Быкова А. Г.** Правовое регулирование взысканий за дисциплинарные проступки чинов полиции Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 6. С. 80 – 88. doi: 10.25136/2409-868X.2019.6.28327
3. **Гончарук Н. С.** Изменения Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в части усиления административно-правовых мер противодействия коррупции в органах государственной власти // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 51 – 57.
4. **Гришковец А. А.** Дисквалификация государственных гражданских служащих // Административное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 1122 – 1138.
5. **Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л.** Феномен бюрократии в историко-социологической перспективе // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 5. С. 71 – 80.
6. **Добробаба М. Б.** Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Саратов, 2018. 50 с.
7. **Добробаба М. Б.** Концептуальные основы служебно-деликтного права // Lexrussia. 2014. № 2. С. 199 – 210.
8. **Зубов В. Е.** Проблема дисциплинарной ответственности гражданских служащих в России второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 30 – 34.

9. **Коркунов Н. М.** Русское государственное право. Изд. шестое под ред. и с доп. М. Б. Горенберга, приват-доцента С.-Петербургского Университета. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. Вас. Остров, 5 лин., 28. 1909.

10. **Куракин А. В.** Административно-правовые аспекты юридической ответственности в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. 2013. № 7. С. 137 – 157.

11. **Ломакина Е. Н., Очаковский В. А.** Дисциплинарная ответственность чиновников в Российской империи // Эпомен. 2019. № 23. С. 186 – 190.

12. **Чаннов С. Е.** Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 59 – 69.

13. **Энциклопедический словарь** / Подъ редакцией профессора И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского. Издатель Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. С.-Петербургъ, 1890 – 1907.

14. **Юдин Н. С.** Юридическая ответственность государственных служащих в России на рубеже XVIII – XX веков // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2012. № 2 (19). С. 101 –114.

References

1. **Balkovaya V.G.** [Formation of the institution of responsibility of officials of the customs department. Historical and legal analysis], *Zakon i pravo* [Law and Law], 2018, no. 11, pp. 22-27. (In Russ.).

2. **Bykov A.V., Bykova A.G.** [Legal regulation of penalties for disciplinary misconduct of police officers of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)], *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: historical research], 2019, no. 6, pp. 80-88. doi: 10.25136/2409-868X.2019.6.28327 (In Russ.).

3. **Goncharuk N.S.** [Amendments to Federal Law No. 273-FZ “On Counteraction to Corruption” in terms of strengthening administrative and legal measures to counter corruption in public authorities], *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2019, no. 1, pp. 51-57. (In Russ.).

4. **Grishkovets A.A.** [Disqualification of state civil servants], *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and municipal law], 2013, no. 12, pp. 1122-1138. (In Russ.).

5. **Gudkov L., Levada Yu., Levinson A., Sedov L.** [The phenomenon of bureaucracy in a historical and sociological perspective], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 1989, no. 5, pp. 71-80. (In Russ.).

6. **Dobrobaba M.B.** *PhD of Doctor's thesis (Law)*, 12.00.14, Saratov, 2018, 50 p. (In Russ.).

7. **Dobrobaba M.B.** [Conceptual foundations of service and tort law], *Lexrussica*, 2014, no.2, pp. 199-210. (In Russ.).

8. **Zubov V.Ye.** [The problem of disciplinary responsibility of civil servants in Russia in the second half of the XIX - early XX century], *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], 2009, no. 2, pp. 30-34. (In Russ.).

9. **Korkunov N.M.** *Russkoye gosudarstvennoye pravo* [Russian state law], Izd. shestoye pod red. i s dop. M. B. Gorenberga, privat-dotsenta St.-Peterburgskogo Universiteta. St.-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. Vas. Ostrov, 5 lin., 28. 1909. (In Russ.).

10. **Kurakin A.V.** [Administrative and legal aspects of legal responsibility in the anti-corruption mechanism in the system of public service of the Russian Federation], *Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya* [Administrative law and practice of administration], 2013, no. 7, pp. 137-157. (In Russ.).

11. **Lomakina Ye.N., Ochakovskiy V.A.** [Disciplinary responsibility of officials in the Russian Empire], *Epomen*, 2019, no. 23, pp. 186-190. (In Russ.).

12. **Channov S.Ye.** [Disciplinary and administrative responsibility of state and municipal employees: efficiency issues], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2018, no. 2, pp. 59-69. (In Russ.).

13. **Andreyevskii I.Ye., Arsen'yev K.K., Petrushevskii F.F. (Eds.)** *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary], Izda-teli F. A. Brokgauz" i I. A. Yefron". St.-Peterburg", 1890-1907. (In Russ.).

14. **Yudin N.S.** [Legal responsibility of civil servants in Russia at the turn of the XVIII - XX centuries], *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2012, no. 2 (19), pp. 101-114. (In Russ.).

Efficiency of Disciplinary Liability of Civil Servants in the Russian Empire

M. B. Dobrobaba, *Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Kuban State University, Krasnodar, Russia,
dobrobaba_mb@mail.ru*

The article considers disciplinary liability of officials of the Russian Empire from the point of view of assessing the effectiveness of its application. The author concludes that the establishment of an exhaustive list of disciplinary offences in the 19th century legislation was primarily due to the fact that disciplinary liability had not yet been separated from criminal liability, had a negative impact on it as a means of influencing the conduct of officials. Thus, the existence of an exhaustive list of disciplinary offences made it difficult to impose effective disciplinary measures on officials who did not fully cope with their work, but whose actions did not fall within any particular composition.

At the same time, certain rules on disciplinary liability of that period deserve attention and the experience of their use can be taken into account at present. In particular, the legislation of the Russian Empire flexibly regulated the admission to public service of persons dismissed on guilty grounds: depending on the penalty applied, they could re-enter the service immediately; three years after the enforcement of the penalty, or have been deprived of that right. The article justifies that this experience can still be applied to public servants dismissed for loss of trust.

Keywords: disciplinary liability; disciplinary action; disciplinary offenses; disciplinary proceedings; disciplinary effectiveness; public service; criminal liability.

© М. Б. Добробаба, 2020

Статья поступила в редакцию 16.04.2020

При цитировании использовать:

Добробаба М. Б. Эффективность дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской империи // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 07 – 17. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.007-017

Исследованы вопросы становления и развития пенсионной системы Российской империи в XIX – начале XX веков. Обосновано, что Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. заложил основу целостной системы пенсионного обеспечения. Установлено, что одной из положительных мер, направленных на создание благоприятных условий для развития пенсионного обеспечения, стало введение специальных льготных условий для отдельных категорий государственных служащих, касающихся сокращения срока выслуги лет для приобретения права на пенсию. Определено, что параллельно с государственным пенсионным обеспечением развивалась система негосударственного пенсионного обеспечения государственных служащих, действовавшая на основе двух моделей (эмеритальной – основанной на страховании и сберегательно-вспомогательной).

Ключевые слова: пенсия; признание; государственное пенсионное обеспечение; негосударственное пенсионное обеспечение; эмеритальная модель; сберегательно-вспомогательная система.

Ангелина Вячеславовна Лапаева, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Теории и истории государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия;
anlapaeva@gmail.com

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

Введение. В современных реалиях развития социального государства в России особую актуальность приобретает бесценный исторический опыт становления пенсионного обеспечения. Реформирование пенсионной системы обусловлено ее несостоятельностью, потребностью в выходе из кризисной ситуации посредством поиска оптимального механизма, адаптированного под экономические, социально-политические, демографические и другие факторы российской правовой действительности.

Обсуждение. Первые очертания социального обеспечения на Руси начали зарождаться с принятием христианства и, соответственно, развитием благотворительности. В дальнейшем, оно стало распространяться на военнотружущих и членов их семей. Социальное обеспечение имело в тот период натуральную форму (предоставление земельных наделов, приютов и т.п.). Дальнейшие изменения социального обеспечения были обусловлены трансформацией экономической жизни страны, что послужило толчком к его дальнейшему развитию. В начале XVIII века одним из первых систематизированных актов социальной поддержки стал Морской устав 1720 г., положения которого распространялись на воинов, пострадавших

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

в бою или достигших преклонного возраста на службе, а также их вдов и сирот и далее – лиц, оставивших службу по выслуге лет [4].

Дальнейшее развитие пенсионного обеспечения коснулось семей убитых, умерших на службе генералов, офицеров, рядовых из дворян, что указывало на необходимость введения системного акта. В первой половине XIX в. перечень лиц, обладающих правом на получение пенсии, был расширен за счет иррегулярных войск и чиновников ведомств (пенсионные выплаты относились к видам государственного обеспечения).

Введение «Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим» от 6 декабря 1827 г. (далее – Устав) послужило основой для закрепления на законодательном уровне приоритета пенсий среди других видов социального обеспечения отставных служащих и членов их семей. Закрепляя пенсию в качестве государственной награды, было установлено, что именно Государственное казначейство должно заниматься выплатами пенсий и единовременных пособий. Пенсии были разделены на две группы: военные (генералы, штаб-офицеры, обер-офицеры и низшие чины) и гражданские (чиновники соответствующих ведомств, служители) [8].

Согласно Уставу выслуга лет при беспорочной военной службе от двадцати до тридцати лет являлась основанием для получения пенсии в размере 1/3 от жалованья, от тридцати до тридцати пяти лет – 2/3 от жалованья, а от тридцати пяти лет и более считалась основанием для выплаты жалованья в полном объеме. Гражданские служащие (чиновники, прошедшие службу безупречно в духовном и гражданском ведомстве) также имели право на получение пенсий и пособий. Действовало деление на девять разрядов чиновников, первые два из которых устанавливались на высочайшее усмотрение, остальные определялись выслугой лет и занимаемым разрядом. Например, тридцатипятилетняя служба приравнивалась к окладу по разряду, от тридцати до тридцати пяти лет – не менее 2/3, а от двадцати до тридцати – не менее 1/3 [8].

Пенсионное обеспечение гарантировалось также вдовам и сиротам гражданских служащих из средств повышения в чине и отчислений с окладов жалования чиновников (свыше пятисот рублей в год – две копейки с одного рубля, а ниже – одна копейка с рубля), а также вычеты из «столовых денег», равные половине жалования по должности – одна копейка с рубля. В случае недостаточности отчисляемых средств необходимо было обращаться за их пополнением из Государственного казначейства [3, с. 33].

Устанавливались отдельные льготные категории для назначения пенсии в связи с сокращением сроков по выслуге лет, получением пенсии с одновременным нахождением на службе. Например, сюда относились постановления о пенсии для служащих в придворном ведомстве (за пятнадцать лет выслуги – 1/3 жалования, за двадцать – половина, за тридцать – полное жалование, за тридцать пять – полное жалование и 1/3 от содержания и т.д.) [7], в ведомствах по ученой и учебной части (от двадцати до двадцати пяти лет – половина размера от оклада, двадцать пять и более лет – полный оклад жалования) [8].

Одним из существенных недостатков действующего Устава стало то, что те пенсии, которые назначались, были малы по сравнению с содержанием по службе. Происходило увеличение государственных расходов из казны, в связи с тем, что пенсионное обеспечение начислялось исключительно с жалования и премиальных. В Устав были внесены изменения Указом от 6 ноября 1853 г. Новеллы касались вопросов о сроках выслуги лет. Выслуга в двадцать пять лет давала право на получение половины оклада, а в тридцать пять лет, соответственно, на полный оклад.

Кроме того, изменился и размер пенсии гражданских чиновников. Он определялся, исходя из разряда последней должности, которую необходимо было занимать не менее пяти лет. В отношении семей умерших чиновников действовало правило выплат, если срок службы чиновников составлял до десяти лет – в размере полугодового жалования, а если двадцать пять – тридцать пять лет – в размере годового жалования.

Параллельно с государственным развивается система негосударственного пенсионного обеспечения государственных служащих, действовавшая на основе двух моделей. Первая – эмеритальная, которая базировалась на страховании, вторая – сберегательно-вспомогательная. Отличительными критериями указанных систем являлись распределительные и накопительные принципы, а также порядок обеспечения пенсионных прав.

Эмеритальный подход (от лат. *emeritus* – заслуженный) стал одной из первых попыток во избежание нагрузки на казну сформировать пенсионный капитал путем накопления личных средств граждан за счет обязательных вычетов из жалования будущих пенсионеров (от 3 до 6 %). Накопленный таким образом пенсионный капитал вкладывался в государственные облигации или ипотечные ценные бумаги. Размер будущей пенсии зависел от срока участия в эмеритальной кассе. В полном объеме пенсию могли получать те, которые состояли в эмеритальной кассе в течение от 20 до 30 лет. Эмеритальная система действовала для военно-сухопутного ведомства, в дальнейшем она нашла свое распространение в отношении других категорий граждан (были созданы земские эмеритальные кассы, эмеритальная касса Министерства юстиции, эмеритальные кассы для духовенства и др.) [1, с. 19].

В 1888 г. впервые были созданы пенсионные кассы страхового типа на железных дорогах, инициаторами которых выступили частные железные дороги [6, № 26]. Создание подобных касс было оправданным шагом на пути расширения пенсионной поддержки. Если провести параллель с современным опытом, то пенсионные кассы страхового типа схожи с нынешними негосударственными фондами. В 1900 г. Министерством народного просвещения была создана пенсионная касса для наименее обеспеченных преподавателей начальных народных училищ. Взносы в эти кассы осуществляли содержащие эти училища учреждения и общества по числу учительских мест [9].

Следующим этапом на пути реформирования пенсионного страхования стало принятие в 1912 году ряда законов: «Об обеспечении рабочих

на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаях на производстве», «Об утверждении Совета по делам страхования рабочих» [11, с. 175].

Заключение. Подводя итоги, отметим, что российское пенсионное обеспечение в XIX – начале XX веков постепенно развивалось, что находило свое закрепление на законодательном уровне. Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. заложил основу целостной системы пенсионного обеспечения. Положения Устава объединяли такие виды государственного обеспечения, как пенсионное и призрение, при этом выплата пенсий государственным служащим осуществлялась из средств государственного казначейства, а выплаты их семьям – из специально созданного целевого фонда за счет вычета из денежного содержания государственных служащих.

Одной из положительных мер, направленных на создание благоприятных условий для развития пенсионного обеспечения, стало введение специальных льготных условий для отдельных категорий государственных служащих, касающихся сокращения срока выслуги лет для приобретения права на пенсию.

Параллельно с государственным пенсионным обеспечением развивалась система негосударственного пенсионного обеспечения государственных служащих, действовавшая на основе двух моделей (эмеритальной – основанной на страховании и сберегательно-вспомогательной). Отличительными критериями указанных систем являлись распределительные и накопительные принципы, а также порядок обеспечения пенсионных прав.

Список литературы

1. **Бокарев Ю. П.** Первые пенсионные системы Российской империи // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 4. С. 15 – 23.
2. **Еремينا Т. И.** К вопросу о правовом оформлении государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX – начале XX вв. // Современная гуманитарная наука: проблемы и перспективы развития: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Покров, 2015. С. 59 – 64.
3. **Лапаева А. В.** Пенсионное обеспечение в Российской империи в период действия Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти, 2020. С. 30 – 33.
4. **Морской устав** 15 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1830. Т. VI. № 3485.
5. **Рафикова Р. Р.** Опыт правового регулирования негосударственного пенсионного страхования в дореволюционной России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2011. № 75. С. 111 – 121.
6. **Рыкачев А.** К вопросу о пенсионной кассе // Саратовская Земская Неделя. 1901. № 26 – 29.
7. **Устав** о пенсиях и единовременных пособиях по придворному ведомству // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. III. Кн. 1. Разд. 2.

8. **Устав** о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. II. № 1592.
9. **Устав** эмеритальной кассы при Московском Учетном Банке. М.: Тип. Т. И. Гаген, 1895. 18 с.
10. **Федоров А. П.** К вопросу о генезисе принципов пенсионного обеспечения наемных работников в Российской империи // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 1. С. 555 – 567.
11. **Чеснокова Ю. В.** Становление пенсионного обеспечения в России в XVI – начале XX вв. // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 173 – 175.

References

1. **Bokarev Yu.P.** [First pension systems of the Russian Empire], *Vestnik YuUrGU. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of SUSU. Ser.: Social Sciences and Humanities], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 15-23. (In Russ.).
2. **Yeremina T.I.** *Sovremennaya gumanitarnaya nauka: problemy i perspektivy razvitiya: sb. tr. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern humanitarian science: problems and development prospects: Collection of articles. tr. International Scientific and Practical Conference], Pokrov, 2015, pp. 59-64. (In Russ.).
3. **Lapayeva A.V.** *Tatishchevskiye chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: sb. materialov XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tatishchevskie readings: actual problems of science and practice: collection of articles. materials of the XVII International scientific and practical conference], Tol'yatti, 2020, pp. 30-33. (In Russ.).
4. **Morskoy ustav** 15 yanvary 1720 g. [Maritime charter January 15, 1720], *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, 1830, vol. VI, no. 3485. (In Russ.).
5. **Rafikova R.R.** [Experience of legal regulation of non-state pension insurance in pre-revolutionary Russia], *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2011, no. 75, pp. 111-121. (In Russ.).
6. **Rykachev A.** [On the question of the pension fund], *Saratovskaya Zemskaya Nedelya* [Saratov Zemskaya Week], 1901, no. 26-29. (In Russ.).
7. **Ustav o pensiyakh i yedinovremennykh posobiyakh po pridvornomu vedomstvu** [Charter on pensions and lump-sum benefits for the court department], *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, 1912, vol. III, Book 1, Razdel 2. (In Russ.).
8. **Ustav o pensiyakh i yedinovremennykh posobiyakh ot 6 dekabrya 1827 g.** [Charter on pensions and lump-sum benefits from December 6, 1827], *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, 1830, vol. II, no 1592. (In Russ.).
9. **Ustav emerital'noy kassy pri Moskovskom Uchetnom Banke** [Charter of the Emergency Cash Office at the Moscow Accounting Bank], Moscow: Tip. T. I. Gagen, 1895, 18 p. (In Russ.).
10. **Fedorov A.P.** [On the question of the genesis of the principles of pension provision for employees in the Russian Empire], *Rossiyskiy yezhegodnik trudovogo prava* [Russian Yearbook of Labor Law], 2006, no. 1, pp. 555-567. (In Russ.).
11. **Chesnokova Yu.V.** [Formation of pension provision in Russia in the XVI – early XX centuries], *Izvestiya PGPU imeni V.G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V.G. Belinsky], 2012, no. 28, pp. 173-175. (In Russ.).

The Pension System in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries

A. V. Lapaeva, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
anlapaeva@gmail.com*

The article examines the formation and development of the pension system of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. It is proved that the Charter on pensions and lump-sum benefits for state (military and civil) employees in 1827 laid the foundation for an integral pension system, which combined such types of state security as pension and grant. It was established that one of the positive measures aimed at creating favorable conditions for the development of the pension system was the introduction of special preferential conditions for certain categories of civil servants, concerning the reduction of the length of service for the acquisition of the right to a pension. It is determined that in parallel with the state pension system, a non-government pension system for civil servants was developed, which operated on the basis of two models – the emerita pension (insurance-based) and the savings-support pension (account-based).

Keywords: pension; charity; state pension; private pension; emerita pension model; savings-support system.

© А. В. Лапаева, 2020

Статья поступила в редакцию 10.05.2020

При цитировании использовать:

Лапаева А. В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в XIX – начале XX веков // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 18 – 23. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.018-023

Приведены результаты изучения вопроса эволюции конституционно-правового статуса греческого короля. Навязанная Греции державами-покровительницами Старого Света монархическая форма правления, как принимавшаяся за эталон европейской формы государственного устройства, отражала процессы сокращения, а иногда и исчезновения ее характерных признаков. История греческого права и государства 1830 – 1974 гг. показала периодические изменения в статусе короля, которым предшествовали внутривнутриполитическая напряженность (в виде столкновений с волей народа, несоответствий интересам армии, незрелости партийной системы, экономической нестабильности и др.) и постоянное давление извне. При изучении процесса изменения конституционно-правового статуса короля Греции выявлены причинно-следственные связи таких трансформаций и пояснены несоответствия особенностям управления греческим королевством характерным признакам «чистой» формы монархического правления. Ограниченный характер статуса короля, династическая смена, специфическая передача власти, не олицетворявший ни единство нации, ни историческую преемственность традиции глава государства характеризуют развитие греческой монархии как нетипичное для этой формы правления. Поэтому форму правления в греческом королевстве, по мнению автора, уместно называть «нетипичной монархией».

Ключевые слова: Греция; нетипичная монархия; греческий король; конституционно-правовой статус короля; эволюция статуса короля; признаки формы монархического правления; отречение от престола.

Алексей Владимирович Меликов, канд. техн. наук, доцент,
кафедра энергетических систем и электростанций,
ФГБОУ ВО «Федеральный государственный аграрный университет»,
Волгоград, Россия;
AleksejV.Melikov@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОРОЛЯ ГРЕЦИИ: АНАЛИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ «ЧИСТОЙ» ФОРМЫ МОНАРХИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Введение

С XV в. по 1820 г. Греция находилась под властью Османской империи. По истечению освободительного восстания нетурецкого населения 1821 – 1829 гг., понимавшего состояние глубокого социально-экономического кризиса ига [5], при поддержке державных государств (Соединенного Королевства, Франции и Российской империи), решавших на тот момент свои геополитические задачи, была провозглашена независимость Греции.

Президентом молодого независимого греческого государства был избран И. Каподистрия (1830–1831) – бывший статс-секретарь иностранных дел Российской империи, сыгравшей решающую роль по принуждению

турков-османов к подписанию мирного договора, признавшего греческую автономию. Казалось, что вопрос государственного устройства решен раз и навсегда. Однако великие державы, выступавшие в качестве гарантов суверенитета новообразованного государства, имели свой интерес в этом регионе, поэтому *судьба Греции во многом зависела от внешних факторов*.

Политический курс первого президента, жизнь которого была связана с Российской империей, не устраивал ни Соединенное Королевство, ни Францию. Его убийство «потребовало» незамедлительной помощи держав Старого Света, решительно осуществивших не только персональные, но и серьезные качественные изменения в судьбе греческого государства, сделав его королевством. Российской империи, достигшей основной цели прикрытия южных границ и не желавшей раздора в отношениях с партнерами по военному альянсу, оставалось лишь согласиться с их решением. Таким образом, *монархия в Греции была определена крупными державами* того времени [8] на основе соглашения Лондонского протокола 1830 г, по которому ее трон был предложен нейтральной фигуре – второму сыну короля Баварии 17-летнему принцу Оттону I (1831 – 1862), принадлежавшему к немецкой династии Виттельсбахов, не связанной родственными узами со странами «большой тройки», и унаследовавшему от отца-монарха, единственного увлекшегося греческим восстанием, симпатию к греческому народу.

Монархии в Греции посвящено много работ зарубежных авторов, среди которых выделяются научные труды К. Вергопулоса, Дж. Ван дер Кисте, Дж. Рассела. История развития греческого королевства описана и в работах отечественных ученых (правда, их количество на порядок меньше зарубежных аналогов), например, раздел монографии [2, 7]. Однако вопросы эволюции статуса короля и «деформированные» изменениями характерные признаки монархической формы правления в этих работах изучены не в полной мере.

Королевство Греция – династия Виттельсбахов (1833 – 1863)

Историй становления новых независимых европейских государств в XIX в. было немало, однако греки «инициировали этот процесс» раньше. Первая республиканская форма правления греческим государством, выбранная Национальным собранием, словно опережала время и совершенно не внимала влиянию внешних факторов. *Последнее является предпосылкой к формированию греческой формы государственного правления, по своим признакам характеризовавшейся как «нетипичная монархия»*. Потому что «навязанная свыше» Греции монархия, принимавшаяся за эталон европейской формы государственного устройства Франции, Соединенного Королевства, Бельгии и др., отражала процессы сокращения, а иногда и исчезновения, «чистых» форм монархического правления. Например, верховная власть короля, принятая франками еще в 430-е гг., воспринялась как согласная с природой форма правления государственного образования, начавшаяся под предводительством их короля Меровея из

династии Меровинги с закрепления южных земель (после получения «федерата» Римской империи в 358 г.) [4]. Грекам была настоятельно рекомендована персона «чужого» короля, хотя и именовавшегося впоследствии как «короля эллинов», да и сама полнота власти, принадлежавшая монарху и осуществлявшаяся им единолично, грекам исторически была чужда.

И первое столкновение монархии в Греции с волей народа, недовольного засильем баварцев в стране и неограниченной властью короля, наступившее в сентябре 1843 г. и потребовавшее конституционных изменений, стало тому подтверждением [2]. Положив начало административно-территориальному делению страны, греческой администрации, армии, системам правосудия и образования, баварский принц был искренним в своем желании дать Греции хорошее правительство, но пострадал от двух больших «напастей»: его римско-католической веры и бездетного брака с королевой Амалией Ольденбургской. Конституция, обнародованная в марте 1844 г., закрепляла принцип исповедования православия наследником короля и присутствие греков, большинство из которых были командующими во время национально-освободительной войны, в двухпалатном парламенте. Формально *статус короля стал носить ограниченный характер* [9].

Один из главных признаков неограниченной монархии – полнота власти, принадлежащая королю и осуществляемая им единолично, – был нарушен греками меньше, чем за 15 лет. Бесспорно, абсолютизм как исторически прогрессивная форма правления европейских государств XVII–XVIII вв., получившая наибольший расцвет во Франции, Соединенном Королевстве и Испании, в XIX столетии постепенно угасала, становясь институтом, задерживающим дальнейшее развитие капитализма, в частности, и общества в целом. Однако в развитых капиталистических странах, где прошли ранние буржуазные революции, поправки госустройства в виде конституционных изменений вызревали в обществе в течение не одного десятилетия.

Сам факт присяги королем Оттоном I был определен его напуганной реакцией на французскую революцию 1848 г. Взгляд через историко-хронологическую призму на деятельность баварского принца не обнаруживал ни самостоятельности убеждений, ни способностей государственного человека. Попеременно, поддаваясь влиянию борющихся партий (русской, французской и английской), король систематически нарушал клятву на верность конституции Греции. *«Иностранный» монарх не оправдал надежд греков и под давлением восставшей армии в 1862 г. был вынужден подписать отречение.*

Королевство Греция – династия Глюксбургов (1863 – 1924)

Единственным кандидатом, устроившим великие державы, стал представитель датской династии, имевший родственные связи с российским и британским дворами [6]. Новый король Греции, коротко именуемый Георгиосом I, не знал греческого языка, исповедовал лютеранство и был несо-

вершеннолетним. Ему досталась экономически крайне отсталая сельскохозяйственная страна, наиболее развитые территории (Крит, Фессалия, Эпир) которой продолжали находиться под властью османов. Греческое государство безнадежно оказалось в долговой яме перед лондонскими финансовыми компаниями, а «родственные обязательства» греческого монарха только отягчали и без того непростую ситуацию. При таких обстоятельствах в греческом королевстве были заложены основы «триархии» – политической системы, просуществовавшей вплоть до конца 60-х гг. Другими словами, *в Греции фактически было признано «триединство» власти институтов монархии, парламента и армии, поддерживаемых в угоду политическим группировкам, представлявшим интересы разных иностранных государств.*

Санкционированная смена династий [7] державами-покровительницами подчеркивает характерную особенность нетипичного развития греческой монархической формы правления, поскольку власть монархов пожизненна и передается им по наследству при сохранении династической линии.

В греческом обществе к моменту восхождения на престол Георгиоса I недостаточно вызрели буржуазные отношения, партии как политические институты недосформировались, механизмы формирования и функционирования органов верховной власти были сбиты, поэтому в социуме царил анархия и бестолковщина, что вылилось в бурное и драматичное царствование короля Греции, продлившееся 50 лет. Но несмотря на юный возраст и непростое состояние дел, Георгиос I (по рекомендациям английского правительства) сделал политически верный первый шаг – в 1864 г. была принята новая конституция, уменьшившая полномочия короля, упразднившая сенат, давшая возможность развития института парламента. Однако *временем неподготовленная демократизация институтов власти* в виде расширения привилегий на всех взрослых мужчин *открыла доступ ранее политически бесправному населению к процессу принятия решений, что характерно для определения «нетипичной» формы правления.* Для сравнения, когда закончилась война за независимость Греции, избирательная система Бельгии, впервые сформированная в 1792 г., испытывала качественные преобразования, легшие в основу развития всего избирательного права в западноевропейском королевстве [3].

Декларация общественного банкротства в 1893 г., вызванная перенапряжением слабой греческой экономики и наложением Международных полномочий финансового контроля страны-должника, отказ в помощи восставшим критянам в силу большой зависимости от британского мнения, не прибавили популярности королю Георгиосу I. В 1910 г. к власти в Греции пришло правительство вождя критских либералов Э. Венизелоса, которое «яро» приступило к реализации великогреческой идеи [1], более 30 лет согревающей умы граждан консервативного толка. Недостаточный решимости и полной противоречивости «квазиверховный» главнокомандующий король Греции уже не управлял настроением народных масс, которое с каждым годом усиливалось сторонниками нового правительства.

Неожиданное убийство греческого монарха в Салониках в 1913 г. в разгар военных действий на Балканах оказалось на руку австро-венграм, стремящимся развалить Балканский союз, или дипломатам из Германской империи, желавшим усилить влияние решений династии на политику Балканского полуострова, или болгарам – по географическим причинам. На престол вступил старший сын короля Георгиоса I – Константин (Константинос) I (1913 – 1917, 1920 – 1922). Родившийся в Греции православный король, носивший имя, усиливающее дух романтического греческого национализма, впервые мог претендовать на народного и любимого. Однако в отличие от отца, Константинос I твердо верил в военную мощь не Греции, а Германии. В начавшейся мировой войне 1914 – 1918 гг. греческие правящие круги разделились [13]: Э. Венизелос возглавил Временное правительство национальной обороны, которое было признано союзниками Антанты *de-facto*, а греческий монарх всячески препятствовал действиям Англии и Франции. И как результат, в июне 1917 г. верховный комиссар держав после совещания с экс-премьер-министром и командующим союзными войсками потребовал отречения Константиноса I от престола в течение суток. *Снова греческий монарх стал заложником внешнеполитических потрясений.*

На престол, в обход наследного принца Георгиоса II, который, как и отец, был германофилом, взошел второй сын Константиноса I – Александрос I (1917 – 1920). *Король Греции*, в силу сложившихся обстоятельств прихода к власти и сильного авторитета премьер-министра Э. Венизелоса, *не имел реальной власти.* Александрос I, выполняя роль «свадебного генерала», большей частью путешествовал по местам военных действий, поддерживая боевой дух солдат. Осенью 1920 г. от укуса комнатной обезьянки он скончался [11].

После смерти короля Греции Э. Венизелос заявил о создании республики. На выборах в правительство действующий премьер-министр потерпел поражение, потому что его идея не была поддержана ни народом, не до конца понимающим ее сути, ни «старшими товарищами», не желавшими кардинально менять сложившиеся условия. В декабре 1920 г. новая палата, проведя референдум, вернула трон Константиносу I, изгнав на этот раз экс-премьер-министра и его команду военачальников.

Король вместо решения внутривосточных проблем Греции возглавил войска и направил их в сторону Османской империи, подойдя к Анкаре. Успешное движение объяснялось инерцией всех сопутствующих военной активности служб, руководители которых наспех были заменены монархом. Греко-турецкая война начала 20-х гг. XX в. [12] *позволила Константиносу I на мгновение стать «символом нации».* Но наступление, зиждившееся на инерционном движении и слабом военном управлении, сменилось бегством и сдачей в плен главного штаба. Такой исход событий не мог оставить солдат равнодушными, *связывавшими унижительное поражение напрямую со слабой личностью короля.* «Катастрофа» греческой идеи углубила политический кризис в стране, оставила Грецию в финансовом отношении исчерпанной, не способной накормить свой народ, деморализованной. И, как следствие, в греческой армии вспыхнуло восстание, в результате которого королю Греции Константиносу I эфемерно

пришлось вторично отречься от престола, теперь уже в пользу старшего сына Георгиоса II (1922 – 1924, 1935 – 1947). Парадокс ситуации заключался в том, что в действительности король не был сторонником этой войны и уж точно не должен был нести ответственность за результат боевых действий. *Вмененная юридическая ответственность монарху за неуспех в военных делах, повторное отречение от престола, специфическая передача власти – нетипичные признаки, характеризующие монархию.*

Период политической турбулентности в государственном управлении

Царствование Георгиоса II было непродолжительным. Полученное в наследство военно-политическое и экономическое состояние дел было сложно запутанное, противоречивое и беспокойное. «Революционный Комитет», проводивший политику охоты на ведьм против сподвижников короля, напрочь запугал сторонников монархии. Идея создания национального собрания, наскоро переписывавшего старую конституцию, тоже оказалась неудачной. Как результат неудавшихся идей, в декабре 1923 г. на выборах в правительство победили республиканцы, по требованию которых король Греции должен был отправиться в изгнание в Лондон. Лишенный гражданства Георгиос II покинул Грецию и уехал, но не в Лондон, а в родную страну своей жены – Румынию.

Период нестабильности царствований, постоянных войн и переворотов, преследовавших Грецию более 60 лет, оказался прологом к другому, еще более драматичному периоду политической турбулентности в государственном управлении.

25 марта 1924 г. Учредительное собрание провозгласило Грецию республикой. Государственное управление, впервые озвученное 4 года назад Э. Венизелосом, при этих социально-экономических и военно-политических обстоятельствах оказалось вдруг понятным и актуальным народу. Хотя и в республиканской Греции по-прежнему не прекращалась ожесточенная борьба партий между прореспубликанцами и монархистами, отказывавшимися признавать легитимность республики. К этой поляризации в обществе было добавлено дестабилизирующее участие военных в политике, с «завидной» периодичностью осуществлявших попытки переворотов. Великая депрессия имела катастрофические последствия для экономики Греции.

Нападение Италии осенью 1940 г. и последовавшая оккупация Греции силами фашистских и примкнувших к ним захватчиков, движение Сопротивления с сильным прокоммунистическим крылом и наступившим освобождением страны в начале 1944 г. – события, напрямую затрагивавшие «королевский вопрос». В марте 1946 г. *после проведения референдума (с явными нарушениями процедуры) под патронажем «сильных Европы сей» была восстановлена монархия с королем на престоле Георгиосом II.* Однако коммунисты, представлявшие идеологическую угрозу, не вписывались в проект политического ландшафта Греции, разрабатываемого под диктовку Англии. И только при их военной помощи с участием контингента американской армии либералы победили коммунистов, на стороне

которых сражались бойцы Сопротивления, в трехлетней гражданской войне. Ее окончание уже засвидетельствовал Павлос I (1947 – 1964) – брат Георгиоса II, – вошедший на престол после его смерти по болезни. Переход власти от брата к брату – еще одна особенность греческой формы правления, нарушившей основной признак монархии, будь то абсолютной или ограниченной: передачи верховной государственной власти по наследству, обычно, от отца к старшему сыну.

Правительство Великобритании не в силах было оказывать «помощь» греческому правительству в течение длительного времени, ведь ее экономические ресурсы были истощены в результате Второй мировой войны. И Греция была «переуступлена» Соединенным Штатам Америки, которые в марте 1947 г. публично заявили о принципе («Доктрина Трумэна»), определившем военную политику США по отношению к Греции, как, впрочем, и другим странам [10]. Под угрозой смертельной опасности свободе греческому государству от коммунизма, сочетавшегося с политикой, квалифицировавшейся как идеология экспансионизма, правительство США стало предоставлять экономическую и военную помощь Греции. Выработав значительно более масштабную программу содействия («план Маршалла»), коснувшуюся позиций кадровых военных и группировок гражданских политиков, постоянно интриговавших в парламенте, *США контролировала институт монархии в Греции вплоть до середины 1960-х гг.*

В марте 1964 г., после смерти по болезни короля Павлоса I, на престол взшел его сын Константинос II (1964 – 1973). *Павлос I, которого не готовили к роли короля эллинов (во многом как и пришедших к власти предков), воспитывал сына, специально предназначая его для этой миссии.* Константинос II пророчили хорошее будущее, однако *он вошел в историю как последний царствовавший православный монарх.* Этому способствовали национальная трагедия внутреннего конфликта, тормозившая политический, социальный и экономический прогресс греческого государства, внешнеполитическая зависимость от иностранных держав и неожиданный «дворцовый переворот», устроенный королем, грубо отстранившим действующее правительство. Константинос II фактически санкционировал диктаторский режим, ответом на который явилась хунта «черных полковников». В 1967 г. реакционная военщина совершила государственный переворот.

От имени короля (хотя Константинос II отказался подписывать) военная хунта опубликовала декрет о переходе власти в руки армии, урезала prerogatives королевского двора и приостановлении действия ряда статей конституции, касающихся демократических свобод. В стране было введено осадное положение, закрыты границы, запрещены собрания и забастовки, распущены все политические партии, введена строгая цензура. Константинос II, решившись на контрпутч, не был поддержан армией и гражданами; ему осталось только покинуть Грецию вместе с семьей. *Король-эмигрант – «козырная карта» во внешнеполитической колоде, симпатию к которому выражали сохранившие монархию столицы североатлантического альянса во главе с США (немаловажно!), не так давно готовившими «черных полковников».* Институт монархии *de-jure* функционировал в прежнем режиме, *de-facto* – с каждым годом упразднялся.

Окончательное решение правительства Греции в «королевском вопросе» было положено в июне 1973 г. по итогам референдума о ликвидации института монархии. *Страна была провозглашена президентской парламентской республикой.* Проведение открытого голосования о низложении короля, состоявшегося в условиях диктаторского режима, не было актом народного волеизъявления, а формальное провозглашение страны республикой не меняло существа антинародной диктатуры. Тем не менее с 1973 г. *Константинос II уже перестал быть королем.* Судьба сыграла с ним злую шутку: он способствовал приходу к власти диктаторского режима, впоследствии лишившего его трона. Впрочем, на престол экс-королю не удалось вернуться и после падения хунты, которое произошло в июле 1974 г. На общенациональном референдуме о будущем государственном устройстве страны около 70 % участвовавших в голосовании граждан Греции отвергли монархию, проголосовав за республику. Таким образом, *окончательная ликвидация монархии Глюксбургов (установление Греческой Республики) явилась выражением волеизъявления греческого народа – важнейшим политическим событием в стране за послевоенные годы.*

Заключение

Слабая внешнеполитическая позиция страны, посредственная внутренняя политика развития государства в сочетании с тотальным недоверием «родоначальников демократии», как показало время, не позволили монархической форме правления закрепиться на греческом престоле. Греция не знала правовой статус короны, а спустя время ее верховенства не приняла; режим «черных полковников», с исторической точки зрения, стал критической точкой, после которой граждане страны кардинально и решительно отказались от монарха.

Независимая Греция, поначалу функционировавшая как республика, описала в истории своего государственного устройства петлю, возвратившись к республиканской форме правления. За неполную полуторазековую историю монархии греки так и «не поняли» конституционно-правовой статус короля, с одной стороны, потому что не знали как «работать» с королевским двором – «модным» на момент объявления о независимости Греции государственным устройством страны, а с другой стороны, эфемерность политической жизни не способствовала созданию фундамента для достаточного вызревания буржуазных отношений в обществе. *Появившийся король Греции* (впоследствии король греков), в руки которому «вложили» высшую государственную власть, как показала история, *отнесся к ней как к случайному и малоценному подарку*, а подданные, в свою очередь, третируют его правовой статус.

Итак, ограниченный характер статуса короля, династическая смена, не единоличная верховная власть в государстве, не олицетворявший ни единство нации, ни историческую преемственность традиции монарх, ему вменяемая юридическая ответственность, специфическая передача власти, отречения от престола и возвращения к нему, зависимое от «внешних» сил государственное управление – особенности, характеризующие развитие греческой монархии как нетипичное для этой формы правления.

Список литературы

1. **Великая идея (Греция)** [Электронный ресурс] // Интернет-энциклопедия «Википедия». URL: [http://www.wikiwand.com/ru/Великая_идея_\(Греция\)](http://www.wikiwand.com/ru/Великая_идея_(Греция)) (дата обращения: 03.04.2020).
2. **История Европы**. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны / С. П. Пожарская, А. С. Намазова (отв. ред.). М.: Наука, 2000. 667 с.
3. **Королевство Бельгия** [Электронный ресурс] // Информационный портал «Все монархии мира». URL: <https://www.allmonarchs.net/pmwiki/index.php/Страны/Бельгия> (дата обращения: 29.03.2020).
4. **Королевство Франция** [Электронный ресурс] // Информационный портал «Все монархии мира». URL: <https://www.allmonarchs.net/pmwiki/index.php/Страны/Франция> (дата обращения: 28.03.2020).
5. **Мировая история 19 века**. Османская империя [Электронный ресурс]. URL: <https://worldhis.ru/osmanskaya-imperiya> (дата обращения: 28.03.2020).
6. **Монархи Европы**: Судьбы династий / Ред.-сост. Н. В. Попов [и др.]. М.: ТЕРРА, 1997. 74 с.
7. **Петрунина О. Е.** Греческая нация и государство в XVIII – XX в.: Очерки политического развития. М.: Книжный дом «Университет», 2010. 743 с.
8. **Рассел Дж.** Королевство Греция. М.: Книга по требованию, 2012. 58 с.
9. **Соколовская О.** 200 лет истории греческих конституций: от эпидаврской – к европейской [Электронный ресурс] // Европа. URL: <https://www.greek.ru/news/culture/13239/> (дата обращения: 29.03.2020).
10. **Улунян А. А.** Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. 20 в. М.: ИВИ РАН, 1998. 331 с.
11. **Van der Kiste J.** Kings of the Hellenes: The Greek Kings, 1863–1974. Dover, New Hampshire and Stroud, Gloucester-shire: Sutton Publishing, 1994. 200 p.
12. **Sowards S.W.** The Greek Revolution and the Greek State // Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History. URL: <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan/lecture6.html> (дата обращения: 3.04.2020).
13. **Χρονόπουλος Γ.** Ο Στρατιωτικός Σύνδεσμος και ο Ελευθέριος Βενιζέλος. Γουδί (1909), το κίνημα που άλλαξε την Ελλάδα (Ελευθεροτυπία). Αθήνα, 2011. σελ. 270.

References

1. **Available at:** [http://www.wikiwand.com/ru/Velikaya_ideya_\(Gretsiya\)](http://www.wikiwand.com/ru/Velikaya_ideya_(Gretsiya)) (accessed 3 April 2020).
2. **Pozharskaya S.P., Namazova A.S. (Eds.).** *Istoriya Yevropy. Vol. 5. Ot Frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII veka do pervoy mirovoy voyny* [History of Europe. Vol. 5. From the French Revolution of the late 18th century to the First World War], Moscow: Nauka, 2000, 667 p. (In Russ.).
3. **Available at:** <https://www.allmonarchs.net/pmwiki/index.php/Strany/Bel'giya> (accessed 29 March 2020).
4. **Available at:** <https://www.allmonarchs.net/pmwiki/index.php/Strany/Frantsiya> (accessed 28 March 2020).
5. **Available at:** <https://worldhis.ru/osmanskaya-imperiya> (accessed 28 March 2020).
6. **Popov N.V. (Ed.) et al.** *Monarkhi Yevropy: Sud'by dinastiy* [Monarchs of Europe: The fate of dynasties], Moscow: TERRA, 1997, 74 p. (In Russ.).
7. **Petrulina O.Ye.** *Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII – XX v.: Ocherki politicheskogo razvitiya* [Greek nation and state in the XVIII – XX centuries: Essays on political development], Moscow: Knizhnyy dom «Universitet», 2010, 743 p. (In Russ.).
8. **Rassel Dzh.** *Korolevstvo Gretsiya* [Kingdom of Greece], Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2012, 58 p. (In Russ.).
9. **Sokolovskaya O.** [200 years of the history of Greek constitutions: from the Epideurus to the European], *Yevropa* [Europe], available at: <https://www.greek.ru/news/culture/13239/> (accessed 29 March 2020).

10. **Ulunyan A. A.** *Politicheskaya istoriya sovremennoy Gretsii: konets XVIII – 90-ye gg. 20 v.* [Political history of modern Greece: the end XVIII – 90s 20th century], Moscow: IRI RAN, 1998, 331 p. (In Russ.).
11. **Van der Kiste J.** *Kings of the Hellenes: The Greek Kings, 1863–1974.* Dover, New Hampshire and Stroud, Gloucester-shire: Sutton Publishing, 1994. 200 p.
12. **Sowards S.W.** *The Greek Revolution and the Greek State // Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History.* URL: <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan/lecture6.html> (accessed 03 April 2020).
13. **Chronopoulos G.** *The Military Association and Eleftherios Venizelos.* Goudi (1909), the movement that changed Greece (Eleftherotypia). Athens, 2011. p. 270. (In Greece).

The Evolution of Constitutional Status of the Greek King: the Analysis of Typical Features of the Absolute Monarchy

A. V. Melikov, *Cand. of Tech. Sci., Associate Professor,
Department of Energy Systems and Power Plants,
Federal State Agrarian University, Volgograd, Russia;
AleksejV.Melikov@gmail.com*

The results of studying the issue of the evolution of the constitutional and legal status of the Greek king are presented. The monarchical form of government imposed on Greece by the patron powers of the Old World being accepted as the standard of the European form of state structure reflected the processes of reduction, and sometimes even disappearance, of its characteristic features. The history of Greek law and the state in 1830 – 1974 showed periodic changes in the status of the king, which was preceded by internal political tension (in the form of clashes with the will of the people, inconsistencies with the interests of the army, the immaturity of the party system, economic instability, etc.) and constant pressure from outside.

When studying the process of changing the constitutional and legal status of the king of Greece, the cause-and-effect relationships of these transformations were identified and the discrepancy between the features of governing the Greek kingdom and the characteristic features of absolute monarchical government were clarified. The limited nature of the status of the king, the dynastic change, the specific transfer of power, which did not personify either the unity of the nation or the historical continuity of the tradition of the head of state, characterize the development of the Greek monarchy as atypical for this form of government.

Therefore, according to the author, the form of government in the Greek kingdom can be considered as “non-conventional monarchy”.

Keywords: Greece; non-conventional monarchy; Greek king; constitutional and legal status of the king; evolution of the king's status; features of the monarchical government; abdication of the throne.

© A. B. Меликов, 2020

Статья поступила в редакцию 20.04.2020

При цитировании использовать:

Меликов А. В. Эволюция конституционно-правового статуса короля Греции: анализ характерных признаков «чистой» формы монархического правления // *Право: история и современность.* 2020. № 3(12). С. 24 – 33. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.024-033

Статья посвящена реконструкции исторического процесса формирования градостроительного законодательства в части, регулирующей общественные отношения по поводу создания, поддержания и эксплуатации жилищно-коммунальных систем. Материал подготовлен на основе нормативных актов, входящих в Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Приведен вывод о наличии несистематизированных, в том числе в рамках созданных в XIX в. кодификаций российского права, sporadических нормативных актов разного уровня и веса, охватывающих области, в настоящее время объединяемые понятием «жилищно-коммунальное хозяйство». Сделан вывод о появлении к началу XX в. элементов «общей части» жилищно-коммунального законодательства и связи представленной области нормирования с полицейским правом.

Ключевые слова: благоустройство городов; градостроительное право; жилищно-коммунальное хозяйство; законодательство Российской империи; история градостроительства.

Ирина Геннадьевна Пирожкова, канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия;
0_1_23456789@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ЖКХ В РОССИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП

Под жилищно-коммунальным хозяйством (ЖКХ) в настоящее время понимается целый комплекс отраслей экономики, в задачи которого входит обеспечение функционирования инженерной инфраструктуры зданий, сооружений в населенных пунктах для комфортного проживания или нахождения в них людей путем предоставления большого ассортимента услуг по техническому, санитарному обслуживанию, ресурсообеспечению (тепло-, газо-, водоснабжению, водоотведению, вывозу отходов и т.д.), различным видам профилактики и ремонта инженерных конструкций и многое другое [2].

Данную область можно рассматривать как совокупность отраслей экономики, обеспечивающих функционирование жилых зданий, создающих безопасное, удобное и комфортабельное проживание и нахождение в них людей. Кроме того, совокупность этих отраслей хозяйственной деятельности также можно расценивать в качестве формы общественной самоорганизации, зафиксированной правовыми способами. Социальная природа такой общественной самоорганизации на наш взгляд наилучшим образом подчеркивается словоформой «коммунальное», то есть затрагивающей интересы всех и каждого в отдельности, требующей общественных инициатив, совместных решений, финансирования. Данная терминология в рамках жилищно-коммунальных институтов городской среды – порождение советского времени, однако ее составляющие под другими именами

были известны и более ранним правовым отношениям – законодательству периода империи.

Несмотря на то что в дореволюционный период не существовало сводных систематизированных (хотя бы в формате инкорпорации) нормативных актов, охватывающих систему общественных отношений в сфере ЖКХ, отдельные нормы, которые формировали базу представлений об этих отношениях, известны с нового времени, причем на протяжении всего дореволюционного периода (условно периода империи) в России можно отметить значительную укорененность и стабильность этих норм. Формирование нормативной базы, лежащей в основе современных представлений о ЖКХ, охватывается широкой исторической ретроспективой.

Впервые, видимо, надзор за исполнением функций по благоустройству городов на уровне городского хозяйства был закреплен в Наказе царя Алексея Михайловича «О Градском благочинии» от 1649 года [1]. Именно в этот период в России появились первые дворники, обращено было внимание на вывоз мусора и прочие обстоятельства городской гигиены.

Петровская эпоха известна большими новациями градостроительной политики. В области ЖКХ новеллы отразились в ряде именных указов, которые тематически включались в направление правовой политики в области благоустройства крупных городов, в частности, городов с особым статусом – столичных. Именно в этот период власть стала больше заботиться о решении вопросов коммунального хозяйства. Так, известен указ 1699 г. «О наблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки» и от 1709 г. «О наблюдении московским обывателям чистоты во дворах и на улицах и о содержании мостовой в исправности»¹. Важнейшим актом, который лежал в основе не только градостроительного законодательства, но и полицейского права являются «Пункты», данные петербургской полиции, которые расширительно, систематично излагали обязанности полиции по надзору за городским благоустройством². Градостроительное право теснейшим образом переплеталось с полицейским правом и административным надзором. Так, полиция обязывалась поддерживать санитарный порядок в городах. В «Пунктах» генерал-полицмейстеру от 25 мая 1718 г. на первом месте стоит наблюдение за регулярным возведением построек, сооружением печей и печных труб с соблюдением противопожарных норм, строительством домов в соответствии с планом города (п. 1), за укреплением берегов рек, содержанием в исправности ливневых стоков (п. 2) и др. Следует отметить, что борьба с пожарами и поддержание в городе чистоты и порядка являлись традиционными обязанностями и самих горожан, и в этой связи их регулирование относится к сфере налогового права.

¹ 321 год назад в России был издан первый указ, запрещающий мусорить на улице [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Парламентская газета» – 09.04.2020. URL: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

² О смотрении, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; и др. // Указ от 25 мая 1718 г. Пункты, данные С.-Петербургскому генерал-полицмейстеру от 25.05.1718 г. / Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 5.

Преемники Петра I продолжили заложенные прежде градостроительные новации, и в первой половине XVIII в. спорадически появлялись тематические нормативные акты в области ЖКХ. В 1730 году выходит сенатский Указ «О сделании для освещения в зимнее время в Москве стеклянных фонарей», что дополняет отмечаемую многими историками права и градостроительства заботу о формировании «регулярного» города (это, например, выразилось в том, что фонари требовалось ставить одинаковые, на равных дистанциях по одной прямой [4]).

Более системный подход к устройству городов демонстрировался законодателем в первой половине XIX в., в том числе до эпохи появления систематизированного законодательства в области градостроительства (Строительного Устава и иных крупных нормативных актов). В 1804 г. в Москве строится водопровод, издается значительное количество актов о благоустройстве не только в столицах, но и иных российских городах. Вопросы управления ЖКХ вместе с проведением министерской реформы Александра I были сосредоточены в Министерстве внутренних дел. В рамках следующей крупной административной реформы, которая пришла на эпоху либеральных преобразований 1860 – 1870-х гг., значительная доля административных возможностей и финансового обеспечения городского благоустройства были перенесены на органы местного самоуправления в лице городских дум и управ (в последней трети XIX в. последовательно были приняты «Городовое положение» от 1870 г. и «Положение о городском управлении» 1892 г.). Благоустройство российских городов стало главной заботой городских дум, которые получили право облагать налогом имущества и доходы частных лиц города.

Постепенно началась передача компетенций властям городов. Так, в Москве с введением городского самоуправления последовательность передачи прав управления имуществом осуществлялось следующим образом: 1863 г. – земельное хозяйство и школы первой ступени; 1865 г. – мосты и набережные; 1873 г. – конка; 1878 г. – замощение и очистка улиц, ночлежные дома и т.д. Функции и работы, еще не переданные городскому общественному управлению, продолжали выполнять местные органы полиции.

Последняя четверть XIX в. – «...особый период в развитии Российского государства: активный процесс урбанизации и развитие капитализма» [5], хотя развитие систем централизованного водоснабжения и водоотведения, уличного освещения, конного трамвая и других видов общественно значимых услуг было пока медленным, так как не всегда являлось доходным.

Начало Первой мировой войны привело к появлению и усугублению жилищных и бытовых проблем у населения. Большинство горожан не могло себе позволить собственное жилье и довольствовалось арендованным. Военное положение привело к оттоку капитала в военную промышленность, появлению большого количества беженцев и увеличению тарифов на коммунальные услуги владельцами доходных домов. Кроме того, с ростом цен произошло повсеместное прекращение ремонтных работ в жилых домах. Поэтому к 1917 г. жилищный фонд был значительно изношен, а жилищная нужда была катастрофической, на всю страну насчи-

тывалось чуть более 200 работающих водопроводов, 606 бань и 13 прачечных. Для огромной территории нашей страны это, конечно, ничтожное количество [6].

Теоретическо-доктринальное осмысление правовой политики в отношении ЖКХ и в целом статуса жилой среды как основы городского урбанизированного пространства в истории доктрины связано с вызреванием понятия «право на жилище». Однако это право относится к третьему поколению прав, рождение которых в дореволюционный период в связи с ситуацией сохранения многих феодальных институтов сословного неравноправного несоциально ориентированного общества и государства было невозможно. История закрепления права на жилище в отечественном законодательстве связано в первую очередь с советским периодом. В дореволюционном законодательстве, которое не было ориентировано социальным, право на жилище не фиксировалось, а забота о социальном жилищном благополучии считалась делом частным и существовала в рамках касс взаимопомощи и благотворительности.

Попытка теоретически представить облик «благоустроенного города» в дореволюционных правовых источниках сделана в уникальном по своей при роде документе, который хорошо известен историкам архитектуры и градостроительства – трактате-кодексе «Должность архитектурной экспедиции»³, относящемся еще к первой половине XVIII в., составленном коллективом авторов в качестве учебного пособия, проекта нормативного акта и научного труда. Те общественные отношения, которые в настоящий момент относятся к сфере жилищно-коммунального хозяйства, описаны в трактате в части, посвященной градостроительным правилам. Главы XXII – XXIV описывают мероприятия по пожарной безопасности в строительстве. Главы XXV – XXVI трактуют вопросы благоустройства города, преимущественно правила мощения улиц и площадей. Фактически их продолжением являются главы XXVII–XXVIII, целиком посвященные правилам содержания рек и каналов, укреплению берегов. Судьба данного документа печальна, он не стал действующим нормативным актом городского права в связи с политической ситуацией обвинения некоторых авторов в заговоре. Иных системных попыток изложить «благоустройство» в дореволюционный период автору неизвестно. Однако периодически в общественном и правовом пространстве звучали отдельные критические замечания по состоянию городов, высказывались они, в частности, на съездах русских зодчих – площадках обсуждения профессионального сообщества.

Активизация губернского правотворчества в пореформенный период вызывала беспокойство у современников. В сборнике циркуляров и инструкций МВД за 1867 – 1870 гг. говорилось: «...Устройство городов наших в большей части не удовлетворяет самым скромным требованиям благоустройства. Они расширяются, а между тем внутри них остаются пустыри, не отделены кварталы, в которых дозволялись бы одни каменные постройки, всюду встречаются одни сплошные деревянные постройки-

³ Должность архитектурной экспедиции: Трактат-кодекс 1737 – 1740 гг. // Архитектурный архив. М., 1946. Вып. 1.

ки, к каменным зданиям делаются деревянные пристройки... возводятся дома самой безобразной архитектуры, не соответствующие ни нормальным чертежам, ни общепринятым правилам строительного искусства» [3].

Процесс децентрализации после введения земской и городской реформ самоуправления продолжался дальше. В связи с этим в последней трети XIX в. с активизацией систем местного самоуправления сформировалась терминология, имеющая пересечения с современной проблематикой сферы ЖКХ, объединявшаяся понятием «городское дело». Данная проблематика среди исторических источников представлена на страницах одноименного журнала, выходившего в начале XX в., авторы и издатели которого заложили основу научной доктрины муниципальной экономики⁴.

Таким образом, можно констатировать появление первых нормативных установлений, способствующих благоустройству городов и фиксирующих текущие и перспективные представления условного законодателя об идеальном городском хозяйстве и городской среде. Общая часть градостроительного законодательства в виде отдельных терминов, относящихся к городскому хозяйству, и принципов устройства коммунальной инфраструктуры стала проявляться в правовом нормировании к началу XX в., несмотря на почти столетнее к этому моменту существование специальных кодифицированных градостроительных актов, основанных на узаконениях XVIII в.

Список литературы

1. **Гурлев И. В.** Наказ царя Алексея Михайловича «О градском благочинии» 1649 г. [Электронный ресурс] // Власть. 2019. №5. С. 236 – 241. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6749&l=&j=2 (дата обращения: 01.04.2020).
2. **Ивакина А. М.** Современные проблемы жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 537 – 539. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17301/> (дата обращения: 12.04.2020).
3. **Лукомский Г. К.** О художественной архитектуре провинции. СПб.: [б. и.], 1912. 320 с.
4. **Основные** этапы становления и развития жилищно-коммунального хозяйства России [Электронный ресурс] // Совет по профессиональным квалификациям в жилищно-коммунальном хозяйстве: офиц. сайт. URL: <http://xn---ltbkcvl7a.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.04.2020).
5. **Титова А. А.** Быт и традиции в структуре менталитета социальных и профессиональных групп городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-4. С. 845 – 850. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34253> (дата обращения: 01.04.2020).
6. **Чалиев А. А.** Совершенствование методологии оценки финансово-экономического потенциала жилищно-коммунальных предприятий: дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2007. 142 с.

⁴ Городское дело – двухнедельный журнал, посвященный вопросам городского хозяйства и управления. Выходил в Петербурге с 1909 по 1918 / Ред. М. П. Федоров и Л. А. Велихов; изд. Д. Д. Протопопов и Л. А. Велихов. – Цит. по: Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 173.

References

1. **Gurlev I.V.** [Order of Tsar Alexei Mikhailovich “On the City Deanery” 1649], *Vlast'* [Power], 2019, no. 5, pp. 236-241, available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6749&l=&j=2 (accessed 01 April 2020).
2. **Ivakina A.M.** [Modern problems of housing and communal services], *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2015, no. 8 (88), pp. 537-539, available at: <https://moluch.ru/archive/88/17301/> (accessed 12 April 2020).
3. **Lukomskiy G.K.** *O khudozhestvennoy arkhitekture provintsii* [About the artistic architecture of the province], St. Petersburg: [s. n.], 1912, 320 p. (In Russ.).
4. **Available at:** <http://xn----ltbkcvl7a.xn--plai/> (accessed 01 April 2020).
5. **Titova A.A.** [Life and traditions in the structure of the mentality of social and professional groups of the urban population of the Russian province at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries], *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 6-4, pp. 845-850, available at: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34253> (accessed 01 April 2020).
6. **Chaliyev A.A.** *PhD of Candidate's thesis (Econom)*, Nizhniy Novgorod, 2007, 142 p. (In Russ.).

Formation of the Legal Status of the Housing and Communal System in Russia: the Initial Historical Stage

I. G. Pirozhkova, *Cand. Hist. Sci., Cand. Legal Sci., Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*
0_1_23456789@list.ru

The article is devoted to the reconstruction of the historical process of formation of urban planning legislation that regulates public relations regarding the creation, maintenance and operation of housing and communal systems. The material was prepared on the basis of regulations included in the Complete Collection of Laws and the Code of Laws of the Russian Empire. The conclusion is made about the presence of non-systematized sporadic normative acts of different levels and effect, covering the areas currently united by the concept of “housing and communal services”, including those specified in codifications of Russian law created in the 19th century. It is concluded that the beginning of the 20th century elements of the “common part” of housing and communal legislation and the relationship of the presented area of regulation with police law were formed.

Keywords: improvement of cities; town planning law; housing and communal system; legislation of the Russian Empire; history of urban planning.

© И. Г. Пирожкова, 2020

Статья поступила в редакцию 01.04.2020

При цитировании использовать:

Пирожкова И. Г. Формирование правовой основы системы ЖКХ в России: начальный исторический этап // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 34 – 39. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.034-039

Рассмотрены проблемы технико-юридического оформления льготных налоговых режимов на примере Налогового кодекса Российской Федерации. Обоснованием введения льготного правового режима является объективно обусловленная необходимость применения правовых средств по облегчению правового положения субъектов, соответствующая одной из целей льготных правовых режимов. Основные причины, препятствующие развитию оптимального налогового стимулирования, видятся в некотором несовершенстве юридической техники налогового законодательства. Отмечено, что при конструировании льготного налогового режима следует исходить из общих целей льготных правовых режимов, а именно в обеспечении правового равенства и социальной справедливости, а также в поддержании позитивной значимой для государства активности субъектов права. Необходимо, чтобы льготный правовой режим работал в рамках данных целей, исключая возможность манипуляции, злоупотребления льготами, использования их в незаконных, корыстных интересах, создания коррупционных механизмов. Приведен пример нечеткого формулирования цели льготного налогового правового режима.

Ключевые слова: льготный правовой режим; налоговая льгота; юридическая техника; налог.

Александр Владимирович Подольский, старший преподаватель, кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; mse.shurik@gmail.com

Роман Львович Никулин, канд. ист. наук, доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; rnikulin3@gmail.com

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ Льготных Правовых Режимов на примере Налогового Кодекса России

Введение

Льготы как правовые стимулы, устанавливающие определенный облегченный порядок реализации прав и исполнения обязанностей, всегда расположены в диспозиции правовой нормы. Как известно, диспозиция – это такой элемент нормы права, который определяет модель поведения субъектов. В диспозиции устанавливаются права и обязанности субъектов, возникающие при наличии предусмотренных в гипотезе юридических фактов. Поэтому эффективность вводимого льготного правового режима во многом зависит от того, насколько доступно и непротиворечиво фиксируются права и обязанности субъектов, то есть диспозиция правовой нормы, предписывающая как должен или может действовать субъект, на ко-

того распространяют свое действие льготные условия, обозначенные в гипотезе, должна быть четкой и недвусмысленной. В то же время гипотеза правовой нормы любого льготного правового режима также требует полной ясности: от какого, конкретно, обстоятельства зависит «включение» льготного правового режима для конкретного субъекта – социальный статус субъекта, его экономическая деятельность, совокупность ряда юридических фактов и т.д.

Обсуждение

Совершенствование технико-юридического оформления льготных правовых режимов на теоретическом уровне требует универсализации терминологии, используемой в системе льготирования. Обобщая различные подходы к определению понятий «льгота», «льготный правовой режим», необходимо руководствоваться целями льготирования и установления льготных правовых режимов.

Обоснованием введения льготного правового режима является объективно обусловленная необходимость применения правовых средств по облегчению правового положения субъектов, соответствующая одной из целей льготных правовых режимов. Льготным правовым режимом является установленный законом или иным разрешенным законом способом особый порядок реализации субъективных прав и обязанностей при помощи правовых средств, направленных на интенсификацию реализации прав, либо облегчение исполнения или освобождение от обязанностей, либо уменьшения или освобождения от ответственности. Цель его введения – социально значимый результат, выражающийся в достижении и обеспечении правового равенства и социальной справедливости либо стимулировании важной для государства хозяйственной активности субъектов, упрощении возможности получить определенный правовой статус.

Следует отметить, что не всегда правовые средства, составляющие структуру льготного правового режима, используются таким образом, чтобы обеспечивать действенность механизмов его реализации. Примером тому могут служить имеющиеся в налоговом законодательстве льготные налоговые режимы.

Дефинирование одной из основополагающих для их технико-юридического оформления категории «льготы по налогам и сборам», осуществленное законодателем в ст. 56 Налогового кодекса РФ, в целом, представляется вполне удачным. Льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере. В определении четко прослеживается, какими дополнительными возможностями юридического характера наделяется управомоченный субъект (пользователь льготы). Здесь очевидно применение технико-юридического приема исключений, свойственного всем льготным правовым режимам. Далее, опираясь на данное определе-

ние, Налоговый кодекс РФ вводит целый ряд специальных (льготных) налоговых режимов. Общий перечень таких режимов дается в ст. 18 Налогового кодекса РФ. Указанные налоговые режимы могут предусматривать особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов. К ним относятся:

- 1) система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог);
- 2) упрощенная система налогообложения;
- 3) система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности;
- 4) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;
- 5) патентная система налогообложения;
- 6) налог на профессиональный доход (в порядке эксперимента).

Также налоговые льготные правовые режимы действуют на специальных территориях (особых экономических зонах, территориях опережающего развития и т.д.). Кроме того, отдельные льготные налоговые режимы установлены в отношении имущества и доходов физических лиц.

Система налогового льготирования, представленная многообразием льготных налоговых режимов, тем не менее не всегда работает на достижение целей льготного правового регулирования. Так, некоторые исследователи выделяют целый ряд коррупциогенных факторов в сфере правового регулирования налоговых стимулов: широту дискреционных полномочий (процесс предоставления льгот предполагает административное усмотрение); завышенные требования к лицу, желающему реализовать свои права (в большинстве случаев предоставление льгот опосредуется предоставлением широкого перечня документов, подтверждающих право на льготу); юридуко-лингвистическую коррупциогенность (наличие пробелов в правовом регулировании, низкий уровень конкретности некоторых норм); отсутствие общественного контроля над субъектами налогового администрирования; заполнение законодательных пробелов при помощи нормативных актов органов исполнительной власти (частные разъяснения налоговых и финансовых органов по тем или иным вопросам применения налогового законодательства до внесения изменений в соответствующий закон) [3, с. 78].

Основные причины, препятствующие развитию оптимального налогового стимулирования, видятся как раз в некотором несовершенстве юридической техники налогового законодательства. Пункт 6. ст. 3 Налогового кодекса РФ требует, чтобы при установлении налогов были определены все элементы налогообложения. Акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы, страховые взносы), когда и в каком порядке он должен платить. С точки зрения юридической техники для соблюдения указанных требований необходимо четко формулировать суть законоположений, что позволит обеспечить их легальное, единообразное толкование правоприменителями.

Важной неотъемлемой принадлежностью льготных налоговых правовых режимов являются цели их установления. Выше было обращено вни-

мание на то, что с позиций целеполагания выделяются правовые режимы, ориентированные на закрепление реального равноправия субъектов правовых отношений и социальной справедливости, реализующие, по преимуществу, компенсационную функцию, а также правовые режимы, направленные на стимулирование позитивной, полезной для общества и государства активности субъектов и реализующие, в связи с этим, стимулирующую или мотивационную функцию. Анализ структуры различных льготных правовых режимов в сфере налогообложения, особенностей формализации правовых средств, ее составляющих, приводит к мысли, что практически во всех случаях цели установления того или иного льготного налогово-правового режима презюмируются, выводятся фактически из содержания правовых норм и институтов, однако не находят своего закрепления в актах законодательства о налогах и сборах. Может показаться излишней теоретизацией, не имеющей практического значения и перегружающей содержание налогового закона, высказываемое некоторыми исследователями предложение о нормативном закреплении целей и обобщенных характеристик различных льготных режимов в сфере налогообложения [4, с. 62]. Однако обратная ситуация вполне может обернуться девальвацией функционального потенциала льготного правового режима, несогласованностью презюмируемых целей его установления и технико-юридическим наполнением его структуры. Законодательные дефекты могут оказаться прямым следствием расхождения между смутно или весьма абстрактно понимаемой целью конструирования льготного режима и используемыми для этого правовыми средствами и инструментами.

Так, в уже упомянутой выше ст. 18 Налогового кодекса РФ предусматривается целый ряд специальных налоговых режимов. Юридический состав налогов, ими предусмотренных, закрепляется в рамках раздела VIII.1 «Специальные налоговые режимы» части второй Налогового кодекса РФ. Зададимся вопросом: а какова цель установления одного из наиболее востребованных в среде субъектов предпринимательской деятельности специальных налоговых режимов – упрощенной системы налогообложения? Отвечая на него, мы, разумеется, скажем, что ей полагается соотноситься с основными целями и принципами государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства, закрепленными в ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2], и она должна заключаться в обеспечении благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства. Однако насколько юридическая конструкция режима адекватна соответствующей цели? Укажем лишь на одно, весьма незначительное, на первый взгляд, обстоятельство.

В качестве одного из оснований использования данного правового режима организациями является, согласно п. 2 ст. 346.12 Налогового кодекса РФ, непревышение их доходов за девять месяцев года, в котором они подают уведомление о переходе на данный режим налогообложения, размера в 112,5 млн рублей. В соответствии с п. 4 ст. 346.13 Налогового кодекса РФ утрачивают право на применение упрощенной системы налогообложения, среди прочих оснований, налогоплательщики, доходы кото-

рых по итогам налогового (отчетного) периода превысили 150 млн рублей; организации, остаточная стоимость основных средств которых превысила 150 млн рублей; организации и индивидуальные предприниматели, средняя численность работников которых за налоговый (отчетный) период превысила 100 человек. Как видим, один из основных критериев, определяющих границы использования данного налогового режима субъектами предпринимательской деятельности, – это допустимые диапазоны масштаба того или иного бизнеса.

Однако, если мы обратимся к Постановлению Правительства РФ от 4 апреля 2016 года № 265 [1], устанавливающему в целях применения положений Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предельные значения доходов от осуществления предпринимательской деятельности для идентификации субъектов малого и среднего предпринимательства, то окажется, что для так называемых малых предприятий она составляет 800 млн рублей, а для средних – 2 млрд рублей. Сопоставимое предельное значение дохода в 120 млн рублей устанавливается лишь для так называемых микропредприятий. То есть в условиях, когда годовой доход субъекта малого и среднего предпринимательства не превысит 2 млрд рублей, он, при соблюдении и иных условий отнесения к данной категории, вправе рассчитывать на получение различных форм государственной поддержки. Но, если его годовой доход превысит 150 млн рублей, то он лишается одной из ее наиболее действенных мер – возможности использовать довольно удобный для себя льготный налоговый режим.

Возможно, результат мог быть иным, если бы федеральный законодатель изначально четко сформулировал цели установления данного налогового режима. Но подобранные вне системной связи с нормативными актами, закрепляющими стратегические цели государственной политики в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, допустимые для использования одного из наиболее востребованных льготных налогов режимов масштабы ведения бизнеса, вольно или невольно подталкивают субъектов малого и среднего предпринимательства к нарушению требований налогового законодательства. Думается, рост в правоприменительной практике числа споров, связанных с налоговыми последствиями так называемого «дробления бизнеса», не в последнюю очередь связан со стремлением субъектов малого и среднего предпринимательства оптимизировать любыми имеющимися способами свою налоговую нагрузку и остаться в рамках приемлемого налогового режима.

Заключение

Говоря о проблемах технико-юридического оформления льготных правовых режимов в общем и льготных налоговых режимов в частности, следует отметить высокую значимость правильной проработанности всего процесса льготирования, закрепляемого в таких режимах. Разрабатывая нормативно-правовой акт, устанавливающий льготный правовой режим, законодатель в первую очередь должен руководствоваться его целями. Важно, чтобы льготный правовой режим функционировал именно в рам-

ках этих целей, исключая возможность манипуляции, злоупотребления льготами, использования их в незаконных, корыстных интересах, создания коррупционных механизмов.

Список литературы

1. **О предельных** значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2016 № 265 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2097.
2. **О развитии** малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.0.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006
3. **Пономарев А. В.** Правовые стимулы в налоговом праве Российской Федерации // Современное право. 2012. № 6. С. 76 – 79.
4. **Федосимов Б. А.** Правовой режим налоговых льгот по законодательству Российской Федерации: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 152 с.

References

1. [**On the limit** values of income received from carrying out entrepreneurial activities for each category of small and medium-sized enterprises: Decree of the Government of the Russian Federation of 04.04.2016 No. 265], *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 15, art. 2097. (In Russ.).
2. [**On the development** of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: federal law dated 24.0.2007 No. 209-FZ (as amended on 12/27/2019)], *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, no. 31, art. 4006. (In Russ.).
3. **Ponomarev A.V.** [Legal incentives in the tax law of the Russian Federation], *Sovremennoye pravo* [Modern Law], 2012, no. 6, pp. 76-79. (In Russ.).
4. **Fedosimov B. A.** *Pravovoy rezhim nalogovykh l'got po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [The legal regime of tax benefits under the legislation of the Russian Federation], Cheboksary: Sreda, 2019, 152 p. (In Russ.).

Technical and Legal Registration of Preferential Legal Regimes Using the Example of the Tax Code of Russia

A. V. Podolskiy, Senior Lecturer,
Department of International Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
mse.shurik@gmail.com

R. L. Nikulin, Cand. of Hist. Sci., Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
rnikuln3@gmail.com

The problems of technical and legal registration of preferential tax regimes are examined using the example of the Tax Code of the Russian Federation. The justification for the introduction of a preferential legal regime is an objectively-determined need for the use of legal means to ease the legal

status of entities, corresponding to one of the goals of preferential legal regimes. The main reasons that impede the development of optimal tax incentives are seen in some imperfection of the legal technique of tax legislation. It is noted that when designing a preferential tax regime, one should proceed from the general goals of preferential legal regimes, namely, ensuring legal equality and social justice, as well as in maintaining the positive activity of subjects of law significant for the state. It is necessary that the preferential legal regime works within these goals, excluding the possibility of manipulation, abuse of benefits, their use in illegal, mercenary interests, and the creation of corruption mechanisms. An example of ambiguous formulation of the purpose of the preferential legal tax regime is given.

Keywords: preferential legal regime; tax benefit; legal technique; tax.

© А. В. Подольский, 2020

© Р. Л. Никулин, 2020

Статья поступила в редакцию 24.03.2019

При цитировании использовать:

Подольский А. В., Никулин Р. Л. Техничко-юридическое оформление льготных правовых режимов на примере Налогового кодекса России // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 40 – 46. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.040-046

Проанализированы элементы идейной платформы Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), касающиеся вопроса государственности. Впервые в историко-правовой литературе проведено сравнение базовых признаков социального государства с современной точки зрения и его очевидных компонентов, представленных в политической программе умеренного народничества. Показано, что ТНСП отличалась от остальных социалистических партий ярко выраженным последовательным этатизмом, уделяя большое внимание вопросу роли прогрессивного государства как модератора взаимоотношений личности и общества. Сделан вывод, что именно эта партия предложила один из первых в России проектов государственного устройства, смысл и содержание которого предвосхищали общую тенденцию к построению социально-правовых государств послевоенного европейского демократического социализма.

Ключевые слова: демократический социализм; социальное государство; Трудовая народно-социалистическая партия.

Ольга Львовна Протасова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
olia.protasowa2011@yandex.ru

МОТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЕКТЕ ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ*

Введение. *Актуальность* проблемы, поставленной в статье, обусловлена насущностью в современном мире вопроса о том, что такое социальное государство, как его принципы согласуются с индивидуальными свободами и приватностью, каким образом возможно найти баланс между суверенитетом личности и «покровительством» со стороны общества и государства. Работ, посвященных этой тематике, в последние годы, когда не только Россия, но и мировые демократии вступили на путь построения социально-правовых государств, с каждым днем появляется все больше. Однако лишь малая их часть обращается к историческому опыту, осмыслению феномена социального государства отечественными политическими деятелями прошлого. *Новизна* данного исследования в том, что впервые рассматривается сфера взаимоотношений социального и государственного в концепции одной из российских организаций демократического социализма – Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), чьи идеологи твердо придерживались этатистских убеждений и поэтому серьезно задавались вопросом, каким должно быть государство при социализме. *Цель* статьи – провести научные параллели между признаками социального государства в современном понимании и теми его прообразами, что были заложены в политической платформе правонароднического социализма.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Основные методы данного исследования:

– системно-структурный (в общем контексте рассматриваются принципиальные вопросы, связанные с осмыслением понятия «социальное государство», в том числе его трактовкой неонародничеством – значимой частью российского демократического социализма первой четверти XX века);

– компаративный (сопоставлены современное понимание социального государства как феномена и представления о справедливом государственном устройстве эволюционных народников);

– обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов).

Обсуждение и результаты. Социальное государство, в отличие от либерального государства–«ночного сторожа» – форма государства, к которому ныне стремится большинство развитых европейских стран. Оно олицетворяет собой тип общества, способный обеспечить относительно равномерное распределение материальных и духовных благ, посредством социальных стандартов выровнять стартовые возможности граждан, создать для них благоприятную социально-культурную среду обитания. При этом институциональная «опека» должна оставлять незабываемым суверенитет личности, не покушаясь на индивидуальные права и свободы. Найти такой баланс между неприкосновенностью сферы частного (будь то вещественная собственность или «человеческая», личностная приватность) и общественными, государственными интересами – непростая задача, которую считают своим долгом решить многие ведущие мировые демократии. Всем понятно, что провозглашение государства социальным еще не означает наполнения его актуальным содержанием [10, с. 216]. Статус «социального государства» официально закреплен в конституциях Германии, Испании, Франции, России и др. – в первую очередь это государства с традиционно авторитетными и влиятельными социалистическими движениями в прошлом и/или настоящем. Для стран англо-американской политической культуры более характерно традиционное обращение к либеральным ценностям индивидуальных свобод, где каждый – хозяин собственной судьбы, не ждущий вмешательства в нее извне, и «правового государства», стоящего на страже соблюдения законности. Однако в настоящее время, в условиях глобализации, объективно происходит сближение либеральных и социалистических установок, что проявляется, например, в социальных программах (защита детей, людей с ограниченными возможностями здоровья, прав разного рода меньшинств и пр.) и, с точки зрения духовности и гуманизма, значительно обогащает человечество.

Осмысление понятия «социальное государство» продолжается до сих пор, поскольку развитие общества идет вперед, и не всегда строго по тому пути, что предсказывался даже самыми авторитетными и дальновидными мыслителями. Начало употребления выражения «социальное государство» относят к Германии середины XIX века [12, с. 24], когда под влиянием гегелевской философии и в процессе анализа реального положения межклассовых отношений в капиталистических государствах стали появляться концепции об обществах социальной справедливости, которые в тогдашних условиях мало кем воспринимались иначе, чем утопия. Историк, экономист и философ Л. фон Штейн впервые заявил о том, что монархия, отказываясь от социальных реформ, утрачивает смысл своей политики –

целенаправленность. Поскольку рабочий класс становился самым многочисленным сегментом общества, считал фон Штейн, то основная часть социальных реформ должна была быть нацелена на изменение к лучшему его положения [4, с. 650]. С этого момента, можно сказать, и начался поиск оптимальной модели государства как эффективного «рефери» между трудом и капиталом, где бы в полной мере осуществлялись свободы и равенство граждан, обеспечивалась социальная солидарность, а также предоставлялась возможность достойных условий жизни для всех членов социума, независимо от их социального «старта».

В дореволюционной России проекты социального государства (точнее, их прообразы) можно встретить в платформах неонароднических партий – социалистов-революционеров и особенно народных социалистов. Народно-социалистическая (с июня 1917 г. – Трудовая народно-социалистическая) партия представляла собой примечательное явление публичной политики России начала XX в. Она носила преимущественно интеллигентский характер и не была массовой: в период наивысшей популярности ее численность не превышала 10 тыс. членов [1, с. 442] (в 1907 – 1916 гг. колебалась лишь в пределах 1,5 – 2 тыс.). При этом, сразу заняв твердую идеологическую позицию и умея ее последовательно отстаивать, энесы, как называли представителей этой партии в обиходе, не терялись среди своих более прославленных политических «соседей» и конкурентов – эсеров и кадетов. В рядах народных социалистов было много ученых, общественных деятелей, ярких публицистов. Образованной России были хорошо известны имена А. В. Пешехонова, В. А. Мякотина, Н. Ф. Анненского, С. Я. Елпатьевского, С. А. Мельгунова, В. И. Семевского, А. А. Титова и других активистов правого неонародничества. Многие из них начинали свою карьеру в качестве земских служащих и хорошо знали российскую деревню, ее хозяйственный уклад, а также желания, потребности, интересы, нравы и вкусы населения. Поэтому в своих политических расчетах они отказывались делать ставку на радикализм. Они не верили в возможность скачкообразного перехода России в общество нового типа, справедливо полагая, что необоснованная спешка в столь серьезном деле просто-напросто пагубна для народной психики, так как несоответствие имеющихся средств (экономических и политико-культурных ресурсов) высокой цели (социализму) неизбежно приведет к анархии, хищничеству, незаконным захватам земли и прочим проявлениям социальной аномии.

Государству как социально-политическому институту народные социалисты придавали исключительно важное значение. Они позиционировали себя как государственники и подчеркивали, что всегда останутся таковыми, как бы далеко ни продвинулось общество по пути к социализму – строю, к которому они стремились. Сильное и справедливое государство, осуществляющее заботу обо всех своих людях, в особенности тех, кто в ней наиболее нуждается, перераспределяющее блага и ресурсы по мере необходимости для достижения всеми гражданами относительно равного благополучия – такие мотивы явственно звучат в программе Трудовой народно-социалистической партии. Высшую степень социальности государства энесы обозначали словом «народное», а сущность прогрессивной политики выражали формулой «все для народа, все через народ» (народ – источник государственной власти, удовлетворение интересов трудового народа – ее смысл). Частную собственность, как и все «классические» со-

циалисты того времени, они считали злом, дробящим общество на крайне неравные по имущественному и правовому положению классы. Такая сегментация социально пагубна по убеждению народников не только с материальной, но и духовной точки зрения: когда труд – главный вид человеческой деятельности, осуществляется единственно ради выживания, он лишается своего высшего смысла, утрачивая творческий, созидательный характер, не возвышает, а обезличивает человека, превращает его в тупой механизм.

По Г. Гегелю, в общественной жизни сосуществуют интересы как отдельных граждан, так и государства в целом, составляя единство и в то же время ведя борьбу как противоположности [3, с. 279]. Социализм будущего, к которому устремляли свой взгляд народные социалисты, должен был стать таким, чтобы интересы личности, общества и государства, достигнув диалектического единства, не вступали между собой в конфликт. Ведущая роль в этом альянсе отводилась, конечно, государству. Последовательный, убежденный этатизм выделял народных социалистов среди других социалистических партий, которые либо в отдаленной перспективе «планировали» вовсе отказаться от государства, либо обрисовывали его функции и перспективы довольно размыто, неопределенно, обычно подменяя понятием «общество», как это делали эсеры. У правых народников достаточно четко все эти «единицы» разделены: предъявлены требования к отдельному человеку – личности, много внимания уделено общественным институтам (община, местное самоуправление), системе государственного управления (закон, власть, территориальное устройство и т.п.). Подлинно демократическое государство, настаивали они, должно быть построено на федеративных, а не централистических началах.

Достижение гармоничного единства частного и публичного интересов должно способствовать переходу от *государства как высшей формы власти* к государству *социальному*, для которого высшая цель – не подавление и администрирование, а соблюдение интересов общества и каждого его представителя. К тому, что государственные интересы на деле обычно доминируют над личными, как бы к этому ни относился индивид даже при наличии буржуазных свобод, в Старом Свете мало у кого вызывало сомнения вплоть до середины XX века (впрочем, эта установка жизнеспособна и сейчас). Советские люди прочно усвоили максимум о том, что «общественные интересы выше личных». Народные же социалисты пытались в своей программе умозрительно «выстроить» взаимоотношения личности, общества и государства так, чтобы личность не растворялась в «обществе» (хотя вне общества, по их убеждению, она не могла существовать).

Социальность государства означает взаимосвязь конституционных принципов с общественным сознанием населения, то есть чтобы и государство, и его закон *каждый* член общества искренне считал *своим*, ощущая себя органической частью государственности, носителем ее суверенитета. Добиться этого в России с ее крайне низким уровнем развития правосознания основной массы населения – такую далеко идущую задачу ставили перед собой правые народники, являвшиеся последовательными социалистами эволюционного толка. Реальных предпосылок для социализма, считали они, в России нет. Поэтому основой свободы и общественного равенства должно выступать всеобщее трудовое начало. Человеческой

«базой» для строительства будущего социалистического общества они видели «трудовой народ» – рабочих, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию. На отдельные отряды, отличающиеся друг от друга по своей гражданской развитости и, следовательно, прогрессивности, народными социалистами трудовой народ не разделялся (хотя, конечно, в жизни этой дифференциации не видеть они не могли). Ответственность за недостаток развития человеческого и гражданского самосознания в крестьянской среде они возлагали на интеллигенцию, следовательно, и восполнить эти недоработки должна она же. К личности, которую правые народники ставили исходной единицей общества, самоценной и суверенной, предъявлялся ряд требований, главным из которых было: каждый человек должен трудиться.

Прогрессивное государство не может состоять из ленивых и беспомощных социальных иждивенцев, пассивно ждущих «сверху» благ и заботы. Такой народ не станет источником власти и хозяином в своем доме – государстве. Народники понимали, насколько длинный и сложный путь необходимо сделать, чтобы хоть немного приблизить основную массу населения империи к пониманию своей общественной задачи (и, соответственно, социальной «выгоды»). Социальность государства предполагает легитимность его конституционных принципов на уровне общественного сознания, то есть государственно-правовые основы должны быть осознаны и приняты населением. Россия же представляла собой в гражданско-правовом смысле непаханую целину. Многовековая привычка к патернализму на всех уровнях (от семейно-бытового до политикобюрократического), полный централизм всей государственной системы, установки и со стороны власти, и со стороны общества к беспрекословному подчинению «низов» администрированию «сверху» (что противоречит самому принципу социальности), наконец, крайне низкий уровень общей культуры основной массы крестьянского населения – все это предстояло преодолеть.

Народные социалисты, видя взаимосвязанность и множественность этих препятствий на пути к социализму, не делили свою программу на «минимум» и «максимум», так как полагали бесполезным предсказывать, что именно нужно сделать в первую очередь и что – потом. Эволюционное движение к прогрессу, по их мнению, позволит комплексно решать и социальные, и политические вопросы, а очередность их выполнения подскажет движение к социалистической цели. Последовательность, постепенность – способ избежать многих ошибок и жертв, которыми чревата революционная поспешность перехода в качественно новое состояние общества, совершенно к этому не готового. Движение общества к социализму должен естественным образом сопровождать процесс его демократизации: «последовательный демократизм последовательно переходит в социализм, ибо логическим пределом является... социальное равенство» [5, с. 306], – уверял один из лидеров партии А. В. Пешехонов. В этом, по мнению народных социалистов, тон должно задавать обществу именно государство, демократизируясь первым, поскольку для перехода к социализму требуются органы, «регулирующие и направляющие общественное производство и распределение» [11, с. 77]. Резкой ломки общественного строя быть не должно (это, создав хаос, пойдет во вред устойчивости государственного механизма и, в конечном итоге, благополучию населения).

Форма социально-политической трансформации в идеале должна быть мирной; на пути к социализму государство может пройти такие стадии, как «буржуазно-демократическое, демократическое, демократическо-социалистическое» [11] и т.п. (заметим, везде непременным атрибутом является «демократия»). За такую постепенность энесы привыкли слышать обвинения в свой адрес, в основном от более радикальных партий – эсеров и большевиков. Особенно возмущали народных социалистов упреки в бернштейнианстве [11, с. 76], несправедливость которых они старались доказать своим соседям по социалистическому лагерю. В отличие от Бернштейна и его сторонников, разъясняли народные социалисты, революцию они не отрицали, но рассматривали ее как сконцентрированный, насыщенный период эволюции, идущий в ускоренном темпе [9, с. 9–10], что влечет за собой накопление количественных изменений в социуме, приводящее общественный и государственный порядок в новое качество. Предубеждение со стороны других социалистов (особенно эсеров), мешавшее им понять эту диалектическую взаимосвязь, как справедливо считали умеренные народники, затрудняло совместную деятельность партий демократического социализма, препятствовало объединению народнических сил, уменьшало их шансы на политический успех.

Социальная деятельность государства должна подкрепляться правовой базой. Народные социалисты настаивали на принятии таких законов, которые не мешали бы каждому жить сообразно своему вкусу и желанию, лишь бы «от этого не было вреда и убытка для других и для всего общества» [7, с. 46]. Сословные привилегии как пережиток традиционного общества должны быть уничтожены. Особо подчеркивалось равенство всех перед законом – без различия пола, национальности, вероисповедания. В общественных делах «хозяином» должен быть народ, то есть население той местности, «до которой данное дело относится» [7, с. 68]. Это положение поддерживало одну из основ гражданского общества – наделение широкими полномочиями самоуправления, что было и до сих пор остается очень значимым для страны такого территориального масштаба и этнокультурной пестроты, как Россия. В компетенцию земских, городских и сельских администраций (организованных, разумеется, на демократических началах) планировалось передать все местные дела, в том числе и полицейского характера. Конституция должна закреплять основные права (для народа тех времен более привычное слово – «вольности») человека и гражданина. К таковым они относили, прежде всего, неприкосновенность личности, жилища и переписки; свободу передвижения и занятий; свободу совести и отделение церкви от государства и школы; свободу слова и печати, собраний и союзов; право подачи петиций [7, с. 56].

Социальное государство должно регулировать в определенной степени хозяйственные и экономические сферы общественной жизни [12, с. 29], не ущемляя при этом свободы предпринимательской деятельности. Оно не ставит своей целью изменение имеющейся классовой структуры (социальная дифференциация – явление объективно неизбежное), а старается минимизировать конфликты между классами и, что более актуально сегодня, для постиндустриального общества (теперь понятием «классы» оперируют гораздо меньше, чем ранее, в промышленную эпоху), между социальными стратами. Общество свободных людей дает возможность активной социальной мобильности, когда каждый, приложив определенные усилия, мо-

жет изменить свое социальное положение, фактически не встречая формальных препятствий в виде сословных, имущественных и тому подобных цензов, фильтров и пр. В отличие от социалистов-революционеров и некоторых других представителей социалистической идеологии, настроенных либертаристски (с убеждением, что в отдаленном будущем произойдет отживание государства как необходимого института), народные социалисты не считали, что *общество* может обойтись без государства как некоей своей законодательной, правовой скрепы, упорядочивающей отношения внутри социума. Задача человечества, считали народники, «заключается не в том, чтобы освободить землю, а в том, чтобы всецело подчинить ее... правовой власти» [6, с. 77], – лишь этот путь ведет к освобождению человека. «Земля должна стать объектом народной воли, власть над землей должна принадлежать народу. Но... выразить и осуществить свою волю народ может только при посредстве государства» [6, с. 13], – доказывал идеолог партии А. В. Пешехонов. Поэтому проект национализации земли, с ее недрами и водами, в стране, населенной по преимуществу земледельцами, подчеркивал значение, придаваемое энесами государству. Никаких частных владений землей, согласно народно-социалистической программе, остаться не должно, чтобы исключить возможность богатым скупать землю и тем самым усугублять имущественное неравенство [2, д. 33, л. 10].

Для обеспечения народа землей партия обещала требовать (это было прописано в предвыборной платформе к Всероссийскому Учредительному собранию летом-осенью 1917 г.) объявления всех земель – казенных, кабинетских, удельных, церковных, монастырских, частновладельческих – всенародной собственностью. Право на пользование землей по трудовой норме (столько, сколько сможет обработать человек со своей семьей) предполагалось давать только тем, кто намеревался вести аграрное хозяйство своим трудом. Партия выступала против того, чтобы земледельцы платили за нее выкуп, полагая справедливым возложить расходы, которые потребовались бы для передачи земли труженикам, на государство. Если у крестьянина было земли больше, чем полагалось по трудовой норме, то этот излишек государство, по проекту ТНСП, должно было выкупить. Кроме того, оно должно было взять на себя обязанность выплатить долги за землю, поскольку, по подсчетами народно-социалистических экспертов, около 80 % земель было заложено, и, если государство отберет эти земли, не заплатив лежащих на них долгов, то оно разорит помещиков и богатых землевладельцев, а тех, кто отдал свои сбережения под залог земли. Народные социалисты подчеркивали, что в этом пункте они расходятся с партией социалистов-революционеров, считавшей, что государство за землю ничего платить не должно.

Таким образом, в аграрной области государство выполняло бы социальную миссию: распределяло бы землю – главное богатство русского народа – по справедливости между теми, кто действительно будет работать на ней и честно жить за счет своего труда. По мнению энесов, общинное хозяйство удобнее и выгоднее единоличного, но там, где население привыкло к подворному владению, насильно вводить общину было не нужно. То же самое касалось и тех бывших общинников, которые оценили преимущества столыпинской реформы и стали «индивидуальными предпринимателями» на земле – возвращаться в общинные хозяйство и быт, не

имея на то желания, они были не обязаны. Следуя социалистической традиции, умеренные народники отстаивали преимущества коллективной организации труда, однако упрек в идеализации ими общины был бы несправедлив. Во-первых, они понимали, что община некоторым образом подавляет индивидуальность отдельных ее участников, не учитывает прав меньшинства, не способствует развитию предприимчивости селян; во-вторых, правовое положение общины они оценивали как двусмысленное: не то территориально-государственный, не то частнохозяйственный союз, и считали, что этот вопрос требует серьезной юридической проработки. Заведование же земельным фондом, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно, согласно программе народно-социалистической партии, принадлежать органам местного самоуправления [8].

Государство, по замыслу народных социалистов, должно было способствовать развитию не только аграрной, но и других сфер жизни общества: большое значение придавалось поддержке кооперации, привлечению рабочих к управлению производством, осуществлению государственного контроля в области производства, обмена и распределения. Справедливости ради следует заметить, что вопросам, связанным с городом, промышленностью, правые народники уделяли внимания намного меньше, чем проблемам села. Национализация крупного производства также планировалась в качестве базового мероприятия по переходу к социализму, однако, считали энесы, она станет возможной лишь тогда, когда народ «привыкнет устраивать свои общественные дела» [7, с. 27], то есть овладеет навыками самоуправления и необходимой степенью гражданского правосознания. Постепенно парламентаризм – представительная демократия – по «плану» народных социалистов должен заменить прямым участием народа в законодательстве и управлении (это должно произойти при развитии социализме). Органы местного самоуправления, наделенные широкими полномочиями разрешать проблемы соответствующего масштаба, станут своеобразной школой активизма для широких масс, где сословное происхождение и прочие социально-демографические барьеры не помешают способному, целеустремленному, честному и компетентному человеку получить любой пост в демократической системе государственного управления и добросовестно работать для общества и государства.

Заключение. Если отвлечься от научности, главная цель социального государства – достойное существование человека. Такое государство осуществимо при условии преобладания в нем сознательных, развитых, законопослушных, инициативных – *достойных* людей как его фундамента. Именно таким представляли себе общество при социализме идеологи Трудовой народно-социалистической партии. Ставя своей общей задачей, в соответствии с социалистической терминологией, защиту интересов трудящихся от произвола эксплуататоров, народники требовали вместе с тем подчинения классовых и групповых интересов общенародным, государственным. Тогда государство перестанет быть тираном и поработителем, превращаясь в защитника для каждого представителя «трудового народа» – то есть для всех без исключения людей, ведь при социализме трудиться будет каждый. Такой справедливый строй и соответствующие ему институты достижимы лишь спустя очень продолжительное время, в течение которого произойдут постепенные качественные изменения как в об-

шественном производстве, так и в общественном сознании. Очевидно, что данная теория ближе, чем идеологические платформы других, более радикальных социалистических партий России начала XX века, стоит к представлениям о движении по пути прогресса, сложившимся в среде европейского демократического социализма. Пусть не очень детально оформленные и не совсем четко разграниченные по сферам (собственно говоря, и сама формулировка «социальное государство» у народных социалистов нигде не встречается), но важнейшие требования к такому государству, которое можно было бы назвать «социальным» или даже «социально-правовым» в современном понимании, в народно-социалистической платформе представлены практически полностью, хотя иногда и в несколько наивно-идеалистическом звучании. В совокупности с вниманием, которое народные социалисты уделяли чисто гуманитарным проблемам – личности, необходимости ее развития, и с требованиями заботы о человеке со стороны государства, русский демократический социализм (по крайней мере, народническая его часть) предвосхитил глобальные тенденции стремления к построению социальных государств не менее чем на полстолетия.

Список литературы

1. **Всероссийское** Учредительное собрание: энциклопедия / автор-сост. Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
2. **Государственный** архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-312. Оп. 1.
3. **Гегель Г. В.** Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. **Захарьян Д. А.** Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние // Вестник РУДН. 2016. № 3. С. 649 – 658.
5. **Пешехонов А. В.** На очередные темы. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 303 – 330.
6. **Пешехонов А. В.** Право на землю (национализация и социализация) // Русское богатство, 1917. 80 с.
7. **Пешехонов А. В.** Хлеб, свет и свобода. СПб.: Тип. Н. Н. Клубукова, 1906. 79 с.
8. **Программа** Трудовой (народно-социалистической) партии [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/20595-programma-trudovoy-narodno-sotsialisticheskoy-partii> (дата обращения: 14.05.2020).
9. **Сиг-ъ А. [Сигов А.]** О народно-социалистической партии. Пг.–М.: Моск. комитет Народно-социалистической партии, 1917. 29 с.
10. **Симоянов А.** Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Логос. 2014. № 2. С. 215 – 234.
11. **Сыпченко А. В.** Социальная концепция народных социалистов в контексте идей западноевропейского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конф. / Пред. К. Н. Морозова. М., 2014. С. 74 – 80.
12. **Ходусов А. А.** Об идеях формирования социального государства // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2019. № 2. С. 24 – 31.

References

1. **Protasov L.G. (author-compiler).** *Vserossiyskoye Uchreditel'noye sobraniye: entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 555 p. (In Russ.).
2. **Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti (GAVO)** [State Archives of the Voronezh Region], fund I-312, inventory 1. (In Russ.).

3. **Gegel' G.V.** *Filosofiya prava* [Philosophy of law], Moscow: Mysl', 1990, 524 p. (In Russ.).
4. **Zakhar'yan D.A.** [Welfare state: main stages of development and modern state], *Vestnik RUDN* [Bulletin of RUDN], 2016, no. 3, pp. 649-658. (In Russ.).
5. **Peshkhonov A.V.** [On the next topics. Has democracy failed?], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1918, no. 1-3, pp. 303-330. (In Russ.).
6. **Peshkhonov A.V.** [Right to land (nationalization and socialization)], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1917. 80 p. (In Russ.).
7. **Peshkhonov A.V.** *Khleb, svet i svoboda* [Bread, light and freedom], St. Petersburg: Tip. N. N. Klobukova, 1906, 79 p. (In Russ.).
8. **Available at:** <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/20595-programma-trudovoy-narodno-sotsialisticheskoy-partii> (accessed 14 May 2020).
9. **Sig-" A. [Sigov A.]**. *O narodno-sotsialisticheskoy partii* [About the People's Socialist Party], Petrograd – Moscow: Mosk. komitet Narodno-sotsialisticheskoy partii, 1917. 29 s. (In Russ.).
10. **Simoyanov A.** [Welfare state: essence, criteria, indicators], *Logos* [Logos], 2014, no. 2, pp. 215-234. (In Russ.).
11. **Sypchenko A.V.** [The social concept of people's socialists in the context of the ideas of Western European democratic socialism], *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sb. materialov konf.* [The fate of democratic socialism in Russia: collection of articles. materials conf.], Moscow, 2014, pp. 74-80. (In Russ.).
12. **Khodusov A.A.** [About the ideas of the formation of a social state], *Vestnik Mosk. gos. obl. un-ta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2019, no. 2, pp. 24-31. (In Russ.).

The Social State Motives in the Project of the People's Labor Socialist Party

O. L. Protasova, *Cand. of Hist. Sci., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law",
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
olia.protasowa2011@yandex.ru*

The elements of the ideological platform of the People's Labor Socialist Party (PLSP) concerning the issue of statehood are analyzed. For the first time in the historical and legal literature, a comparison was made of the basic features of a welfare state from a modern point of view and its obvious components presented in the political program of moderate populism. It is shown that the PLSP differed from other socialist parties in its pronounced consistent etatism, paying great attention to the issue of the role of the progressive state as a moderator of the relationship between the individual and society. It is concluded that it was this party that proposed one of the first projects of state structure in Russia, the meaning and content of which anticipated the general trend towards the construction of socio-legal states of post-war European democratic socialism.

Keywords: democratic socialism; welfare state; People's Labor Socialist Party.

© О. Л. Протасова, 2020

Статья поступила в редакцию 13.05.2020

При цитировании использовать:

Протасова О. Л. Мотивы социального государства в проекте Трудовой народно-социалистической партии // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 47 – 56. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.047-056

Рассмотрены вопросы, составляющие основу теоретической и практической юриспруденции и имеющие отношение ко всем основным темам общей теории права – понятиям «правомерность» и «противоправность». Анализ имеющихся в науке точек зрения на понимание указанных форм мышления привел к выводу о неоднозначности и ограниченности их смысла. Основная цель работы состояла в том, чтобы на основе выявленных слабых сторон теоретических позиций по указанным вопросам сделать попытку предложить авторскую концепцию понимания правомерности и противоправности. Итог проведенной работы – заключение автора о природе, объеме смысла указанных понятий и границах их использования в ходе исследования процессов противодействия осуществлению закона.

Ключевые слова: правомерность; противоправность; действие закона; противодействие осуществлению закона; правомерное поведение; формы противодействия осуществлению закону.

Надежда Ивановна Сухова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра теории государства и права, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия», Саратов, Россия;
sukhova777@yandex.ru

КРИТЕРИИ «ПРАВОМЕРНОСТЬ» И «ПРОТИВОПРАВНОСТЬ» В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНУ

Введение

Действие закона – процесс, который предполагает в качестве оценочных критериев, характеризующих его, не только такие как эффективность, качество, пределы, действенность, обеспеченность и др. Полагаем, что любой закон на определенном этапе своей реализации испытывает проблемы, вызванные рядом причин, среди которых особое внимание отводится противодействию его осуществлению. Под противодействием реализации закона нами понимается *осуществляемая в активной или пассивной форме деятельность субъектов по реализации интересов, находящихся в правовой сфере и зависящих от предусмотренных законом правовых средств, процедур, форм, связанная с созданием наиболее благоприятных условий посредством препятствий осуществлению целей и положений закона либо с облегчением выполнения его требований, но вопреки смыслу и целям закона, принципам правового регулирования.*

Обращение к понятиям «правомерность» и «противоправность» обусловлено рядом тактических задач, связанных с установлением форм противодействия закону, средств его преодоления, системы мер реагирования и оснований их применения, последствий противодействия осуществлению закона и др. Все они, так или иначе, выходят на проблемы противоправности и правомерности поведения, принимаемых решений, деятельности и т.п., а потому их решение может иметь значение методологического основания для исследования противодействия закону.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятия «правомерность» и «противоправность» являются весьма распространенными как в теоретической, так и практической юриспруденции. Предположим, что они и явления, отражаемые ими, лежат в основе всей юридической науки и практики, а потому отличаются солидной системой знания о них. Однако такое видение дел не соответствует действительности и может сложиться только при отдаленном и поверхностном знакомстве.

Отмеченная распространенность указанных понятий в юридической сфере и сформированная ими сеть связей внутри нее, как оказалось, вовсе не коррелируют с имеющимися разработками и богатыми теоретическими данными об их природе, содержании, объеме и т.д. В науке не сложилось ни противоречивого, ни стройно-однозначного понимания того, что есть «правомерность» со следующими из нее производными, а что есть «противоправность». Хотя имеется множество исследований правового поведения, правовой деятельности, нормативных правовых актов, сделок, правоприменительных актов и других тем, в которых, так или иначе, ставятся вопросы правомерности или противоправности. Например, в работах по правомерному поведению, правонарушениям, юридической ответственности [6 – 9, 12, 13, 15], логически требующих рассмотрения указанных понятий, не содержится их анализа, не раскрывается их объем, соотношение с другими понятиями и категориями. Правомерность и противоправность исследуются через призму признаков правового поведения, понимаемых как само собой разумеющиеся явления: либо соответствующие требованиям норм права, либо нарушающие их, и часто как взаимозаменяемые термины.

Лишь в немногих исследованиях конца прошлого века и начала XXI в. встречаются краткие рассуждения о смысле и объеме понятия «правомерность»; «противоправность» не вызывает повышенного интереса видимо из-за своей однозначности и простоты понимания.

Так, В. В. Оксамытный, отмечая узость применения понятия «правомерное» только для обозначения соответствующего праву поведения, в то время как только этим видом весь спектр поведения, не нарушающего правовые нормы не исчерпывается, обратился к анализу его структурно-семантического происхождения. Вместе с тем установленные ограниченность применения, семантические и корневые связи в использовании указанного понятия различными правовыми системами не привели к выстраиванию концепции правового содержания «правомерность», поскольку, давая определение правомерному поведению, вновь подчеркивалось его связь с социальным действием права, направленность на исполнение и соблюдение его требований [10, с. 61 – 73], что не восполняло недостатков в использовании этого понятия, отмеченных самим же автором.

Более глубокий анализ объема именно правового смысла понятия «правомерность» сделал А. Д. Тихомиров [17]. Исследуя профессиональное правомерное поведение, он пришел к выводу о том, что природа поведения раскрывается через единство и взаимодействие социальной и правовой составляющих, выражается в качественной и количественной определенности, где качественная представлена необходимыми и достаточными признаками социальной значимости, подконтрольности сознанию и воле, правомерности, а количественная представляет собой выражение уровня

качественности и массовости. Исходя из этого, «правомерность» по своему объему представляет собой более широкое понятие, чем только соответствие поведения правовым нормам. Тихомиров А. Д. предложил рассматривать ее как: а) критерий измерения и оценки правового качества поведения; б) зону, где правовое качество поведения остается неизменным при изменениях его количественных показателей; в) показателя однокачественности правовых норм и правомерного поведения, то есть способность норм регулировать поведение и способность последнего воспринимать данное регулирующее воздействие [17, с. 6, 11].

Пожалуй, это одна из самых первых оригинальных трактовок понятия «правомерность», которая объединяет в себе характеристики правового и социального аспектов явления и демонстрирует возможность преодолеть ограничения, отмеченные в работе [17]. Позднее такой подход к пониманию правомерности в различных сочетаниях и вариантах не часто будет воспроизводиться в работах других авторов, пытающихся соотнести понятие «правомерность» с иными близкими по значению и месту в понятийном ряду [1, 2, 14].

В юридической науке нынешнего столетия к вопросам правомерности предлагается подходить с учетом того, в контексте какого правопонимания она рассматривается [6, с. 15 – 30; 14, с. 68]. Не противясь этому предложению авторов, все же следует указать на самую слабую сторону этого подхода – отсутствие четкого авторского взгляда на объем и смысл понятия «правомерность». Хотя упоминающаяся в нем дефиниция правомерного поведения могла бы пролить свет на данную неясность. Под правомерным поведением понимается поведение, выражающееся во взаимоотношениях личности с другими субъектами, ограниченное их правами и свободами, не противоречащее позитивному праву либо общественным отношениям (когда они являются источником права), признаваемое справедливыми в конкретном обществе в определенный промежуток времени [6, с. 29].

Менее научным и аргументированным, но в то же время заслуживающим внимания, кажется взгляд на рассматриваемые понятия в рамках религиозно-правового понимания проблемы. Здесь утверждается, что понятие «правомерность» эмануирует из абсолютного и неизменного Слова Божьего, дающего основание и составляющего прообраз объективного понятия «право» [11, с. 70]. «Каждому грамотному человеку нетрудно заметить, что само русское слово *правомерность* состоит из двух основ: *право* и *мера*. В авторском контексте право есть не что иное, как мерное проявление воли безмерного Бога для каждого народа, соразмерное со степенью общей зрелости его духа и культурного бытия... Стало быть, правомерным представляется всякое социальное явление, которое соответствует объективным (не зависящим от сознания и воли людей) закономерностям богочеловеческих взаимоотношений, при которых относительные и изменчивые воли людей любовно и органически сочетаются с абсолютными и неизменными императивами Бога, а не просто с общепринятыми, договорными международно-правовыми стандартами» [11, с. 74].

Проведенное краткое обобщение позиций по вопросу понимания смысла и объема понятия «правомерность», а также близких с ним вопросов, показало остающуюся небольшую брешь в этом срезе юридического знания, дающую возможность сделать попытку ее заполнить своими рассуждениями, результатом анализа юридической теории и практики.

Авторская концепция правомерности вряд ли сможет претендовать на исключительную оригинальность, но для ее выработки, полагаем, целесообразно и полезно обратиться к понятию «противоправность», чтобы в тесной связи с ним выяснять содержание и объем юридического смысла обоих понятий.

Противоправность позиционируется признаком деяния, которое одновременно должно быть общественно опасным и нарушать норму действующего права. Эта высказанная О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским [4, с. 334] в середине прошлого века мысль не претерпела каких-нибудь существенных изменений и не наполнилась новым содержанием, за исключением полемики вокруг характера норм, подвергающихся нарушению [3, с. 31; 9, с. 7]. Тем не менее есть и не входящие во множество трактовок противоправности, в которых она рассматривается в зависимости от специфики оформления юридических обязанностей и места расположения конкретного деяния в системе неправомерного поведения [1, с. 117]. На основании этого выделяется четыре уровня нормирования обязанностей, нарушение которых и вызывает противоправность деяния.

Не со всем в представленной позиции можно согласиться, но в ней есть интересная мысль о том, что некоторые регулятивные нормы (их мало, но они есть) не обеспечены со стороны государства принудительными мерами, а потому несоблюдение закрепленных в них обязанностей не влечет никаких последствий. Если последствий не наступает, надо полагать, и деяние нельзя назвать противоправным. С. И. Вершинина считает иначе и в итоге несколько запутывает свои рассуждения о противоправности. Так, автор утверждает, что неисполнение юридической обязанности всегда нарушает регулятивное правило поведения, что придает деянию противоправный характер. Выполнение регулятивных норм обеспечивается механизмом принудительного исполнения, содержащимся в других нормах. Однако в действующем российском законодательстве имеются юридические обязанности, не обеспеченные указанным механизмом. В такой ситуации, полагает автор, исполнение обязанности осуществляется «на основе добровольности и правосознательности субъектов права, сообразующих свое поведение с нуждами и потребностями общества и государства» [1, с. 118].

Последнее утверждение и вызывает несогласие, поскольку не соотнобразуется с системой знаний о нормах, их исполнении, ответственности, правомерном и противоправном поведении. Добровольность исполнения обязанности делает ее схожей с субъективным правом и исключает особенности характера именно обязывающей нормы. Добровольное ее исполнение, не обеспеченное никакими средствами, позволяет ее не исполнять; не вызывает ответственности; такое поведение нельзя признавать противоправным. Но, полагаем, нельзя считать и правомерным по следующим основаниям.

Во-первых, практически никто из цитировавших О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского не обращал внимание на существенное содержание их мысли о противоправности, не включенное в две названных выше характерных черты. Речь идет о том, что невозможность правомерного деяния быть основанием ответственности, даже если оно заведомо для субъекта могло повлечь вредные последствия или повлекло их (например, при крайней необходимости, необходимой обороне, дозволенном производст-

венном риске, выполнении профессиональных обязанностей и т. д.) сосуществует и пересекается с тем, что «иногда самая возможность того, что деяние повлечет или может повлечь общественно опасные последствия, делает деяние неправомерным» [4, с. 334].

Во-вторых, наличие в объективном праве норм, даже не обеспеченных принудительными средствами и мерами ответственности, в отношении которых состоялось нарушение, все равно порождает следствия в правовой системе, элементы которой направлены на установление необходимого порядка. И это следствие может выражаться именно оценкой «правомерно»/«неправомерно».

В-третьих, многие из обязывающих норм содержат в себе не столько обязанность, сколько ориентируют на основополагающие положения формирования и развития тех или иных групп общественных отношений, то есть на отраслевые или общеправовые принципы права. Например, в ст. 23 Налогового кодекса РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.01.2020) содержится норма, указывающая на необходимость должного поведения налогоплательщика. Нарушение принципов права не всегда содержит признаки состава правонарушения, но признается неправомерным, влечет применение мер защиты или перераспределение процессуальных обязанностей в процессе защиты, что подтверждается не только теоретическими положениями, но и юридической практикой.

Так, Пленум Верховного Суда РФ сформулировал некоторые правила осуществления правосудия в ситуациях определения добросовестности участников гражданского оборота. При оценке действий сторон с точки зрения добросовестности учитывается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей в их осуществлении. Недобросовестным может быть признано поведение одной из сторон не только по обоснованному заявлению другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. При установлении недобросовестности поведения стороны суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения принимает одно из решений: отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично; применяет меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

Заключение

На основании имеющихся разработок и с учетом высказанных замечаний по их содержанию, полагаем, что правомерность в сравнении с противоправностью, действительно, является более сложным явлением и характеристикой деяния, чем может показаться на первый взгляд. Ее концепция, используемая в исследовании процесса противодействия закону, может выглядеть так.

Правомерность – понятие, которое связано и порождено правовой сферой, выражает, с одной стороны качественную характеристику деяния, а с другой, выступает критерием оценочного суждения о нем. Другими словами, она играет роль и признака деяния, и меры, критерия суждения о нем. Способность рассматриваемого понятия выступать мерой, на наш взгляд, наряду с противоправностью может и должна использоваться при определении общественной опасности деяния и его результатов. Критериальность правомерности распространяется не только на деяния, но и на деятельность, а также на акты различной юридической природы.

Правомерность находит свою объективацию не только в объективном праве, имеющем признаваемую государством официальную форму его выражения, но и в принципах, в его общем смысле, а также в результатах юридической практики. При этом под юридической практикой мы понимаем и практику регламентации общественных отношений, складывающуюся в деловые обыкновения и в ход вещей, признаваемый обычным при нормальных условиях в конкретной сфере отношений.

В связи с этим не можем согласиться с мнением, имеющим место в ранее упомянутых работах, в которых правомерности приписывается и социальная природа. Мы исходим из того, что полностью исключать и не брать во внимание связь правомерности с явлениями морально-ценностной сферы нельзя. Всем известно значение высокой степени обусловленности многих правовых феноменов категориями морали и нравственности: правосознания, правовой культуры, поведения, принципов права и т.д. Но вместе с тем убеждены, что эта связь не должна вести к ассимиляции правового феномена с феноменом морали или нравственности. Справедливость, которая является мерилем всего права и его отдельных институтов, не превращает его в мораль, а юридическую ответственность, например, в моральную ответственность. Значение идеалов свободы, демократии, нравственности и справедливости подчеркивается в исследованиях элементов всей юридической практики, которая довольно часто приходит в противоречие с ними, что ведет к сомнениям в разумности права, замене законности целесообразностью и иным негативным для развития правовой сферы последствиям [2, с. 11]. Представляется, что указанные идеалы выступают критериями объективности и адекватности юридических явлений и средств социально-ментальному уровню регулируемых отношений.

Одной из важнейших составляющих смысла правомерности в ее чисто юридическом понимании является, по нашему мнению, характеристика цели и результата деятельности, деяния, акта. Результат при не нарушающем норму права поведении может быть противоправным, что не позволяет всю совокупность юридически значимого комплекса назвать правомерным. Особенно это актуально в таких отраслях права, как гражданское и международное, где отсутствует четкое определение противоправного поведения и критериев его правомерности. Поэтому для определения последней, например, в сфере оказания медицинских услуг важны два обстоятельства: совершение деяний, полностью или частично не отвечающих официальным требованиям, предписаниям, правилам; наличие недостатка медицинской услуги, то есть ее несоответствие стандарту, условиям договора или обычно предъявляемым требованиям к качеству [19, с. 44].

Наиболее остро вопрос понимания правомерности стоит при определении сделок недействительными. На протяжении двух столетий представители гражданского права так и не пришли к единообразному пониманию недействительности сделки. Тем не менее точки зрения некоторых из них, высказанные в последнее время, заслуживают внимания, поскольку подчеркивают сложность понятия «правомерность». Отмечается, что границы между сделкой и правонарушением стираются по причине непризнания правомерности или неправомерности сделки ее необходимым элементом как юридического факта; возникают сложности при отграничении данных понятий друг от друга [5, с. 9]; понятия «недействительность» и «противоправность» не совпадают по своему смысловому значению и при юридической оценке сделок не пересекаются. Недействительная сделка станет правонарушением только тогда, когда субъект виновен и осознает противоправность своих действий [18, с. 9 – 13].

В международном праве правомерность полномочий его субъектов или их деятельности так же определяется по нескольким правилам, одно из которых касается конечного результата [16, с. 90].

Таким образом, в исследовании процессов противодействия реализации закона важно внимательно относиться к критериям выделения форм такого противодействия. Нужно помнить, что противодействие может явно нарушать требования правовых норм и быть противоправным. Однако не исключается, что в силу многообразия правовых средств реализации интересов в сфере действия закона не всякое противодействие может нарушать правовые нормы, то есть по формальным признакам не быть противоправным, но признаваться правомерным тоже вряд ли сможет, если учесть все выделенные составляющие смысла понятия «правомерность» для его определения. В любом случае, для изучения противодействия осуществлению закона правомерность и противоправность будут играть роль критериев определения формы такого противодействия.

Список литературы

1. **Вершинина С. И.** О содержании признака противоправности деяний // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1 (19). С. 116 – 119.
2. **Вопленко Н. Н.** Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2009. № 1. С. 11 – 14.
3. **Вопленко Н. Н.** Правонарушение и юридическая ответственность. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 136 с.
4. **Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.** Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
5. **Киселев А. А.** Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий: монография / под ред. проф. В. А. Рыбакова. М.: Юрист, 2004. 160 с.
6. **Ковалева Е. Л.** Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 288 с.
7. **Кудрявцев В. Н.** Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
8. **Кудрявцев В. Н.** Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
9. **Малеин Н. С.** Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.

10. **Оксамытный В. В.** Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 374 с.
11. **Осипян Б. А.** Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69 – 78.
12. **Рязанова Н. А.** Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
13. **Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.** Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. 240 с.
14. **Семина О. С.** Законность и правомерность: соотношение и взаимосвязь // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 67 – 70.
15. **Степаненко Р. Ф.** Современная концепция маргинального поведения в общей теории права: дискуссионные аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 34 – 38.
16. **Тарасова Л. Н.** К дискуссии о правомерности современного международного права // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2011. № 2. С. 88 – 95.
17. **Тихомиров А. Д.** Профессиональное правомерное поведение работников органов внутренних дел: социально-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1990. 20 с.
18. **Тузов Д. О.** Теория недействительности сделок. Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 600 с.
19. **Шевчук Е. П.** Противоправность деяния как элемент деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 44 – 46.

References

1. **Vershinina S. I.** [On the content of unlawful acts], *Vektor nauki TGU* [Science vector TSU], 2012, no. 1 (19), pp. 116-119 (In Russ.).
2. **Voplenko N. N.** [Legality and legitimacy], *Novaya pravovaya mysl'* [New legal thought], 2009, no. 1, pp. 11-14 (In Russ.).
3. **Voplenko N. N.** *Pravonarushenie i yuridicheskaya otvetstvennost'* [Offense and legal liability], Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2005, 136 p. (In Russ.).
4. **Ioffe O. S., Shargorodskij M. D.** *Voprosy teorii i prava* [Theory and law], Moscow: Gosyurizdat, 1961, 381 p. (In Russ.).
5. **Kiselev A. A. and Rybakov V. A. (Ed.)** *Nedeystvitel'nye sdelki: problem sostavov, kvalifikatsii i pravovykh posledstvij* [Invalid transactions: problems of composition, qualification and legal consequences], Moscow: Yurist, 2004, 160 p. (In Russ.).
6. **Kovaleva E. L.** *Candidate's of Law thesis*, Moscow, 2002, 288 p. (In Russ.).
7. **Kudryavtsev V. N.** *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, act, responsibility], Moscow: Nauka, 1986, 448 p. (In Russ.).
8. **Kudryavtsev V. N.** *Pravo i pravovedeniye* [Law and jurisprudence], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1978, 192 p. (In Russ.).
9. **Malein N. S.** *Pravonarusheniye: ponyatiye, prichiny, otvetstvennost'* [Offence: concept, causes, responsibility], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985, 192 p. (In Russ.).
10. **Oksamytny V. V.** *Doctor's of Law thesis*, Kiev, 1990, 374 p. (In Russ.).
11. **Osipyany B. A.** [The root of the concept of "legitimacy"], *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2008, no. 1, pp. 69-78 (In Russ.).
12. **Ryazanova N. A.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Moscow, 2012, pp. 25 (In Russ.).
13. **Samoschenko I. S., Farukshin M. H.** *Otvetstvennost' po sovetskomu zakonodatel'stvu* [Liability under Soviet law], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971, 240 p. (In Russ.).

14. **Semina O. S.** [Legality and legitimacy: correlation and relationship], *Mezhdunarodny zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International journal of constitutional and state law], 2016, no. 2, pp. 67-70 (In Russ.).

15. **Stepanenko R. F.** [Modern concept of marginal behavior in the general theory of law: debatable aspects], *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian law], 2013, no. 4, pp. 34-38 (In Russ.).

16. **Tarasova L. N.** [To the discussion on the legality of modern international law], *Vestnik RUDN* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2011, no. 2, pp. 88-95 (In Russ.).

17. **Tihomirova A. D.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Kiev, 1990, 20 p. (In Russ.).

18. **Tuzov D. O.** *Teoriya nedejstvitelnosti sdelok. Opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj traditsii* [The theory of invalidity of transactions. The experience of Russian law in the context of European legal tradition], Moscow: Statut, 2007, 600 p. (In Russ.).

19. **Shevchuk E. P.** [Unlawfulness of an act an element of tort liability in the provision of medical services], *Sibirskij juridicheskij vestnik* [Siberian legal bulletin], 2008, no. 3 (42), pp. 44-46 (In Russ.).

The Criteria of “Legitimacy” and “Unlawfulness” in the Study of the Processes of Counteraction to the Law

N. I. Sukhova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of State and Law Theory,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
sukhova777@yandex.ru*

The article considers issues that form the basis of theoretical and related to all the main topics of the general theory of law – the concepts of “legitimacy” and “unlawfulness”. The analysis of the points of view available in science on understanding these forms of thinking led to the conclusion that their meaning is ambiguous and limited. The main goal of the study is to make an attempt to propose an author's concepts of understanding legitimacy and unlawfulness, using the identified weaknesses of the theoretical positions on these issues. The result of the study was the author's conclusion about the nature, extent of the meaning of these concepts and the limits of their use in the study of processes of counteraction to the implementation of the law.

Keywords: legitimacy; unlawfulness; operation of law; opposition to law; lawful conduct; counteractions to the application of the law.

© Н. И. Сухова, 2020

Статья поступила в редакцию 23.04.2020

При цитировании использовать:

Сухова Н. И. Критерии «правомерность» и «противоправность» в исследовании процессов противодействия закону // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 57 – 65. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.057-065

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию закрепления, содержания и механизма реализации права на отправление правосудия в Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Беларусь. Рассмотрены нормативные правовые основы права на отправление правосудия в данных государствах, закрепляющие место права на отправление правосудия в системе прав, значение данного права для граждан, способ закрепления права в законе. Приведен анализ правомочий права на отправление правосудия с позиции исследователей теории субъективного права. Уделено внимание требованиям, предъявляемым к лицам, изъявившим желание реализовать право на отправление правосудия в качестве присяжных, арбитражных, народных заседателей, судей в законодательстве Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь. Дан анализ обоснованности закрепленных в законодательстве профессиональных и репутационных требований. Результатом исследования в статье стало определение сходств и различий в механизмах реализации права на отправление правосудия в указанных правовых системах.

Ключевые слова: право на отправление правосудия; присяжный заседатель; народный заседатель; арбитражный заседатель; судья.

**Юлия Сергеевна Черемисина, аспирант,
институт магистратуры и аспирантуры,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Саратов, Россия;
Yuliya19881992@mail.ru**

ПРАВО ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ

В период автономного конституционного развития государств постсоветского пространства: Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, осуществляется суверенное изменение законодательства, в том числе в части реализации права на отправление правосудия. Независимость в государственном развитии позволила странам осуществлять самостоятельное государственное строительство. В этой связи формируются собственные подходы к оценке субъективного права. Конституции Российской Федерации, Республики Казахстан закрепляют, что права и свободы человека являются высшей ценностью государства, тогда как Конституция Республики Беларусь указывает на то, что обеспечение прав и свобод является высшей ценностью.

Особая ценность права на участие в отправлении правосудия обуславливается специфически сложным механизмом реализации данного права. Указанное, по мнению ряда исследователей, свидетельствует об определенной декларативности данного права.

В то же время, как свидетельствует нормотворческая практика исследуемых государств, процесс реформирования механизма реализации права на отправление правосудия, его правомочий перманентен.

В юридической доктрине общие проблемы судебной власти нашли свое отражение в работах А. А. Гончарова, А. Б. Ваймана, В. М. Лебедева, И. С. Масликова, С. А. Рагозиной, Н. М. Чепурновой. Вопросы участия граждан в отправлении правосудия затрагивались в работах Э. В. Лядновой, В. А. Смирновой, Ю. Романовой.

Согласно теории субъективного права реализация права зависит «от личного отношения к нему самих субъектов-носителей» [1], в связи с чем «использование или неиспользование права происходит по собственной воле носителя права» [3, с. 333]. Лицо, наделенное правом, может распоряжаться им по своему личному усмотрению. Однако законодательное регулирование и правоприменительная практика свидетельствуют об определенной условности указанных выше суждений при реализации субъективного права на отправление правосудия, что обуславливает актуальность темы исследования.

Право в субъективном смысле понимается как «вид и мера возможного поведения конкретного субъекта» [7, с. 102], «совокупность всех правоотношений, существующих в данном юрисдикционном поле» [2, с. 99].

В то же время юридическая доктрина говорит о том, что то правовое притязание, на которое правомочен субъект правоотношения возможно лишь в пределах, очерченных нормами законодательства. Указанная правовая характеристика свидетельствует о том, что наличие и реализация субъективного права возможны лишь в условиях его санкционирования государством. При этом права и свободы не даруются человеку государством, они существуют в силу естественных причин, «источником прав и свобод личности в обществе служит не воля законодателя сама по себе, а реальные общественные связи и отношения людей» [3, с. 225].

Законодательством Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан закреплено право граждан на участие в отправлении правосудия. Так, в ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия. Право граждан Республики Беларусь на участие в осуществлении правосудия отражено в ст. 9 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (29 июня 2006 г. № 139-3). Конституцией Республики Казахстан не закреплено право на участие в отправлении правосудия, однако ст. 75 Конституции Казахстана предусмотрено ведение уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей, что является одной из форм данного права. При этом ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 12 Конституции Республики Казахстан говорят о естественном характере прав и свобод человека и гражданина. Лишь в ст. 21 Конституции Беларуси говорится о гарантировании тех прав и свобод граждан, которые нашли свое закрепление в законодательстве.

Законодательное закрепление права на участие в отправлении правосудия свидетельствует о том, что данное право является «нормируемым правилом поведения» [9, с. 44], «обеспеченной законом мерой возможного поведения» [3, с. 230], осуществление и реализация которого возможны в границах, установленных законом.

Законодательство исследуемых государств не имеет единого подхода в определении объема правомочий права граждан на участие в отправлении правосудия. Согласно законодательной доктрине Российской Федерации «право на участие в отправлении правосудия включает в себя три основных правомочия: право на равный доступ к замещению должностей судей, право на участие в качестве присяжных заседателей, право на участие в качестве арбитражных заседателей» [8, с. 114]. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей осуществляет применение данного права лишь в части народных заседателей. Тогда как законодательные нормы Республики Казахстан не закрепляют в своем содержании право граждан на участие в отправлении правосудия как такового. Его наличие у граждан Казахстана подразумевается из конституционно закрепленного института присяжных заседателей. В то же время Закон Республики Казахстан от 16 января 2006 года № 121 «О присяжных заседателях» определяет их правовой статус, механизм формирования корпуса присяжных заседателей.

Полагается, что практически обоснованным подходом в определении объема правомочий права на участие в отправлении правосудия является сочетание профессионального и народного элемента. Свое обоснование данное суждение находит в следующем. *Во-первых*, как при профессиональном, так и при народном элементе к деятельности по отправлению правосудия допускаются исключительно граждане государств, отвечающие определенным квалификационным требованиям, предусмотренным в законодательстве. *Во-вторых*, деятельность по отправлению правосудия в обеих формах осуществляется только судами в лице профессиональных судей и привлекаемых в установленных случаях заседателей. *В-третьих*, задействованные в осуществлении правосудия граждане осуществляют рассмотрение гражданских, уголовных, арбитражных дел. *В-четвертых*, деятельность граждан направлена на разрешение споров.

Право на участие в отправлении правосудия имеет тесную непосредственную связь с государством, так как непосредственной целевой установкой данного права является реализация государственного управления, и в то же время мерой реализации политической свободы. Указанное дает возможность отнести данное право к категории политических, определяемых исследователями как «реальную возможность и способность индивида участвовать в политическом процессе, деятельности политической системы общества» [1, с. 105–106].

В связи с тем, что право на участие в отправлении правосудия является политическим правом и имеет особую значимость в деле построения правовой государственности, на определенном этапе реализации права законодателем оно определяется больше морально-нравственной категорией, чем правовой. Следствием чего является то, что право как таковое обретает иную форму, прекращая включать в себя специфический ему набор характеристик. Это находит свое отражение в том, что в федеральных законах Российской Федерации о присяжных заседателях, об арбитражных заседателях на определенном этапе его реализации право на участие в отправлении правосудия определяется законодателем как гражданский долг. Евстифеев Д. М. определяет гражданский долг как «совокупность призывов и требований, адресованных государством своему гражданину» [6].

Обусловлено указанное, по мнению Евстифеева Д. М., необходимостью задействовать граждан в решении наиболее важных социально-политических задач. Однако, по его мнению, указанное является средством регламентации права. В то же время по содержательной характеристике гражданский долг как таковой и обязанность имеют единое содержание. Как и исполнение юридической обязанности, реализация гражданского долга необходима для обеспечения осуществления субъективного права, в данном случае права на рассмотрение дела с участием присяжных, арбитражных заседателей. Таким образом, так же как и при исполнении юридической обязанности, при исполнении гражданского долга гражданин должен воздержаться от «создающих управомоченному лицу препятствия в осуществлении господства над объектом права» [5]. За ненадлежащее выполнение гражданского долга по осуществлению правосудия в качестве присяжного заседателя за неявку в суд без уважительной причины присяжный может быть подвергнут денежному взысканию, в случае нарушения запретов он может быть отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении дела в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Наличие конструкции санкций за неисполнение долга стало не столько морально-нравственным призывом, апеллирующим к чувствам граждан с целью возбудить общечеловеческие чувства, сколько требованием с наличием карательного механизма. Таким образом, в решении задачи по участию граждан в отправлении правосудия Российская Федерация прибегла формально к морально-нравственной категории, сформировав институт сопричастности граждан к решению важных социально-политических задач.

Безусловно, закрепленное право на участие в отправлении правосудия в законодательстве России и Беларуси через призму структуры права свидетельствует о том, что граждане исследуемых государств могут реализовать свою возможность участвовать в отправлении правосудия, а могут и отказаться от реализации данной возможности. Однако возможность реализации данного права не является безусловной, она обусловлена определенными квалификационными требованиями. *Во-первых*, законодательство России, Беларуси, Казахстана наделяет данным правом лишь граждан государств, лиц состоящих в определенной политико-правовой связи с государством. Первичность данного критерия обусловлена тем, что именно гражданин, состоящий не только в тесной связи с государством, но и во взаимоотношающихся отношениях с другими гражданами, имеет устойчивый контакт с населением. *Во-вторых*, согласно Федеральному закону от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», закону Республики Казахстан «О присяжных заседателях» условием реализации права на отправление правосудия является включенность гражданина в списки кандидатов в присяжные заседатели. Согласно положениям указанных законов, включенными в списки кандидатов в присяжные заседатели могут быть только лица, достигшие 25 лет, не имеющие неснятую или непогашенную судимость, не признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными, не состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере. Указанный критерий возраста предопределен тем, что лишь по достижению определенных лет в лице заверенным образом формируются ценностные качества, жизненно-важный опыт,

применение которых возможно в государственно полезных целях. Критерий дееспособности ограничивает от лиц, не могущих в полной мере контролировать свое поведение, рационально подходить к решению жизненных вопросов. Отсутствие неснятой, непогашенной судимости является критерием законопослушности. Его наличие обусловлено тем, что осуществляя деятельность по отправлению правосудия, граждане разрешают споры в соответствии с законом, не допуская нарушения чьих-либо прав, не вступая в конфликт с законом. Наличие указанного обстоятельства может не только поставить под сомнение справедливость, законность решения, но и нанести ущерб правам сограждан посредством принятия решения лицом, пренебрегшим законом. Более расширенные квалификационные требования предъявляются Федеральным законом от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации». Помимо приведенных выше требований к кандидатам арбитражные заседатели должны соответствовать образовательному и профессиональному цензам, так, лицо должно иметь высшее образование, а также опыт работы в экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской сферах, не занимать государственных должности или должности государственной службы. Помимо перечисленного у потенциального кандидата в арбитражные заседатели должна отсутствовать определенная поименованная в законе родственная связь с председателем или заместителем председателя арбитражного суда субъекта. Данный критерий, в отличие от иных репутационных требований, направлен на предупреждение возникновения конфликта интересов при отправлении правосудия, принятое с участием арбитражного заседателя решение могло вызвать сомнение в его объективности, дискредитировать судебную власть и подорвать авторитет права на отправление правосудия. В то же время, если законы о присяжных заседателях России и Казахстана подразумевают потенциальное согласие граждан на включение в списки кандидатов в присяжные заседатели в целях возможной реализации права на отправление правосудия, то Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О предварительном отборе кандидатов в народные заседатели и формировании списков народных заседателей» (27.06.2017 г. № 485) закрепляет санкционированное, выраженное согласие граждан Республики Беларусь на включение в списки народных заседателей. Аналогичный подход предусмотрен и федеральным законом Российской Федерации об арбитражных заседателях, помимо согласия потенциального кандидата в списки арбитражных заседателей, который сообщает определенные сведения о себе, его кандидатура должна быть поддержана профессиональным или общественным объединением. Выражение воли граждан на реализацию права на участие в отправлении правосудия предусмотрено федеральным законом Российской Федерации о присяжных заседателях на этапе извещения граждан о включении в состав кандидатов в присяжные заседатели. Выражение отказа от реализации права возможно посредством направления заявления об исключении из состава кандидатов в присяжные заседатели. Таким образом, волевое содержание участия в отправлении правосудия выражено не только в воле законодателя на установление соответствующих правовых механизмов, но и обусловлено волей гражданина на согласие или отказ в реализации права.

Аналогичный подход к установлению требований к лицам, претендующим на реализацию права на отправление правосудия, предусмотрено законодательством при желании реализовать данное право на постоянной основе. Согласно Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», судьями являются лица, наделенные полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Законодательством России, Беларуси, Казахстана предусмотрен перечень общих условий, при наличии которых лицо не может реализовать субъективное право на отправление правосудия. Им не может обладать лицо, признанное ограниченно дееспособным или недееспособным, имевшее судимость, не достигшее определенного возраста. Законодательством данных государств установлена проверка знаний лица, изъявившего реализовать право на отправление правосудия посредством сдачи квалификационного экзамена, результаты которого отражают уровень знаний и степень практической подготовки лица. Также закон предъявляет требования в части соответствующего образования и стажа работы. Обусловлено это тем, что деятельность по отправлению правосудия исключительно связана с применением норм права. При применении норм права необходима определенная теоретическая база, которая может быть получена и объективно оценена в процессе обучения, получения образования. В свою очередь, стаж работы необходим для формирования практических умений и навыков, качественное совершенство которых должно использоваться в деятельности по отправлению правосудия. В то же время законом Республики Казахстан предусмотрен расширенный перечень требований, которым лицо должно соответствовать, чтобы иметь возможность реализовать право на профессиональное отправление правосудия. Предъявление столь весомых требований к гражданам, изъявившим реализовать свое право на отправление правосудия посредством занятия должностей профессиональных судей, обусловлено значимостью данного права в системе государственного строительства, важностью и масштабностью задач, разрешаемых вследствие реализации данного права.

Следующим элементом структуры субъективного права является возможность требования соответствующего поведения от обязанного лица. Правоотношение, возникающее в ходе реализации права на участие в отправлении правосудия, можно охарактеризовать как частно-публичное правоотношение, так как субъектом правоотношения помимо гражданина выступает государство в лице его уполномоченных органов. В данном случае законного права требовать от государства в лице его компетентных органов создания условий в реализации права на участие в отправлении правосудия не имеют лица, не отвечающие квалификационным требованиям. Согласно федеральному закону «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» лишены данной возможности и граждане, формально отвечающие требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям, так как согласно ч. 4 ст. 5 названного федерального закона кандидаты в присяжные заседатели определяются путем случайной выборки с использованием государственной

автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». О случайной выборке в составлении списков кандидатов в присяжные заседатели говорится и в законе Республики Казахстан «О присяжных заседателях», а также в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь.

Однако помимо случайной выборки указанным постановлением Совета Министров Республики Беларусь отбор в народные заседатели осуществляется из числа лиц, предложенных трудовыми коллективами и общественными объединениями, на основе предложений формируются списки арбитражных заседателей. Полагается, что указанные способы формирования списков заседателей не лишают возможности граждан, отвечающих соответствующим требованиям, требовать от упомянутых организаций выдвижения своей кандидатуры.

Закрепленные в законодательстве институты заседателей, судей в своей содержательной основе имеют целью предоставление возможности пользоваться таким социальным благом, как управление делами государства как в общем, так и в частности – участие в отправлении правосудия. Однако право на участие в отправлении правосудия через призму его реализации является не целью как таковой, а средством реализации иных прав и достижения иных благ. В данном случае субъективное право выступает «юридическим способом удовлетворения разнообразных потребностей и интересов личности как средств, позволяющих пользоваться определенными социальными благами» [3, с. 23].

Обладание субъективным правом на участие в отправлении правосудия является условием обретения правового статуса присяжных, судей. Вступление граждан в правоотношения с государством в качестве заседателей обуславливает возникновение специальной правоспособности, что ведет к возникновению специальных прав и обязанностей, отсутствующих при неимении данного статуса.

Юридической наукой некоторые субъективные права определяются как «приобретаемые и реализуемые лицом права при наличии юридических фактов, с которыми связано возникновение конкретных правоотношений» [3, с. 230].

Порядок реализации большинства прав и свобод субъективен и зависит от индивидуальных установок каждого, что находит свое отражение в нормах права. Специфика прав граждан на управление делами государства обусловлена тем, что гражданин не может самостоятельно определить механизм реализации права, так как при реализации права он должен придерживаться порядка, установленного нормами права. Условиями реализации прав является правоприменительная деятельность компетентных органов. Полномочия органов государства, иных уполномоченных органов в данной сфере обусловлены не только созданием механизма реализации личных потребностей, но и обеспечения общественных интересов. В связи с чем, с одной стороны, данная деятельность компетентных органов направлена на претворение в жизнь функций государства, с другой стороны, на обеспечение реализации законных прав граждан. Право на участие в отправлении правосудия связано регламентацией его реализации, которая имеет стадийный порядок. На каждой стадии реализации права четко закреплены полномочия органов власти. Продолжение реализации права

зависит не столько от волеизъявления лица, сколько от наличия юридических фактов.

Правообразующим юридическим фактом при реализации права на участие в отправлении правосудия в качестве присяжных является список кандидатов в присяжные заседатели, который формируется исполнительно-распорядительным органом муниципального образования и местными исполнительными органами, согласно законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан соответственно. В Республике Беларусь правообразующим фактом в процессе реализации права в одном случае является протокол общего собрания трудового коллектива, в другом – список кандидатов исполнительного комитета. Итоговый акт реализации данного права – судебное решение, которым постановляется рассмотрение дела с участием заседателей.

Перечень юридических фактов при реализации права на участие в отправлении правосудия в качестве судей более разнообразен в законодательстве исследуемых государств. Первичным фактом реализации права является наличие сведений об объявлении конкурса на должность судьи. Далее по законодательству Российской Федерации осуществляются правоприменительные мероприятия квалификационных коллегий судей, Высшего судебного совета для Республики Казахстан. Итоговым актом, который закрепляет за лицом право на участие в отправлении правосудия на постоянной основе в Российской Федерации, является указ Президента Российской Федерации либо решение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в Республике Беларусь – акт Президента Республики Беларусь, в Республике Казахстан – акт Президента Республики Казахстан, Сенат Парламента Республики Казахстан.

Ценность права на участие в отправлении правосудия обуславливается еще и тем, что данное право является условием реализации права с одной стороны на судебную защиту, с другой, – на рассмотрение дела с участием заседателей.

Таким образом, реализация субъективного права на участие в отправлении правосудия обусловлена четким законодательным регулированием. Возможность и способность лица реализовать право на отправление правосудия обременены требованиями, которым должны отвечать субъекты, желающие вступить в правоотношения по реализации данного права. Наличие же определенных, поименованных в законе обстоятельств, которые непреодолимо препятствуют реализации права и которыми обладает лицо, навсегда устанавливают невозможность обладать правом. Другие обстоятельства, поименованные в законе, лицо должно начать приобретать и приобрести заблаговременно, чтобы при наличии определенного юридического факта иметь возможность приступить к реализации права. Закрепление четкого порядка реализации права с указанием качеств, от которых лицо должно отказаться и которые должно приобрести, в законодательстве исследуемых государств обусловлено единством подхода к определению ценности права в процессе государственного строительства.

Анализ законодательства исследуемых государств свидетельствует о множестве правомочий права на отправление правосудия, к которым от-

носятся право на участие в отправлении правосудия в качестве судей, арбитражных, народных, присяжных заседателей. Специфика юридической техники, выраженная в непоименованном характере закрепления права, не свидетельствует об отсутствии какого-либо из правомочий, так как его наличие обусловлено не только формальным закреплением, но и механизмом реализации.

Список литературы

1. **Афанасьев С. А.** Понятие, сущность и природа политических прав // Права человека: теория, история, практика: сб. науч. тр., посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики; Институт права и гуманитарного образования. Волгоград, 2014. С. 102 – 109.
2. **Вельяминов Г. М.** К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права // Государство и право. 2014. № 2. С. 98 – 100.
3. **Витрук Н. В.** Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
4. **Глухарева Л. И.** Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 50 – 61.
5. **Груздев В. В.** Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 95 – 104. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.095-104> (дата обращения: 05.02.2020).
6. **Евстифеев Д. М.** Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 30 – 34.
7. **Зубкова В. С.** К соотношению субъективных прав и субъективных обязанностей в российской науке конституционного права // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2(78). С. 102 – 105.
8. **Комаров С. А.** Комментарии к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. С. А. Комарова. 2-е изд., испр. и дополнен. СПб.: Изд-во Юрид. института, 2014. 538 с.
9. **Субочев В. В.** Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: Норма. 2008. 496 с.

References

1. **Afnas'yev S.A.** [Concept, essence and nature of political rights], *Prava cheloveka: teoriya, istoriya, praktika* [Human rights: theory, history, practice], Volgograd, 2014. pp. 102-109. (In Russ.).
2. **Vel'yaminov G.M.** [On the concept of the composition of law as a combination of objective and subjective law], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2014, no. 2, pp. 98-100. (In Russ.).
3. **Vitruk N.V.** *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal status of the individual], Moscow: Norma, 2008, 448 p. (In Russ.).
4. **Glukhareva L.I.** [Subjective rights, fundamental rights, human rights: unity and differences], *Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Bulletin of the RSUH. Series: Economics. Control. Right], 2009, no. 11, pp. 50-61. (In Russ.).
5. **Gruzdev V.V.** [The structure of subjective civil rights and civil-legal obligations], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law],

2018, no. 5, pp. 95-104. available at: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.095-104> (accessed 05 February 2020). (In Russ.).

6. **Yevstifeyev D.M.** [Constitutional duty of the individual in legislation and judicial practice], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2018, no. 7, pp. 30-34. (In Russ.).

7. **Zubkova V.S.** [On the ratio of subjective rights and subjective responsibilities in the Russian science of constitutional law], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2013, no. 2-2(78), pp. 102-105. (In Russ.).

8. **Komarov S.A. (Ed.)**. *Kommentarii k konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Comments to the constitution of the Russian Federation], 2-ye izd., ispr. i dopolnen. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yurid. instituta, 2014, 538 p. (In Russ.).

9. **Subochev V.V. and Mal'ko A.V. (Ed.)**. *Zakonnyye interesy* [Legitimate interests], Moscow: Norma, 2008, 496 p. (In Russ.).

Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice: Concept, Legal Nature and Content

Yu. S. Cheremisina, *Postgraduate Student, Institute of Master's and Postgraduate Studies, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; Yuliya19881992@mail.ru*

The article is devoted to a comparative legal study of the consolidation, content and mechanism of the implementation of the right to the administration of justice in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Belarus. The article reveals the normative legal foundations of the right to administer justice in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, securing the place of the right to administer justice in the system of rights, the significance of this right for citizens, the way of securing the right in law. The author analyzes the powers of the right to administer justice from the position of researchers of the theory of subjective law. Attention is paid to the requirements for persons who have expressed a desire to exercise the right to administer justice as a jury, arbitration, and people's assessors, judges in the legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Belarus. The author analyzes the validity of professional and reputation requirements enshrined in legislation. The result of the research in the article was the identification of similarities and differences in the mechanisms for the implementation of the right to the administration of justice in the above legal systems.

Keywords: the right to the administration of justice; juror; people's assessor; jury assessor; judge.

© Ю. С. Черемисина, 2020

Статья поступила в редакцию 30.05.2020

При цитировании использовать:

Черемисина Ю. С. Право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие, юридическая природа и содержание // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 66 – 75. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.066-075

Введенные в разное время в российское уголовное законодательство нормы, закрепленные в статьях 322, 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ, имеют ряд юридических дефектов, в результате чего сложилась противоречивая правоприменительная практика, которая породила собой множество дискуссий в научном сообществе в данном направлении научной мысли. Возникла необходимость аккумуляции и анализа сложившейся судебной практики с учетом передовых научных взглядов. Результатом явилось издание Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления, направленного на регламентацию уголовной ответственности за нарушения миграционного законодательства. Проведен подробный анализ указанного судебного акта и на этой основе сформированы выводы о совокупности заключенных в нем положительных и отрицательных аспектов в целях содействия в создании единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность; организация незаконной миграции; фиктивная регистрация; фиктивная постановка на учет; правоприменительная практика.

Павел Александрович Акименко,

Тамбовский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Тамбовской области, ассистент, кафедры «Безопасность и правопорядок»,

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; nochnoy_patrul@mail.ru

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 09.07.2020 № 18 «О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ»

Введение в разное время в уголовное законодательство современной России ответственности за нарушения миграционных норм права явилось шагом крайне необходимым и даже немного запоздалым. Вместе с тем на протяжении ряда лет нормы, содержащиеся в статьях 322, 322.1, 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ)¹, ввиду противоречивости складывающейся судебной и правоприменительной практики, имеющих в них коллизий и пробелов, создаю-

¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) [Электронный ресурс] // Правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 17.07.2020).

щих сложности при квалификации тех или иных противоправных деяний, видоизменялись законодателем в целях улучшения их юридических конструкций. Все это было направлено на их более эффективное применение. Однако, учитывая все названные правовые проблемы как правоприменительной, так и судебной практики, назрела острая необходимость в ее актуализации и анализе с применением имеющихся передовых научных взглядов в данной области знаний. В результате чего Пленумом высшего судебного органа – Верховного Суда Российской Федерации на этой основе было издано исследуемое Постановление от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» (далее по тексту – Постановление)².

Важность появления указанного документа не вызывает никаких сомнений. Вместе с тем необходимо провести структурно-логический анализ его ключевых положений в целях вычленения как положительных, так и отрицательных сторон.

Начнем данную дифференциацию с анализа позитивных моментов, заложенных в исследуемом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, само Постановление, в целом, носит лаконичный характер, но в то же время включает в себя довольно подробное описание как объективных, так и субъективных признаков рассматриваемых составов преступлений. В частности, в п.п. 5 и 6 Постановления дано четкое определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, при этом идет перечисление примерных способов пересечения Государственной границы Российской Федерации, делается акцент исключительно на прямой умысел у субъекта преступления с характеризующими его признаками. В пункте 7 Постановления применительно к ст. 322.1 УК РФ дается расширительное толкование организации незаконной миграции, к которой в отличие от буквального содержания относятся умышленные действия, создающие условия для осуществления незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания в Российской Федерации, а также незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, не только нескольких иностранных граждан или лиц без гражданства, но и одного такого лица. При этом вопрос ответственности организатора незаконной миграции решается независимо от действий или бездействий иностранных граждан или лиц без гражданства, поскольку ранее в научном сообществе и складывающейся судебной практике не было единого подхода к его решению³ [1, 12, 16].

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 [Электронный ресурс] // Правовая система КонсультантПлюс (дата обращения 17.07.2020).

³ Приговор в отношении Сурняевой Н. П. по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ [Электронный ресурс] // Ленинский районный суд города Ульяновска. URL: http://www.leninsky-prm_primorkray_dvfo.infocourt.ru/car_narovchatsky-pnz_penzenskobl_pfo/ug/544142/prigovor-v-otnoshenii-surnyaevoy-np-poch1-st3221-uk-rf.html (дата обращения: 20.09.2019); Приговор № 1-285/2018 1-29/2019 от 22 янв. 2019 г. по делу № 1-285/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kjP4rz93tCU9/?regulartxt=%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%> (дата обращения: 20.09.2019).

Кроме того, с положительной стороны можно отметить, что в пункте 8 Постановления даны правила квалификации совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ, при последовательном совершении тех умышленных действий, перечень которых определен в диспозициях названных уголовно-правовых норм.

Интересным является тот факт, что в п. 10 Постановления перечислены те условия, которые помогут следственным и судебным органам правильно квалифицировать противоправные действия, в случае наличия в них признаков состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, поскольку ранее по причине сложности в доказывании указанная уголовно-правовая норма редко применялась на практике⁴.

Заслуживает внимание тот факт, что абз. 1 п. 13 Постановления применительно к диспозиции ст. 322.2 УК РФ дается более широкое толкование такому юридическому термину как фиктивная регистрация, содержащемуся в ст. 2 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»⁵, что, без сомнения, играет позитивную роль.

Поскольку в научном сообществе велись «жаркие» дискуссии по поводу определения места окончания преступных действий, предусмотренных ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, следует отметить положительную роль Постановления, поставившего в абз. 3 п. 13 точку на практическом уровне в указанных дебатах. Так, моментом окончания указанных преступлений является фиксация органами регистрационного (миграционного) учета данных фактов. Ранее же высказывались альтернативные точки зрения, согласно которым под моментом окончания также понималось место отправки соответствующих документов в регистрирующий орган либо место фиктивной регистрации (фиктивной постановки на учет) [2, 7, 8, 11].

По аналогии с пп. 7 в п. 15 Постановления дается расширительное толкование квалификации противоправных действий по ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ как нескольких иностранных граждан либо лиц без гражданства, так и одного такого лица при условии охвата таких действий единым умыслом. Вместе с тем согласно буквальному толкованию соответствующих уголовно-правовых норм УК РФ, квалификации подлежит фиктивная регистрация (фиктивная постановка на учет) каждого лица в отдельности. По указанному вопросу и ранее велись научные споры, а также складывалась разнообразная судебная практика, притом что в большинстве встречавшихся судебных решений применялся именно данный подход, обозначенный в Постановлении⁶ [3, 10, 14].

⁴ Приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2015 г. // Архив Измайловского районного суда г. Москвы за 2015 год.

⁵ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (в ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] // Правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 17.07.2020).

⁶ Приговор мирового судьи Ленинградской области на судебном участке № 51 в Ломоносовском районе от 25 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-51-s/act-214114294> (дата обращения 20.09.2019); Приговор и.о. мирового судьи судебного участка № 17 Нововаршавского судебного района Омской области от 13.05.2014 по делу № 1-45/2014 [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного участка № 17 в Нововаршавском судебном районе. URL: http://17.oms.msudrf.ru/modules.php?id=635&name=info_pages (дата обращения: 27.11.2019).

Следует также с положительной стороны отметить то обстоятельство, что в п. 17 исследуемого Постановления дается довольно подробная характеристика такому юридическому термину, закрепленному в примечаниях к ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, как «способствование раскрытию преступления» применительно к действию названных уголовно-правовых норм. Тем самым дается расширительное толкование, выражающееся в совершении активных действий как до возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения. Все это играет немаловажную роль в конкретизации роли виновного лица в целях законного избегания им привлечения к уголовной ответственности, а для правоохранительных органов в целях получения дополнительной возможности по выяснению всех обстоятельств совершения преступления указанной категории. Вместе с тем в рамках поиска характерных признаков термина «способствование раскрытию преступления» предлагались разные научные точки зрения, и вокруг всего этого складывалась неоднозначная судебная практика, однако в настоящее время в указанном направлении определена сбалансированная правовая позиция, закрепленная в рассматриваемом Постановлении [4, 9, 13].

Позитивным моментом указанного Постановления следует назвать положение, содержащееся в его п. 18, поскольку здесь впервые согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ поставлен вопрос об отсутствии в действиях лица преступления ввиду их малозначительности, так как санкции ч. 1 ст.ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ предполагают довольно внушительный перечень видов наказаний вплоть до лишения свободы. В юридической науке неоднократно высказывалось мнение о чрезмерной суровости санкций указанных уголовно-правовых норм [15 – 17]. В связи с чем, вышеназванным положением Постановления сделан первый шаг по пути побуждения законодателя к частичной декриминализации рассматриваемых противоправных действий на основе складывающейся судебной практики.

Однако наряду с бесспорно позитивными моментами, указанное постановление содержит в себя ряд недостатков, а часть имеющих актуальность спорных вопросов правоприменительной и судебной практики вообще осталась за рамками обсуждения.

Так, видится странным раскрытие одновременно в п.п. 3 и 4 исследуемого Постановления определений действительных документов, являющихся неотъемлемым признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, и недействительных документов, поскольку, как уже отмечено, речь идет только о действительных документах. Таким образом, отсутствует должная необходимость в даче дополнительной дефиниции недействительным документам, что, само собой, влечет излишнюю смысловую перегруженность Постановления.

В пункте 7 Постановления дается развернутое определение «организации незаконной миграции», однако при этом конкретно не уточняется, о каких же условиях для осуществления незаконных действий идет речь, что, как видится, будет являться препятствием для формирования единой судебной практики. Следовательно, согласно тексту Постановления, по аналогичной причине не складывается ясного представления и о моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ.

Кроме того, в абз. 2 п. 13 рассматриваемого Постановления, фактически, дублируется с несколькими несущественными дополнениями, никак

не влияющими на исходный смысл, текст примечания № 1 к ст. 322.3 УК РФ, что, само собой, ведет к излишней и ненужной перегруженности указанного судебного акта.

Также в п. 14 исследуемого Постановления, хотя и делается ссылка на противоправность действий сотрудника органа регистрационного (миграционного) учета при совершении фиктивной регистрации (фиктивной постановки на учет), однако отсутствует само указание на квалификацию указанных противоправных действий должностного лица или лица с использованием своего служебного положения по совокупности преступлений либо на отсутствие такой совокупности, что выглядит явным недостатком на фоне имеющейся дискуссии по данному вопросу в научной среде [5].

Помимо прочего, следует особо отметить, что за пределами изданного Постановления остались такие важные моменты: являются ли субъектами преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, не только регистрирующие, но и сами регистрируемые лица; вопрос о разграничении ответственности при квалификации уголовно наказуемых деяний по ст. 322.1 УК РФ от административно наказуемых деяний, связанных с нелегальной миграцией и входящих в гл. 18 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации⁷ [6]; вопрос о правильности квалификации противоправных действий виновного лица при фиктивной регистрации (фиктивной постановке на учет) в случае одновременного использования им заведомо подложных документов; возможность квалификации действий регистрирующего лица по ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ при условии заранее неопределенного намерения самого регистрируемого лица на фактическое проживание по месту жительства или месту пребывания.

Подводя итог вышеизложенному, путем соотношения положительных и отрицательных сторон принятого Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления, можно заключить, что оно, в целом, с точки зрения пользы для правоприменительной и судебной практики, носит прогрессивный научно-прикладной характер. Однако, как видится, не лишено изъянов, в особенности касающихся оставшихся без внимания выше обозначенных правовых вопросов, в рамках которых ведется активная дискуссия в научном сообществе, что опять же негативным образом может отразиться в практической деятельности правоохранительных и судебных органов.

Список литературы

1. **Акименко П. А.** Проблемы квалификации деяний по ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) и пути их решения: теория и практика: материалы IV Международной научно-практической конференции / под ред. В. А. Шуняевой и др. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 95 – 100.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.06.2020) [Электронный ресурс] // Правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 17.07.2020).

2. **Акименко П. А.** Уголовно-правовая характеристика места совершения преступления, предусмотренного статьей 322.2 УК РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 112 – 117.
3. **Акименко П. А.** Анализ уголовно-правовых норм, закрепленных в статьях 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 4. С. 97 – 103.
4. **Акименко П. А.** Проблемы, возникающие при освобождении от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 2. С. 131 – 139.
5. **Акименко П. А.** Проблемы квалификации действий должностного лица при совершении им преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7. С. 168 – 171.
6. **Акименко П. А., Осокин Р. Б.** Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 1 (24). С. 277 – 285.
7. **Бондарев С. П.** Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства: признаки объективной стороны // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 320 – 323.
8. **Габдрахманов Р. Л., Денисенко М. В., Кужиков В. Н.** Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ // Российский следователь. 2018. № 10. С. 29 – 33.
9. **Долотов Р. О.** Проблемы освобождения от уголовной ответственности за фиктивную регистрацию // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 106 – 117.
10. **Забавко Р. А., Малыхина Т. А., Федоров А. В.** Проблемы квалификации незаконной миграции: учеб. пособие. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. С. 17.
11. **Нагаев Е. А.** Место производства дознания фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 16. С. 7 – 9.
12. **Сегаль Е. В., Сухарникова А. В.** Привлечение к уголовной ответственности за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) в г. Санкт-Петербург и Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1 (41). С. 48 – 53.
13. **Урда М. Н.** Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 8 – 14.
14. **Уторова Т. Н.** Фиктивная постановка на миграционный учет: практика применения статьи 322.2 УК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 10 – 14.
15. **Уторова Т. Н.** Дифференциация наказаний за преступления в сфере миграции // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 56 – 60.
16. **Филиппов П. А.** Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства // Уголовное право. 2014. № 3. С. 83 – 92.
17. **Ясенкова Р. С.** Состояние и проблемы регулирования незаконной миграции в Российской Федерации нормами уголовного законодательства // Интеграция наук. 2018. № 8 (23). С. 377 – 381.

References

1. **Akimenko P.A., Shunyayeva V.A. (Ed.)** *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the IV International Scientific and Practical Conference], Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015, pp. 95-100. (In Russ.)
2. **Akimenko P.A.** [Criminal and legal characteristics of the crime scene under article 322.2 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2016, no. 5 (55), pp. 112-117. (In Russ.)
3. **Akimenko P.A.** [Analysis of criminal law, enshrined in Articles 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4, pp. 97-103. (In Russ.)
4. **Akimenko P.A.** [Problems arising from exemption from criminal liability for crimes provided for by Articles 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2, pp. 131-139. (In Russ.)
5. **Akimenko P.A.** [Problems of qualification of an official's actions when he commits crimes related to the organization of illegal migration], *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2015, no. 7, pp. 168-171. (In Russ.)
6. **Akimenko P.A., Osokin R.B.** [Problems of delimiting criminal and administrative responsibility for illegal acts in the sphere of migration legal relations], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 2016, no. 1 (24), pp. 277-285. (In Russ.)
7. **Bondarev S.P.** [Fictitious registration of a citizen of the Russian Federation at the place of stay or at the place of residence: signs of the objective side], *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2015, no. 3 (53), pp. 320-323. (In Russ.)
8. **Gabdrakhmanov R.L., Denisenko M.V., Kuzhikov V.N.** [Some issues of qualification of the crime under Art. 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2018, no. 10, pp. 29-33. (In Russ.)
9. **Dolotov R.O.** [Problems of exemption from criminal liability for fictitious registration], *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 4, pp. 106-117. (In Russ.)
10. **Zabavko R.A., Malykhina T.A., Fedorov A.V.** *Problemy kvalifikatsii nezakonnoy migratsii* [Problems of qualification of illegal migration], Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2014, P. 17. (In Russ.)
11. **Nagayev Ye.A.** [Place of inquiry of fictitious registration of a foreign citizen or stateless person at the place of stay in a residential building in the Russian Federation], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2016, no. 16, pp. 7-9. (In Russ.)
12. **Segal' Ye.V., Sukharnikova A.V.** [Criminal liability for the organization of illegal migration (Art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in St. Petersburg and the Leningrad region], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 1 (41), pp. 48-53. (In Russ.)
13. **Urda M.N.** [Criminal and legal means of combating fictitious migration registration: legislative and law enforcement problems], *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 1 (64), pp. 8-14. (In Russ.)
14. **Utorova T.N.** [Fictitious migration registration: the practice of applying article 322.2 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Vestnik instituta:*

prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye [Bulletin of the institute: crime, punishment, correction], 2015, no. 1 (29), pp. 10-14. (In Russ.)

15. **Utorova T.N.** [Differentiation of punishments for crimes in the sphere of migration], *Vestnik Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye* [Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Service for the Execution of Punishments: crime, punishment, correction], 2016, no. 4 (36), pp. 56-60. (In Russ.)

16. **Filippov P.A.** [Organization of illegal migration: the practice of applying Art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and legislative novels], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2014, no. 3, pp. 83-92. (In Russ.)

17. **Yasenkova R.S.** [State and problems of regulation of illegal migration in the Russian Federation by the norms of criminal legislation], *Integratsiya nauk* [Integration of Sciences], 2018, no. 8 (23), pp. 377-381. (In Russ.)

**The Analysis of Key Provisions of the Resolution of the Plenum
of the Supreme Court of the Russian Federation
of 09.07.2020 No. 18 “On Judicial Practice in Cases
of Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation
and Crimes Related to Illegal Migration”**

P. A. Akimenko, *Tambov Prosecutor on Supervision
of Compliance with Laws in Correctional Facilities of the Tambov Region,
Assistant of the Department of Security and Law and Order
of the Law Institute, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
nochnoy_patrul@mail.ru*

The norms introduced at different times into Russian criminal legislation and enshrined in Articles 322, 322.1, 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation have a number of legal defects, resulting in a controversial practice that has generated a lot of debate in the scientific community regarding this research issue. There was a need to accumulate and analyze the existing judicial practice, taking into account advanced scientific views. As a result, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation issued a Resolution aimed at regulating criminal liability for violations of migration legislation. After that, the author of the article conducts a detailed analysis of the said judicial act and on this basis draws conclusions about the set of positive and negative aspects contained in it in order to help create a uniform law enforcement practice.

Keywords: criminal liability; organization of illegal migration; fictitious registration; fictitious registration; law enforcement practice.

© П. А. Акименко, 2020

Статья поступила в редакцию 20.07.2020

При цитировании использовать:

Акименко П. А. Анализ ключевых положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 76 – 83. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.076-083

Рассмотрены вопросы, касающиеся преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Особое внимание уделено вопросу возникновения подростковой преступности и причинам, влияющим на ее распространение. Актуализированы вопросы, связанные с причинностью возникновения преступности несовершеннолетних; детерминацией преступности биологическими или социальными факторами; ролью среды в формировании преступного поведения несовершеннолетнего; путями сокращения и искоренения преступности в молодежной среде. Приведены пути решения проблем, связанных с ростом преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Предложено выделить и законодательно утвердить такую группу преступности, как «молодежная преступность». Она включает в себя, например, группу молодежи, которым уже исполнилось 18, но еще не исполнилось 24 года и рассматривается как обязательная переходная стадия между преступлениями несовершеннолетних и «взрослыми» преступлениями. Предложены методы профилактики молодежной преступности и меры борьбы с ней.

Ключевые слова: преступность; несовершеннолетние; молодежные преступления; причины; профилактика.

Алексей Иванович Бельский, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовно-правовых дисциплин, полковник полиции,
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина», Белгород, Россия;
sembel77@yandex.ru

Эдуард Николаевич Лыков, преподаватель,
кафедра гражданско-правовых дисциплин, лейтенант полиции,
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина», Белгород, Россия;
likedik@mail.ru

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Введение. Отталкиваясь от мнения, о том, что преступниками не рождаются, а преступниками становятся, рассмотрим факторы, которые влияют на формирование преступного поведения личности, а также возрастные категории лиц, совершающих противоправные деяния, и причины по которым они их совершают.

Одной из самых важных проблем, обозначенных в статье, является установление понятия «молодежные преступления». Ведь лицо, по достижению 18 лет, становится совершеннолетним, и его противоправные деяния уже будут отнесены к «взрослым» преступлениям, но тем не менее его правосознание еще не будет располагаться на одном уровне с правосознанием взрослого человека.

Изучение преступности несовершеннолетних – важный шаг на пути к борьбе с данными деяниями, именно поэтому данная статья имеет место быть.

Цель статьи – поиск путей решения проблемы, касающейся распространения преступности несовершеннолетних.

Обсуждение. В данной работе хотелось бы ответить на достаточно важные вопросы, касающиеся современных реалий о противоправном поведении несовершеннолетних. Что способствует возникновению преступности несовершеннолетних? Как влияет на развитие преступных наклонностей человека окружающая среда, общество? Как преступность несовершеннолетних перерастает в молодежную и во взрослую преступность? Какие пути, методы и способы необходимо применять для того, чтобы сократить, а в последующем и полностью искоренить преступность несовершеннолетних и молодежную преступность?

Ряд исследователей считает, что преступниками не рождаются, а преступниками становятся. Но существует и другая точка зрения.

И. Ю. Блясова, работая над изучением причин преступности несовершеннолетних, отмечает, что криминологи рассматривают как одну, так и другую точку зрения: «Одни ученые считают правонарушения явлением социальным, другие – биологическим...» [1, с. 54].

Среди тех, кто признавал вину биологических факторов, закрепилось мнение, что преступное поведение – естественное биологическое явление, обусловленное физическими и психическими особенностями лица, которое его совершило.

Противоположная же точка зрения заключалась в том, что преступное поведение формируется под влиянием внешних факторов, то есть формируется в зависимости от условий жизни человека.

В настоящее время ученым так и не удалось прийти к единому мнению о роли социальных и биологических факторов.

Что же оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие преступных наклонностей? Наследственность или условия жизни? Преступником можно считать человека, совершившего преступление, то есть по определению Уголовного кодекса РФ, «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»¹.

Вполне логично полагать, что вне зависимости от того, есть ли у новорожденного, младенца, малолетнего ребенка наклонности к совершению преступления, он не может совершить «общественно опасное деяние». Однако в процессе взросления человек усваивает новую информацию, формирует для себя определенные ценностные ориентиры, открывает новые возможности для реализации своих жизненных потребностей.

Такая группа как несовершеннолетние занимает особое место в социальной иерархии. Не обошелся без ее упоминания и уголовный закон. Глава 14 раздела V Уголовного кодекса РФ посвящена особенностям уголовной ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетни-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2020).

ми, то есть лицами «которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет»².

По всей видимости, законодатель решил выделить преступления несовершеннолетних в качестве особой группы, и для этого есть логические основания, которые можно извлечь из главы 14 раздела V Уголовного кодекса РФ.

Предложено выделить особую категорию преступлений – «молодежные преступления». «Молодежные преступления» могут стать переходной стадией между «преступлениями несовершеннолетних» и «взрослыми преступлениями».

Как известно из уголовного законодательства, лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось восемнадцать лет, считаются взрослыми, и к ним применяется полная мера уголовной ответственности. Тем не менее такое резкое разделение не является абсолютно верным. Ведь один и тот же человек в семнадцать с половиной и восемнадцать лет обладает практически неизменным набором ценностей, все тем же мышлением и образом жизни. Но, несмотря на все это, тяжесть наказания за преступления, совершенные в семнадцать с половиной и восемнадцать лет, имеет значительные различия.

Говоря о возрастном разграничении, важно отметить определенные этапы социального развития и мировоззренческого формирования личности. Особое внимание уделяется периодам 10 – 12 лет, 14 – 16 и 18 – 20 лет. Первый период характеризуется тем, что восприятие подростка формируется по принципу, что такое хорошо и что такое плохо. Они перенимают определенную информацию для усвоения через какие-либо бытовые ситуации, фильмы, непосредственно от родителей и близких родственников. В период 14 – 16 лет подросток формирует свои собственные убеждения. На данный процесс оказывают влияние положительные и отрицательные исходы различных ситуаций в жизни несовершеннолетнего. И лишь к 18 – 20 годам молодые люди осуществляют свои действия, основываясь на сформировавшемся мировоззрении, которое уже гораздо сложнее поддается модификации.

Таким образом, человек, на каждом этапе своего развития за свои поступки несет ответственность, степень которой определяется уровнем сознания личности и структурными элементами.

Важно отметить, что в настоящее время российское общество утратило тенденцию развития социального контроля над подрастающим поколением, например, существующие институты социализации: семья, школа, детские молодежные организации теряют свою авторитетность, что является одним из факторов развития преступности несовершеннолетних. В данной ситуации следовало бы восстановить практику советского патриотического воспитания молодежи. Всем известные «октябрята», пионеры, Суворовские и Нахимовские училища и другие формы советского

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2020).

движения, а также работа большого количества детских санаториев и пионерских лагерей осуществляли функцию занятости детей, что не давало им возможности объединяться в различные неформальные группы, которые преследуют цели совершения противоправных деяний.

В настоящее время, к сожалению, система пионерских лагерей практически уничтожена. По-видимому, исходя из современных реалий и учитывая рост детских правонарушений, назрела необходимость восстановить практику летних детских лагерей.

Проблема преступности несовершеннолетних, как и проблема молодежной преступности, во все времена и во всех странах была и остается основной государственной проблемой. Данной проблемой занимаются многие юристы, педагоги и психологи как в России, так и за рубежом.

Как известно, в УК РФ отсутствует понятие «молодежной преступности», но тем не менее очевидно, что молодежная преступность должна привлекать особое внимание законодателей, если подразумевать под ней преступления, совершенные лицами в возрасте старше 18 лет и, например, до 24 лет включительно. Следует также отметить, что в ряде стран наступление совершеннолетия считается не с 18, а с 21 года – при этом граждане получают избирательные права.

«Молодежная преступность» не может существовать отдельно, для распознавания данной группы необходимо опираться на признаки преступности и определить точки соприкосновения двух указанных видов преступности. Взаимосвязь «молодежной преступности» и преступности несовершеннолетних основывается на личностных психологических и физиологических особенностях указанных возрастных групп. Преступность несовершеннолетних и преступность молодежи можно рассматривать как составные части ювенальной преступности. Но при этом преступления, которые совершаются молодыми людьми, имеют ряд отличительных признаков – таких как преимущественно насильственный характер, относительно слабая подготовленность и продуманность, общеуголовная направленность, групповой характер и т.д.

Из вышесказанного следует вывод о том, что «молодежная преступность» является важным этапом перехода от преступности несовершеннолетних к «взрослой» преступности, поэтому законодателю необходимо обратить особое внимание на закрепление в законе такого понятия, как «молодежная преступность», и в этом же направлении установить ответственность и наказание за совершение преступлений лицами данной возрастной категории.

Зная тенденцию развития преступности несовершеннолетних и стремясь уменьшить численность таких преступлений, необходимо выяснить причины возникновения указанного вида преступности. Данным вопросом занимаются многие исследователи, но наиболее точно данную проблему удалось раскрыть А. Михайловой [2]. Данный автор выделяет семь таких причин:

- 1) достаточно слабая профилактика противоправного поведения несовершеннолетних;

2) плохая общественная работа с несовершеннолетними. При этом необходимо отметить, что большинство несовершеннолетних преступников являются учащимися и студентами. Следовательно, в учебных организациях необходимо создание специальных органов, которые будут контролировать процесс формирования правосознания подростков, что в процессе сможет повлечь за собой предупреждение ряда преступлений;

3) отсутствует должный воспитательный контроль – речь идет, прежде всего, о школьном воспитании. Школа является одной из отправных точек формирования правосознания несовершеннолетнего, и при отсутствии должного контроля со стороны работников учебной организации действия несовершеннолетних могут начать обретать преступный характер;

4) слабая организация системы безопасности образовательных организаций. В качестве примера можем привести трагический случай в городе Москва в 2014 году. В одной из школ города ученик, угрожая оружием охране, зашел в учебный класс, захватил в качестве заложников своих одноклассников и убил двух человек. Нельзя сказать, что данная ситуация произошла из-за недостаточной физической подготовки охранника или отсутствия у него оружия, но все же более организованная система охраны могла бы способствовать предотвращению умысла совершения данного преступления;

5) проблемы межведомственного взаимодействия. Для обеспечения эффективной работы по профилактике преступлений несовершеннолетних необходимо взаимодействие различных органов, например комиссии по делам несовершеннолетних, органов управления социальной защитой населения, органов местного самоуправления и др.;

6) достаточно мягкая ответственность за совершение преступления.

7) отсутствие системы пробации. Данная система получила большое распространение в судебной системе таких страна, как Великобритания, США и др. Пробацией называется форма условного осуждения, при применении которой осужденный вместо лишения свободы направляется под наблюдение чиновника службы на какой-либо конкретный срок. В рамках пробации к осужденному предъявляются определенные требования, которые он должен выполнять. В России отсутствует данная система, но активно рассматриваются вопросы о введении пробации и в нашей стране. Опыт применения системы пробации в ряде стран показал, что данная система значительно снижает возможность рецидива.

Шестую причину (мягкая, несоответствующая содеянному, ответственность за преступление) имеет смысл рассмотреть подробнее. Данную ситуацию можно объяснить тем, что со стороны государства отсутствует реакция на деяния подростков, не представляющие большой общественной опасности. Кроме того, происходящая в последнее время «либерализация» законодательства, объясняемая всеобщей «гуманизацией» и необходимостью соответствовать «европейским стандартам», в стране, не полностью восстановившей экономику после ряда кризисов, вряд ли может содействовать уменьшению преступности.

Например, применение п. 1 ст. 90 или п. 1 ст. 92 УК РФ, по которым «несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления неболь-

шой или средней тяжести может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия³, играет скорее не воспитательную и профилактическую роль, а стимулирует малолетнего на повторение преступлений, формируя чувство безнаказанности за преступные деяния.

Способствует формированию чувства безнаказанности и применение п. 6 ст. 88 УК РФ: «Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые»⁴.

Игнорирование принципа о том, что наказание должно быть соразмерно содеянному, нивелирует саму систему наказания. Д. А. Корецкий [3, с. 2 – 5] отмечает, что в настоящее время необходим радикальный пересмотр самой концепции борьбы с преступностью в направлении ужесточения ее форм и методов. Концептуальные подходы при этом «должны опираться на криминологические знания о реальном состоянии преступности в целом и отдельных ее видов» [3, с. 4]. Учитывая современную реальность, с этими высказываниями трудно не согласиться.

Более того, представляется правильным немедленное и строгое реагирование на любой проступок (в том числе и преступление), *впервые* совершенный несовершеннолетним.

И даже еще более того, за такие проступки имеет смысл применить к несовершеннолетнему такую меру пресечения, как кратковременное помещение его в изолятор временного содержания (ИВС). При этом следует отметить, что и сами ИВС должны подвергнуться реорганизации – несовершеннолетних и молодежь, впервые подвергнувшиеся подобному наказанию, целесообразно, по-видимому, содержать в изолированных помещениях. В этом случае задержанный не будет подвержен влиянию сокамерников, даже таких же несовершеннолетних, как и он сам, и сможет более полно прочувствовать и оценить вину содеянного им. Ведь давно известно, что ожидание наказания страшнее самого наказания.

Д. А. Корецкий на основании собственного опыта отмечает в той же статье, что «при задержании подростка в качестве подозреваемого <...> у него происходит резкая переоценка своего поведения и пересмотр границ допустимого в поведении» [3, с. 3], и поэтому «наибольшим превентивным воздействием обладает применение кратковременных, но строгих мер воздействия (например, ареста на срок от трех до тридцати суток) за первое же совершенное преступление» [3, с. 3]. Как считает Д. А. Корецкий, такая мера «способна воспрепятствовать закреплению антиобщественной установки».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2020).

⁴ Там же.

В основу идеологии борьбы как с преступностью несовершеннолетних и молодежи, так и вообще с преступностью должны быть, по-видимому, положены два основных принципа:

- 1) наказание должно быть соразмерно содеянному;
- 2) риск совершения преступления должен превышать возможную выгоду.

Существуют и другие причины, которые оказывают определенное влияние на развитие подростковой преступности: равнодушное отношение родителей к воспитанию детей, влияние пропаганды насилия и жестокости в зарубежных фильмах, отсутствие должного патриотического воспитания. Лишь преодолев все вышеуказанные причины, мы сможем заметить прогресс в уменьшении количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Важно отметить, что государство в последние годы уделяет активное внимание идеологическому и патриотическому воспитанию молодежи, тем самым осуществляя профилактику правонарушений среди лиц данной группы. Для более действенной профилактики необходима лишь совместная и согласованная работа органов государственной власти, МВД и образовательных организаций.

Заключение. Одним из основных выводов по всему вышесказанному является то, что необходимо выделить законодательным путем группу «молодежной преступности». Основанием для этого служат личностные особенности в разные возрастные периоды.

Исходя из современных реалий, следует уделять больше внимания профилактике преступлений несовершеннолетних, обращать особое внимание на правовое воспитание личности, возродить практику летних лагерей, чтобы повысить занятость несовершеннолетних и предостеречь их от попадания в группы с девиантным поведением и преступным умыслом.

Необходимо также ужесточить ответственность несовершеннолетних за совершенные преступления, положив в основу следующие принципы: наказание должно быть соразмерно содеянному; риск совершения преступления должен превышать возможную выгоду.

Список литературы

1. **Блясова И. Ю.** Психолого-педагогические, генетические и социальные факторы, обуславливающие социально опасное поведение несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 29 (283). С. 53 – 57.
2. **Михайлова А.** 7 основных причин подростковой преступности и пути их решения [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://www.garant.ru/article/526482/#ixzz3nDzTsK3k> (дата обращения: 12.05.2020).
3. **Корецкий Д. А.** Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 2 – 5.

References

1. **Blyasova I.Yu.** [Psychological, pedagogical, genetic and social factors that determine the socially dangerous behavior of minors], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law], 2012, no. 29 (283), pp. 53-57. (In Russ.).

2. **Mikhaylova A.** [7 main causes of juvenile delinquency and ways to solve them], GARANT.RU. available at: <http://www.garant.ru/article/526482/#ixzz3nDzTsK3k> (accessed 12 May 2020).

3. **Koretskiy D.A.** [Ideological problems of combating crime], *Zakonnost'* [Legality], 2004, no. 5, pp. 2-5. (In Russ.).

Youth Crime: Problems and Solutions

A. I. Belsky, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines, Police Colonel,
I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia;
sembel77@yandex.ru*

E. N. Lykov, *Lecturer,
Department of Civil Law Disciplines, Police Lieutenant,
I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia;
likedik@mail.ru*

The article deals with issues related to crimes committed by minors. Special attention is paid to the issue of the emergence of juvenile delinquency and the reasons that affect its spread. The causes of the emergence of juvenile delinquency, the determination of crime by biological or social factors, the role of the environment in the formation of juvenile criminal behavior and ways to reduce and eradicate youth crime are discussed. The article considers ways to solve problems related to the growth of crimes committed by minors.

It is proposed to allocate and legislatively approve "youth crime" as a category of crimes. It includes a group of young people aged 18-24, and is considered a mandatory transition stage between juvenile and "adult" crimes. The article also proposes methods for preventing youth crime and measures to combat it.

Keywords: crime; minors; youth crimes; causes; prevention.

© А. И. Бельский, 2020

© Э. Н. Лыков, 2020

Статья поступила в редакцию 19.04.2020

При цитировании использовать:

Бельский А. И., Лыков Э. Н. Молодежная преступность: проблемы и пути решения // *Право: история и современность.* 2020. № 3(12). С. 84 – 91. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.084-091

Авторы ставят под сомнение эффективность действующего механизма по привлечению к ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, а также целесообразность внедрения в ст. 157 УК РФ института административной преюдиции, породившего ряд правовых коллизий. Проблема неуплаты алиментов носит острый социальный характер, и способы ее решения должны учитывать в первую очередь интересы лиц, на содержание которых должны поступать необходимые средства. Однако привлечение к уголовной ответственности далеко не всегда способно решить главную проблему – обеспечить платежную дисциплину лиц, на которых возложена обязанность по уплате средств на содержание детей. Предложено отказаться от административной преюдиции, а в качестве конститутивного признака состава преступления предусмотреть систематичность уклонения от уплаты средств на содержание детей. Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность освобождения должника от уголовной ответственности в случае погашения алиментного обязательства в полном объеме.

Ключевые слова: административная преюдиция; неуплата алиментов; общественная опасность; правонарушение; преступление.

Марина Анатольевна Горбатова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса,
Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Санкт-Петербург, Россия;
gorbatovam@mail.ru

Владислав Евгеньевич Лесин, магистрант,
кафедра уголовного права и процесса,
Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Санкт-Петербург, Россия;
vlad-lesin23@rambler.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУПЛАТУ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Введение. Важность семьи в масштабах государства сложно переоценить. Крепкая и полная семья – один из основополагающих элементов стабильного и динамично развивающегося государства, поскольку воспитание и становление добропорядочного и законопослушного гражданина в первую очередь происходит именно в семье. Однако для полноценного и всестороннего развития ребенка принципиальное значение имеет финансовый аспект. Учитывая, что до наступления совершеннолетия ребенок всецело зависим от родителей, государство выступает конституционным гарантом защиты его прав, тем самым осуществляя свою социальную функцию.

Распад семьи не должен экономически сказываться на ребенке. Родителями может быть заключено соглашение о содержании своих детей.

Как отмечают представители науки семейного права, добровольный порядок уплаты алиментов предполагает свободное, без принуждения, осознанное исполнение родителем обязанностей, предписанных законодательством [1, с. 72].

Взыскание алиментов в судебном порядке производится в случае, если между родителями не было заключено соглашение об уплате алиментов, и детям не предоставляются необходимые средства на их содержание. Государство непосредственным образом влияет на порядок уплаты денежных средств родителями на содержание детей, регулируя указанные отношения, в том числе устанавливая соответствующую ответственность за его нарушение. Одним из механизмов регулирования «платежной дисциплины» родителя в случае уклонения от исполнения возложенной на него обязанности является уголовная ответственность, установленная в ст. 157 УК РФ.

Обсуждение. Сущность рассматриваемого преступления заключается в том, что родитель в отсутствие уважительных причин стремится избежать уплаты средств, необходимых для содержания ребенка. Данное поведение противоречит закрепленной в ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации обязанности родителей заботиться и воспитывать детей, и государство абсолютно справедливо использует все имеющиеся механизмы с целью воздействовать на таких субъектов, заставить их исполнять возложенные законом обязанности.

Диспозиция части первой ст. 157 УК РФ до внесения в нее изменений (Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ) была изложена следующим образом: «Злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста». Реализация данной нормы в правоприменительной практике, помимо ряда организационных факторов, существенно осложнялась проблемами в установлении признаков состава преступления. И самым трудным был вопрос доказывания злостности уклонения от исполнения алиментных обязательств, так как данный признак, являясь оценочным, не был определен ни в уголовном, ни в административном законодательстве, и его констатация находилась исключительно в компетенции правоприменителя. Судебная практика по-разному определяла необходимую для установления злостности длительность уклонения, число предупреждений виновного об уголовной ответственности. Некоторыми судами принимались в расчет незначительные или нерегулярные выплаты должника.

Отсутствие четкой законодательной регламентации и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ создавало проблемы в применении ст. 157 УК РФ. Стремясь конкретизировать признаки состава преступления, законодатель внес изменения в рассматриваемую норму, отказавшись от критерия злостности уклонения, но при этом наполнив объективную сторону посягательства такими признаками как отсутствие уважительных причин для неуплаты алиментов и неоднократность совершения данного деяния. Представляется, что в ныне действующей редакции диспозиция и пояснения, имеющиеся в примечаниях к статье, упростили процедуру толкования и применения указанной нормы, породив в то же время ряд других проблем.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, являются законные материальные интересы семьи. Предметом преступления являются алименты, то есть денежные средства, которые должны выплачиваться на содержание детей на основании решения суда или нотариально удостоверенного соглашения.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 157 УК РФ потерпевшими от рассматриваемого посягательства могут быть дети двух категорий: 1) не достигшие восемнадцати лет; 2) достигшие данного возраста, но являющиеся нетрудоспособными вследствие, например инвалидности. В то же время, как отмечается в научной литературе, судебная практика потерпевшими нередко признает не детей, а их родителей, в пользу которых выплачиваются алименты [3, с. 112].

Объективная сторона преступления, предусмотренного в ст. 157 УК РФ, выражается в форме бездействия в виде неисполнения обязанности по уплате средств на содержание детей, предусмотренной ст. 80 и ст. 85 Семейного кодекса РФ (*далее* – СК РФ). Однако следует отметить, что на практике данное бездействие зачастую обеспечивается активными действиями виновного: сокрытие реального объема доходов, предоставление ложных сведений о месте работы; распространены и случаи частой смены места жительства (пребывания) должника, смены фамилии и т.д. В качестве конститутивных признаков состава в ч. 1 ст. 157 УК РФ предусмотрены: наличие решения суда либо нотариально удостоверенного соглашения на уплату средств, отсутствие уважительных причин и неоднократность.

Понятие и перечень уважительных причин неуплаты средств на содержание детей законодатель не определил. Судебная практика к таким причинам относит прохождение должником срочной военной службы, его нетрудоспособность [4]. По мнению Федеральной службы судебных приставов России, уважительными причинами следует признавать обстоятельства, при которых задолженность по алиментам образовалась у лица, например, в случае его болезни, в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, вследствие непреодолимой силы. Уважительность той или иной причины должна устанавливаться в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела [2]. В связи с этим приходится констатировать, что отсутствие уважительных причин для неуплаты алиментов – очередной оценочный признак, используемый законодателем при конструировании состава данного преступления.

Важнейшим для квалификации, но в то же время самым дискуссионным является признак неоднократности неуплаты алиментов. Согласно примечанию 1 к ст. 157 УК РФ, для привлечения лица к уголовной ответственности требуется установление того обстоятельства, что за совершение аналогичного деяния в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях, *далее* – КоАП РФ), должник уже был наказан в административном порядке. Ответственность за данное правонарушение регламентируется ст. 5.35.1 КоАП РФ, в соответствии с частью первой которой наказуемой является неуплата средств на содержание детей без уважительных причин в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. Если лицо в течение года после исполне-

ния административного наказания вновь не уплачивает алименты без уважительных причин, содеянное им образует уже состав преступления. Стоит заметить, что установление срока в один год в некотором смысле порождает возможность легального ухода от привлечения к уголовной ответственности, так как, если данная норма и дисциплинирует недобросовестных плательщиков, то только на определенный период.

Таким образом, изменениями, внесенными в уголовный закон в 2016 г. в ч. 1 ст. 157 УК РФ, был внедрен институт административной преюдиции. При этом очевидно стремление законодателя соблюсти баланс, реализовать сразу две цели: угрозой уголовного наказания стимулировать соответствующих лиц надлежащим образом исполнять обязанность по уплате алиментов и защитить права детей, пострадавших от недобросовестных родителей.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что административная преюдиция в уголовном праве является одной из самых дискуссионных тем. Сторонники использования административной преюдиции при конструировании составов преступлений опираются на правовую позицию Конституционного Суда РФ, который допускает такой прием в нормотворческой деятельности, поскольку он отражает кумулятивный характер общественной опасности, степень которой повышается вследствие повторного совершения аналогичных действий лицом, уже подвергнутым административной ответственности [5].

Позиция противников административной преюдиции в этой ситуации представляется предпочтительной. Общеизвестно, что одним из критериев отграничения преступления от иных, в том числе административных, правонарушений является присущая только ему общественная опасность. В соответствии с ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ признаками административного правонарушения являются: противоправность, виновность, установление административной ответственности. Как мы видим, закон не указывает на общественную опасность правонарушения [7, с. 167]. А потому даже повторное совершение аналогичного административного правонарушения не может обладать признаками преступления. Деяние либо является общественно опасным, либо не содержит существенной угрозы общественным отношениям и потому не должно закрепляться в уголовном законодательстве. От повторности его совершения в отдельно взятый период оно не становится более опасным для социума.

При этом очевидно, что при конструировании состава неуплаты средств на содержание детей для законодателя принципиальное значение имело не совершенное должником деяние, а его личность как правонарушителя, его антисоциальная наклонность. Но даже если принять позицию законодателя, сложно согласиться с тем, что если лицо перестало уплачивать средства на содержание детей за пределами установленного годовичного срока, то угроза охраняемым законом интересам становится недостаточной для уголовной ответственности.

При квалификации неуплаты средств на содержание детей нередко возникают и иные вопросы. *Во-первых*, образуется ли повторность административного правонарушения или будет иметь место неоднократность по смыслу примечания к ст. 157 УК РФ в случае, если родитель уклоняет-

ся от уплаты алиментов сначала в отношении одного ребенка, а затем в отношении другого? Представляется, что во главу угла ставится сам факт привлечения к административной ответственности по вышеуказанной норме независимо от количества детей, в адрес которых направляются алименты. Эту позицию подтверждает Президиум Курганского областного суда в своем решении от 11 декабря 2017 г. № 44У-108/2017. Кроме того, судом отмечается, что неоднократная неуплата алиментов на содержание двух и более детей не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ.

Во-вторых, зачастую отдельные лица, уклоняющиеся от уплаты средств на содержание детей, зная о возбуждении в отношении них исполнительного производства, предпринимают незаконные действия по распоряжению своим имуществом, что при определенных обстоятельствах содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ. При наличии достаточных оснований данные действия преступника могут быть квалифицированы по совокупности ст. 157 и ст. 312 УК РФ.

В-третьих, нередко возникает вопрос о юридической оценке поведения виновного, который, стремясь уклониться от уплаты алиментов, гасит свою задолженность частично, в минимальном размере, или нерегулярно, ссылаясь на финансовые трудности. Во время действия «старой» редакции ст. 157 УК РФ подобное поведение должника позволяло ему избегать уголовной ответственности, так как признак злостности уклонения от уплаты алиментов в подобных случаях не устанавливался. В современной судебной практике осуществление частичной уплаты алиментов не признается основанием для освобождения от административной ответственности. Следовательно, привлечение и к уголовной ответственности такого должника в случае повторного уклонения не должно вызывать затруднений.

В-четвертых, имеют место дискуссии относительно момента, с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности после вынесения постановления о привлечении к административной ответственности. Полагаем, что в этом случае руководствоваться сроком, установленным в ст. 5.35.1 КоАП РФ (2 месяца), недопустимо. Известно, что семейное законодательство (ст. 81 СК РФ) устанавливает ежемесячный порядок уплаты алиментов. Следовательно, поскольку в ст. 157 УК РФ срок прямо не закреплен, в данной ситуации необходимо руководствоваться положениями семейного законодательства, и, соответственно, для привлечения к уголовной ответственности достаточно неуплаты алиментов в течение одного месяца после привлечения недобросовестного родителя к административной ответственности.

По нашему мнению, избежать возникающих проблем применения ст. 5.35.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 157 УК РФ было бы возможно путем внесения изменений в уголовный закон. Прежде всего, предполагается необходимым исключить из ч. 1 ст. 157 УК РФ административную преюдицию. Ее наличие неизбежным образом порождает правовые коллизии, во многом связанные с «размыванием» границ отраслей права – административного и уголовного.

Представляется верным заменить признак неоднократности неуплаты алиментов, связанный с административной преюдицией, на систематич-

ность уклонения от уплаты установленных средств. При этом под систематическим уклонением предлагаем понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по уплате алиментов в установленный срок, допущенное родителем более 6 раз в течение 12 месяцев.

Кроме того, целесообразно установление квалифицирующего признака путем введения в ст. 157 УК РФ ч. 1.1: «То же деяние, совершенное в отношении ребенка, имеющего тяжелое заболевание, требующее длительного лечения...». Высшей судебной инстанцией уже была отмечена серьезность рассматриваемой проблемы, и наличие у ребенка подобного заболевания отнесено к «заслуживающим внимания обстоятельствам», способным непосредственным образом повлиять на увеличение размера алиментов [6].

Вместе с тем важно понимать, что угроза привлечения к уголовной ответственности далеко не всегда дает необходимый результат. В данной ситуации привлечение к уголовной ответственности способно в большей степени навредить охраняемым интересам, нежели защитить их. Лицо, имеющее судимость, утрачивает возможность занимать ряд должностей в профессиональной деятельности, что влечет невозможность получения соответствующего размера заработной платы, из которой и будет определяться часть, направляемая на содержание ребенка. В этой ситуации принципиально важно минимизировать негативное влияние наказания, примененного к родителю, на ребенка.

Кроме того, представляется необходимым в примечании к ст. 157 УК РФ предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности в случае погашения алиментного обязательства в полном объеме. Этот механизм может выступить в качестве стимулятора своевременной уплаты алиментов. В рассматриваемых ситуациях привлечение к уголовной или административной ответственности недобросовестного родителя не является самоцелью, основополагающее значение имеет обеспечение неукоснительного поступления денежных средств на содержание ребенка в установленном порядке. Противоправность действий в таких случаях нивелируется уплатой алиментов в полном объеме.

Заключение. Анализируемый институт административной преюдиции, введенный в ст. 157 УК РФ, не является принципиально новым для российского законодательства. Оценка его необходимости, возможных перспектив не находит единства мнений среди ученых. Одни убеждены, что он способен разрешить ряд как уголовно-правовых, так и социальных задач, призван сделать уголовный закон менее репрессивным. Другие небезосновательно отмечают теоретические и практические проблемы, связанные с существованием административной преюдиции в уголовном праве.

Представляется не совсем верным уравнивание количественного и качественного признаков совершенных правонарушений. Административное правонарушение не должно перерасти в преступление, поскольку сам законодатель изначально определил его деяние как не создающее серьезной угрозы социуму. Если реальность такова, что общественная вредность деяний определенного вида достигла общественной опасности, и административно-правовых методов регулирования уже недостаточно, то указанное деяние необходимо перевести в плоскость уголовного законодательства.

Список литературы

1. **Андрияшко М. В.** Соглашение об уплате алиментов как диспозитивный инструмент регулирования отношений по поводу содержания // *Право: история и современность*. 2020. № 1(10). С. 71 – 84.
2. **Методические** рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) (Утв. ФССП России 25.05.2017, 26.05.2017 № 0004/5) // *Бюллетень Федеральной службы судебных приставов*. 2017. № 7.
3. **Новрузова М. Н.** Объект неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей по УК РФ // *Юридические науки*. 2018. № 4. С. 110 – 113.
4. **Обзор** судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 7.
5. **Постановление** Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П по делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина // *Российская газета*. 2017. 28 февраля.
6. **Постановление** Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2018. № 4.
7. **Разгильдиев Б. Т.** Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 4 (129). С. 160 – 172.

References

1. **Andriyashka M.V.** [Agreement on the payment of alimony as a dispositive tool for regulating relations regarding the content], *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity], 2020, no. 1(10), pp. 71-84. (In Russ.).
2. [Methodological recommendations for the detection and investigation of crimes provided for in Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation (non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents) (Approved by the FSSP of Russia 05/25/2017, 05/26/2017 No. 0004/5)], *Byulleten' Federal'noy sluzhby sudebnykh pristavov* [Bulletin of the Federal to serve as bailiffs], 2017, no. 7. (In Russ.).
3. **Novruzova M.N.** [Object of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents under the Criminal Code of the Russian Federation], *Yuridicheskiye nauki* [Legal sciences], 2018, no. 4, pp. 110-113. (In Russ.).
4. [Review of judicial practice in cases related to the collection of alimony for minor children, as well as for disabled adult children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13.05.2015)], *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2015, no. 7. (In Russ.).
5. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2017, February 28. (In Russ.).
6. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 56 “On the application of legislation by the courts when considering cases related to the recovery of alimony”], *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2018, no. 4. (In Russ.).

7. **Razgil'diyev B.T.** [Essential differences of objects protected by criminal and administrative legislation of Russia, their intersectoral significance (on the example of ecological structures)], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2019, no. 4 (129), pp. 160-172. (In Russ.).

Criminal Liability for Non-Payment of Alimony: Theoretical and Practical Problems

M. A. Gorbatova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia;
gorbatovam@mail.ru*

V. E. Lesin, *Master's student,
Department of Criminal Law and Procedure,
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia;
vlad-lesin23@rambler.ru*

The authors question the effectiveness of the current mechanism for holding accountable persons who evade paying alimony, as well as the expediency of introducing Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation of the institute of administrative prejudice, which gave rise to a number of legal conflicts. The problem of non-payment of alimony is of an acute social nature, and the methods of its solution must take into account, first of all, the interests of the persons for whose maintenance the necessary funds must be received. However, criminal prosecution is far from always able to solve the main problem - to ensure payment discipline of persons who are responsible for paying funds for the maintenance of children. It is proposed to abandon the administrative prejudice, and as a constitutive element of the corpus delicti, to provide for the systematic nature of the evasion of payment of funds for the maintenance of children. In addition, it is advisable to provide for the possibility of relieving the debtor from criminal liability if the maintenance obligation is paid off in full.

Keywords: administrative prejudice; failure to pay alimony; public danger; offense; the crime.

© М. А. Горбатова, 2020

© В. Е. Лесин, 2020

Статья поступила в редакцию 12.05.2020

При цитировании использовать:

Горбатова М. А., Лесин В. Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 92 – 99. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.092-099

Важнейшими направлениями превентивной роли уголовного права являются: ограничение применения наказания в виде лишения свободы; определение правовых компромиссов между преступником, потерпевшим, обществом и государством; установление действенной системы наказания; справедливое назначение наказания, которое максимально индивидуализировано и др. В данном плане деятельность уголовной юстиции происходит после совершения преступления посредством реализации превентивной функции норм уголовного законодательства. На сегодняшний день актуальная проблема – исследование уголовно-правового предупреждения преступности как собирательного, комплексного понятия, включающего в себя возможности норм уголовного и уголовно-исполнительного права. Данное исследование посвящено вопросам предупреждения преступлений уголовно-правовыми средствами. Исследованы проблемы проявления профилактической функции уголовного права в применении наказания и иных форм реализации уголовной ответственности, обоснована позиция по сокращению вынесения обвинительных приговоров с наказанием в виде лишения свободы. Проведен анализ действующих нормативно-правовых актов и мнения ученых, проводивших исследования в данной сфере.

Ключевые слова: превенция; профилактика; лишение свободы; наказание; осужденный; преступление.

Станислав Иванович Кириллов, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Криминология»,
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», Москва, Россия;
stanislav.kirillov.1995@mail.ru

Сергей Владимирович Кривошеев, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса
ЧОУ ВО «Московский университет им. С. Ю. Витте», Москва, Россия;
9262625339@mail.ru

ПРЕВЕНТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Введение. Важным направлением раннего предупреждения рецидива преступлений средствами уголовного права является ограничение применения наказания в виде лишения свободы. Как известно, к неизбежным негативным последствиям лишения свободы как вида наказания относятся: изъятие осужденного из жизни общества, ослабление и порой полное разрушение социально-полезных связей, своеобразное привыкание к условиям жизни в исправительном учреждении и связанные с этим трудности социальной адаптации после освобождения, получение нового заряда криминальной зараженности от других осужденных, вращание в традиции уголовного мира, социальная деградация и пр.

Обсуждение. В связи с ростом числа содержащихся в исправительных учреждениях лиц, отбывающих уголовные наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, обусловленным активным применением альтернативных видов наказания, в последнее время актуальной стала проблема обеспечения безопасности персонала и осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. По мнению специалистов, это определено рядом объективных и субъективных причин, а именно: признанием исправительных учреждений местом повышенной криминальной, эпидемиологической и инфекционной опасности, профессионального и психологического напряжения; изоляция и карательное принуждение, по своей сути, противоречат человеческому естеству, способны вызывать неадекватное поведение и агрессию у осужденных; существующая система содержания осужденных консервирует и аккумулирует негативную потенцию прошлого, низкую личную культуру, психофизиологические отклонения у осужденных, чем повышает степень стрессогенности среды [8, с. 24].

Большинство исследователей пенитенциарной системы как в прошлом, так и в настоящем отмечают ущербность исправления в условиях лишения свободы [13, с. 62 – 64]

Содержание осужденного в изоляции, криминальное окружение, существующая тюремная субкультура способны серьезно нейтрализовать результаты исправительного воздействия. «Тюрьма не только не устрашает заключенных и не исправляет их, – писал, например, П. А. Кропоткин, – но напротив того, она толкает их на новые и худшие преступления... Всякая тюрьма в силу ее начал есть институт преступности» [6].

Если криминология причины преступлений рассматривает в ракурсе взаимодействия личности преступника (внутренний фактор) и среды (внешний фактор), то следует отметить особую значимость последнего фактора для преступного поведения. В связи с этим, следует указать на существование специфических причин преступности в исправительных учреждениях, которые имеют место и в той существующей тюремной субкультуре, удовлетворяющей осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

На примере некоторых исследований ученых, посвященных криминальной среде и субкультуре осужденных, можно убедиться, что эти явления объясняют закономерности формирования и постпенитенциарного преступного поведения. Влияние отрицательной части осужденных, насаждаемые неформальные правила и традиции преступного мира создают негативный фон, на котором формируется противоправная деятельность освобожденных от отбывания наказания, происходит их повторная криминализация. Так, Г. Агамов указывает, что «существование устойчивой среды профессиональных преступников-рецидивистов активизирует деятельность антиобщественных элементов, и это прямо влияет на рост рецидивной преступности» [1, с. 86].

Криминальная среда осужденных, тюремная субкультура служат механизмом сплочения преступников, блокирует процесс их социализации после освобождения, стимулирует преступную деятельность отдельных из них.

Таким образом, сегодня наука криминология приходит к выводу о криминогенности наказания в виде лишения свободы, которое зачастую не помогает, а еще более портит преступника. Поэтому, по нашему мнению, следует разумно ограничивать применение лишения свободы как в законодательстве, так и в судебной практике.

В этом плане особое внимание следует обратить на краткосрочное лишение свободы. В настоящее время 6,4 % всех осужденных были приговорены к сроку лишения свободы менее 1 года, при этом доля среди осужденных к реальному отбыванию наказания в исправительных колониях составляет уже 22 % (по официальным данным Судебного департамента Верховного Суда РФ за 2019 год)¹.

Среди ученых, изучавших превентивные возможности краткосрочного лишения свободы, есть мнение, что срок изоляции в таких случаях не воспринимается краткосрочниками как переживаемое обстоятельство, воспоминание о котором могло бы воспрепятствовать совершению новых преступлений, в отношении них не действует прогрессивная система отбывания наказания, они, пребывая в изоляции несколько месяцев, не стремятся к исправлению, а, наоборот, подвергаются еще большему криминальному заражению [12, с. 13, 32].

Однако вместе с тем едва ли можно согласиться с некоторыми такими положениями. Действительно, краткосрочные сроки наказания в виде лишения свободы могут не оказать исправительного и профилактического воздействия на лиц, неоднократно отбывавших подобное наказание, а также совершивших повторные умышленные преступления. Но для лиц, осужденных впервые, а также за неосторожные преступления, преступления небольшой и средней тяжести, наказание является достаточно эффективным.

В результате проведенного исследования установлено, что длительные сроки лишения свободы отрицательно сказываются на личности: у них появляется озлобленность, чувство мести, равнодушие, отсутствие положительных стремлений. Поэтому трудно согласиться с мнением авторов, указывающих, что нейтрализация негативных аспектов краткосрочного лишения свободы на осужденных возможна, определяя в Общей части УК минимальный срок лишения свободы как вида наказания один год. При этом оставить лишение свободы в санкциях как единственное безальтернативное наказание для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и виновных при рецидиве преступлений [7, с. 11].

Известно, что по УК РФ альтернативой изоляции осужденных в колониях-поселениях, общего, строгого и особого режимов является условное осуждение (ст. 73 УК) либо иные меры государственного принуждения, не связанные с лишением свободы.

Анализ показывает, что на сегодняшний день часть осужденных на срок до шести месяцев лишения свободы (как правило, это незначительные сроки до 3 месяцев) не перемещается в исправительное учреждение, а с согласия осужденных остается в следственных изоляторах (ч. 1 ст. 74 УИК РФ) либо следует в колонию-поселение самостоятельно, минуя следственный изолятор и возможность быть пораженным тюремной субкультурой.

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» [Электронный ресурс]: офиц. сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k4-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 21.04.2020).

Ограничение применения лишения свободы стало одним из направлений международной уголовной политики. Ученые, исследующие международные нормы права, отмечают, что особое значение приобретает внесение своеобразных изменений в отечественное законодательство с учетом международно-правовых обязательств России. В особенности это касается регламентации наказаний, составляющих альтернативу лишения свободы, что позволило бы избежать негативных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества, способствовало бы более успешной ресоциализации лиц, совершивших преступление, сэкономило бы материальные и финансовые ресурсы государства, связанные с содержанием в изоляции осужденных [2, с. 5–6].

В статье 1.5 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), подчеркивается, что государства «разрабатывают меры, не связанные с тюремным заключением, в рамках своих правовых систем с целью обеспечения других возможностей, сокращая тем самым применение тюремного заключения, и рационализации политики в области уголовного правосудия с учетом необходимости соблюдения прав человека, требований социальной справедливости и потребностей правонарушителя в отношении возвращения к нормальной жизни в обществе»².

Воспринимая международные стандарты, российский законодатель внес коррективы в уголовное законодательство, касаясь штрафа, обязательных работ, конфискации имущества. Тем самым законодатель или убрал преграды, или расширил возможности, или сделал более привлекательным применение указанных наказаний.

При этом важное место в реализации наказаний, не связанных с лишением свободы, принадлежит уголовно-исполнительным инспекциям.

Общие начала назначения наказания также способствуют применению наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Они определяют, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгое наказание не может обеспечить достижение целей наказания» (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Если санкция статьи УК РФ предусматривает только наказание в виде лишения свободы, то при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, можно назначить более мягкое наказание.

Таким образом, судя по действующему законодательству, в России есть все возможности кардинально изменить подход в определении уголовной политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление. И за последние десятилетия видны сдвиги в этом процессе: так в 2006 году исправительных учреждениях отбывало наказание около 880 тыс. осужденных, а на 1 апреля 2020 года в 693 исправительных колониях отбывало наказание уже 414 987 чел.³

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110 «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)» [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833/> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 22.04.2020).

В последние годы широко стала применяться практика применения наказания в виде принудительных работ. Распоряжение Правительства РФ от 12.11.2016 г. № 2392-р положило начало созданию сети учреждений для отбывания наказания в виде принудительных работ. В четырех субъектах были образованы исправительные центры: Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях. В семи субъектах приказом ФСИН России от 14.11.2016 г. № 911 при исправительных учреждениях созданы изолированные участки, функционирующие как исправительные центры [11, с. 39]. На 1 апреля 2020 года насчитывается уже 15 исправительных центров и 69 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры, в которых состоят на учете 5769 осужденных к принудительным работам.

Следует предположить, что резервы к сокращению количества осужденных к лишению свободы имеются и в определении правовых компромиссов между ними и государством.

В действующем УК РФ выделена отдельная глава, предусматривающая виды, основания и условия освобождения от уголовной ответственности. В настоящее время наблюдается тенденция не только расширения круга лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, но и правоприменительной практики по реализации данного института уголовного права.

Однако все-таки проблемы остаются и, как правило, они связаны с регламентацией норм об освобождении от уголовной ответственности в уголовном законе.

Как известно, в соответствии с действующим законодательством ослабление или неприменение уголовной репрессии допускается, главным образом, в отношении лиц, впервые судимых за преступления небольшой и средней тяжести. В этом проявляется одно из направлений современной российской уголовной политики.

Так, например, в отношении названных категорий лиц допускается:

1) освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст.ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ);

2) отбывание наказания в колонии-поселении (ст. 58 УК РФ);

3) льготные правила назначения наказания по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим (ст. 69 УК РФ);

4) минимальный срок отбытия наказания (не менее одной трети), необходимый для предоставления к условно-досрочному освобождению (ст.79 УК), и замене наказания более мягким (ст. 80 УК РФ);

5) применение условного осуждения;

6) зачет срока содержания под стражей (если применялась мера пресечения в виде заключения под стражу) при исчислении срока отбывания основного наказания в виде лишения свободы (ст. 72 УК РФ);

7) небольшие сроки погашения судимости (ст. 86 УК РФ) и сроки давности привлечения к уголовной ответственности и т.п.

В дополнение названных обстоятельств, допускающих компромисс с лицами, совершившими преступление, можно было бы отказаться от дискреционных оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В этой связи следовало бы, во-первых, четко определить основания и условия, при наличии которых

правоприменитель обязан освободить виновного; во-вторых, предусмотреть в качестве потерпевшего не только частное лицо, но и представителей от общества и государства; в-третьих, предусмотреть возможность условного приостановления судебного разбирательства сроком до одного года, если обвиняемый не может сразу компенсировать ущерб (или заменить его договором с потерпевшим о возвращении или заглаживании этого ущерба); в-четвертых, применять методику прогнозирования его будущего поведения [4].

В УК Польши, Болгарии, Украины, Белоруссии и Грузии установлена возможность освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений против собственности (кражи, мошенничества, присвоения или растраты, неправомерного завладения автомобилем и др.) при деятельном раскаянии в виде добровольного возмещения ущерба, причиненного преступлением [9, с. 19].

При совершении этих преступлений нарушаются интересы частных лиц и в меньшей мере страдают публичные интересы. Публичное уголовное право должно быть децентрализовано, частные и публичные интересы постепенно должны выравниваться, в уголовном праве следует определить уголовный статус потерпевшего. Ученые замечают, что «неурегулированность в уголовном законодательстве статуса потерпевшего, неопределенность его как субъекта права материальных правоотношений приводит к ущемлению его прав и в уголовном судопроизводстве» [5, с. 42].

По мнению ученых, исследовавших институт примирения, его реализация является наилучшим способом урегулирования криминального конфликта путем симметричного его разрешения: обе стороны выигрывают, так как избавляются от возможных материальных и психологических затрат, предотвращают наступление неблагоприятных для себя последствий, в результате чего восстанавливаются добрые отношения между людьми, предотвращается эскалация насилия, жестокости [3, с. 14].

По нашему мнению, следует изучить и позаимствовать некоторые положения из англосаксонской системы права, базирующейся на внесудебном урегулировании, основанном на свободном усмотрении клиентуры, должностных лиц и органов, участвующих в правоприменительной деятельности. Речь идет о так называемых сделках о признании вины: возмещение виновным ущерба влечет за собой прекращение прокурором дела с освобождением от ответственности. К тому же прокурор по своему усмотрению может смягчить запрашиваемое в суде наказание в обмен на положительное постпреступное поведение подсудимого. Компромиссное правосудие существует и в Японии, которое основано на реализации института освобождения от уголовной ответственности. Полиции предоставлено право не передавать прокуратуре дела по малозначительным преступлениям, если ни социальные условия, ни отрицательные черты преступника не вызывают особой необходимости. Виновный предупреждается и отбирается поручительство за него у членов семьи и работодателя. Доля таких дел составляет около 40 % от всех возбужденных уголовных дел. В свою очередь прокурор, приняв дела от полиции, имеет право не возбуждать обвинение перед судом как в порядке отсрочки привлечения к ответственности, так и в случае «малозначительности преступления» (при-

мерно на одну треть дел подобное обвинение перед судом не возбуждается). Основанием для такого решения может послужить совокупность данных о преступлении и преступнике [14, с. 66].

В России по официальным данным за 2019 год наблюдается явный переко в практике применения судами мер уголовной ответственности в сторону применения лишения свободы (29,3 %) или условного осуждения к лишению свободы (около 26,3 %). Столь частое применение условного осуждения оправдывается следующими соображениями: а) оно обходиться государству дешевле, чем содержание осужденных с мест лишения свободы; б) способно ограждать осужденных от крайне негативного влияния среды мест лишения свободы; в) трудностями реализации наказаний, не связанных с изоляцией от общества (обязательных, принудительных, исправительных работ).

Однако следует указать и на негативные последствия активного применения условного наказания. Основное из них – переход от принципа неотвратимости наказания к более «мягкому» принципу неотвратимости уголовной ответственности. Как справедливо отмечается в литературе, данный принцип «характеризуется широким усмотрением при принятии судебных решений, постепенной деградации института наказания, сменой целевых приоритетов в уголовном законодательстве с общепредупредительных на специально предупредительные. Такая тенденция способствует наращиванию правового нигилизма и негативизма в обществе, снижению правовой активности как сотрудников правоохранительных органов, так и иных граждан» [10, с. 50].

Заключение. По нашему мнению, следует постепенно отказываться от широкого применения условного осуждения, а чаще применять наказания, не связанные с изоляцией от общества.

В дополнение к этому мы поддерживаем идею о восстановлении в уголовном законе наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный вред, которое было предусмотрено в п. 8 ч. 1 ст. 21 УК РСФСР 1960 г., и могло бы стать еще одним вариантом замены лишения свободы компенсационной мерой, особенно при постоянном росте количества экономических, коррупционных и других преступлений имущественного характера.

Есть большие резервы сокращения осужденных к лишению свободы путем упорядочения регламентации института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Особенно это касается случаев, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Следует более часто применять наказание в виде штрафа как основное наказание (за 2019 год применялся в 12,5 % случаев). Напомним, что за рубежом штраф является одним из наиболее распространенных видов наказания. Выгода от него очевидна: во-первых, пополняется государственная казна; во-вторых, сокращаются затраты на содержание осужденных в местах лишения свободы; в-третьих, осужденный находится в семье, не изолируется от общества. Благодаря последнему фактору, осужденный не подвергается дополнительной криминализации и с большей долей вероятности не совершит нового преступления. Уже давно подме-

чено, что штраф является более строгим наказанием, чем, например, обязательные работы, исправительные работы и другие наказания, сразу следующие за штрафом. Ему должно быть отведено достойное место в системе наказаний и только тогда он может успешно применяться.

Серьезную предупредительную функцию могла бы выполнить реализация идеи о компенсации преступником издержек, связанных с его розыском, проведением следствия, судебного разбирательства по делу и отбывания наказания. Речь идет о «самокупаемости» преступления, то есть преступник должен заплатить государству «цену» своего деяния, помимо наказания. Надо сделать так, чтобы каждый потенциальный преступник знал, что за преступление ему придется, в буквальном смысле, платить, причем если не сразу, то всю оставшуюся жизнь.

Таким образом, в применении наказания и иных форм реализации уголовной ответственности проявление профилактической функции уголовного права возможно: а) в ограничении применения наказания в виде лишения свободы; б) широком применении институтов освобождения от уголовной ответственности; в) распространении уголовно-правовых компромиссов на более широкий круг уголовных дел; г) отказе от широкого применения условного осуждения, замене его реальными наказаниями, не связанными с изоляцией от общества и иными уголовно-правовыми мерами; д) применении наказаний дифференцированно и избирательно, в зависимости от социальной характеристики определенных категорий преступников; е) учете при назначении наказания его психологической восприимчивости преступником; ж) нераспространении либеральных норм, регулирующих назначение наказания на рецидивистов.

Список литературы

1. **Агамов Г.** Правовые и социальные проблемы предупреждения рецидивной преступности // Уголовное право. 2001. № 3. С. 85 – 87.
2. **Богарев Н. В.** Проблемы реализации Токийских правил в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 196 с.
3. **Горичева В. Л.** Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим как институт уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 24 с.
4. **Дикарев И.** К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 81–82.
5. **Кленова Т. О.** О совместимости публичного и частного институтов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 41 – 44.
6. **Кропоткин П. А.** Наказание смертной казнью // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 219 – 221.
7. **Лазуткин А. И.** Реализация принципа справедливости при назначении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 26 с.
8. **Маликов Б. З.** Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. 56 с.
9. **Меньшикова Н. А.** Деятельное раскаяние в уголовном праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 28 с.

10. **Нечепуренко А.** Идея условности наказания и последствия ее внедрения в уголовное законодательство // Уголовное право. 2006. № 6. С. 50 – 53.

11. **Саутина С. А.** Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2. С. 37 – 44.

12. **Смирнов С. П., Сорокина С. В.** Лишение свободы на краткие сроки (уголовно-исполнительный аспект): монография. Рязань: Изд-во АПУ ФСИН России, 2006. 160 с.

13. **Фойницкий И. Я.** Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, Добросвет-2000, 2000. 464 с.

14. **Южанин В. Е., Кириллов С. И., Бабунов В. Ю.** Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительные аспекты): монография. Коломна, 2011. 251 с.

References

1. **Agamov G.** [Legal and social problems of prevention of recidivism], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2001, no. 3, pp. 85-87. (In Russ.).

2. **Bogarev H.B.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*. Ryazan', 2005. 196 p. (In Russ.).

3. **Goricheva V.L.** *Extended abstract of Candidate's of legal thesis*. Ryazan', 2004. 24 p. (In Russ.).

4. **Dikarev I.** [On the issue of discretionary grounds for terminating a criminal case (criminal prosecution)], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2007, no. 1, pp. 81-82. (In Russ.).

5. **Klenova T.O.** [On the compatibility of public and private institutions in criminal law], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2006, no. 2, pp. 41-44. (In Russ.).

6. **Kropotkin P.A., Kelina S.G. (Ed.)**. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Death penalty: for and against], Moscow, 1989, pp. 219-221. (In Russ.).

7. **Lazutkin A.I.** *Extended abstract of Candidate's of legal thesis*. Ryazan', 2004, 26 p. (In Russ.).

8. **Malikov B.Z.** *Extended abstract of Doctor's of legal thesis*. Ryazan', 2004. 56 p. (In Russ.).

9. **Men'shikova N.A.** *Extended abstract of Candidate's of legal thesis*. Vladivostok, 2002. 28 p. (In Russ.).

10. **Nechepurenko A.** [The idea of the conditionality of punishment and the consequences of its implementation in criminal legislation], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2006, no. 6, pp. 50-53. (In Russ.).

11. **Sautina S.A.** [Correctional centers in the penal system of the Russian Federation], *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Bulletin of the penal system], 2020, no. 2, pp. 37-44. (In Russ.).

12. **Smirnov S.P., Sorokina S.V.** *Lisheniye svobody na kratkiye sroki (ugolovno-ispolnitel'nyy aspekt): monografiya* [Deprivation of freedom for short periods (criminal-executive aspect): monograph], Ryazan': Izdatel'stvo APU FSIN Rossii, 2006, 160 p. (In Russ.).

13. **Foynitskiy I.Ya.** *Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniyem* [The doctrine of punishment in connection with prison science], Moscow: Gorodets, Dobrosvet-2000, 2000, 464 p. (In Russ.).

14. **Yuzhanin V.Ye., Kirillov S.I., Babunov V.Yu.** *Ranneye preduprezhdeniye postpenitentsiarnogo retsidiva prestupleniy (ugolovno-pravovoy i ugolovno-ispolnitel'nyye aspekty): monografiya* [Early prevention of post-penitentiary recidivism (criminal-legal and criminal-executive aspects): monograph], Kolomna, 2011, 251 p. (In Russ.).

Preventive Applications of Penal Sanctions

S. I. Kirillov, *Doctor of Law, Professor, Department of Criminology,
V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russian Federation,
Moscow, Russia;
stanislav.kirillov.1995@mail.ru*

S. V. Krivosheev, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
Moscow Witte University, Moscow, Russia;
9262625339@mail.ru*

The most important areas of the preventive role of criminal law are limiting the use of punishment in the form of deprivation of liberty, determining legal compromises between the offender, the victim, society and the state, establishing an effective system of punishment, fair sentencing, which is as individualized as possible, and others. In this regard, criminal justice takes place after the commission of crime through the implementation of the preventive function of criminal law norms. Today, an urgent problem is the study of criminal law crime prevention, as a collective, complex concept that includes the possibilities of criminal and penal law. This study is devoted to the prevention of crimes by criminal law means. The paper explores the problems of manifestation of the preventive function of criminal law in the application of punishment and other forms of criminal responsibility, justifies the position on reducing the imposition of convictions with a penalty of imprisonment. The analysis of current legal acts and opinions of scientists who conducted research in this area is carried out.

Keywords: prevention; prevention; imprisonment; punishment; convicted person; crime.

© С. И. Кириллов, 2020

© С. В. Кривошеев, 2020

Статья поступила в редакцию 08.05.2020

При цитировании использовать:

Кириллов С. И., Кривошеев С. В. Превентивные возможности применения уголовного наказания // *Право: история и современность.* 2020. № 3(12). С. 100 –109. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.100-109

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.1

DOI: 10.17277/pravo.2020.03.pp.110-123

Приведено исследование компромиссной модели построения уголовного судопроизводства России на примере особых производств, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ. Показаны динамика их применения, возникающие практические трудности и казусы. Рассмотрена перспектива дальнейшего использования особых производств по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. На основе анализа конкретных уголовных дел доказано, что существенное уменьшение размера наказания, «гарантированное» данными производствами – юридическая фикция. Рассмотрены множественные негативные черты их реализации. Обосновано мнение о недопустимости особого порядка рассмотрения уголовных дел по всем тяжким и особо тяжким преступлениям, независимо от форм посткриминального поведения обвиняемых.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; особый порядок судебного разбирательства; справедливость; упрощение; дифференциация; наказание.

Марина Александровна Баранова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия», Саратов, Россия;
marina2008-78@mail.ru

ЗАКОН, ЗАКОНОДАТЕЛЬ, ПРАКТИКА: НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УСЕЧЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Введение. Уголовно-процессуальным системам различных государств известны две основные модели разрешения конфликтов в сфере уголовной юстиции: использование традиционных уголовно-процессуальных средств (уголовное преследование, назначение наказания) – репрессивная модель построения хода уголовного судопроизводства, и модель, предусматривающая помимо традиционных форм построения уголовно-процессуальной деятельности, отдельные экстраординарные производства, имеющие в своей основе разнообразные согласительные процедуры, позволяющие реализовать не только карательные задачи уголовного правосудия (ст. 2 УК РФ), но и задачи восстановления (полного или частичного) нарушенных прав, возмещения причиненного преступлением вреда, а также согласовать интересы конфликтующих сторон – так называемая компромиссная модель построения уголовного судопроизводства. Возможность существования в рамках уголовного процесса процедур компромиссной направленности предопределена конструкцией ст. 6 действующего УПК РФ. Сравнивая ст. 2 УПК РСФСР 1960 года, формулировавшую карательные задачи советского уголовного процесса, а именно:

быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и их справедливое наказание, и ст. 6 действующего УПК РФ, содержащую задачи охранительной направленности (защита прав и законных интересов потерпевших от преступления, защита личности от незаконного обвинения, осуждения либо ограничения ее прав и свобод, реабилитация невиновных), приходим к выводу, что вектор уголовно-процессуальной политики изменился. И на сегодняшний день необходимо говорить о ее правообеспечительной и восстановительной направленности [10, с. 567].

Для отдельных процедур, отличных от общего порядка уголовного судопроизводства, предусматривающих возможность учета позиций сторон при определении направления движения уголовного дела, в юридической литературе сформировано общее наименование «дифференцированные» [9, с. 15; 14, с. 3] или «упрощенные» производства [12, 13], к числу которых, без всяких сомнений, в настоящее время относят процессуальные порядки, предусмотренные главами 40, 40.1, 32.1 и 51.1 УПК РФ. Однако данный перечень не носит исчерпывающего характера и те или иные черты процессуального компромисса, влекущего видоизменение отдельных этапов движения уголовного дела, просматриваются также в положениях ст.ст. 20, 25, 25.1, 28.1, главы 41 УПК РФ. Все анализируемые законоположения при их непосредственном применении предполагают выяснение и учет мнения заинтересованных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого в различных вариациях), которое влияет как на содержание и направленность дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности, так и на характер принимаемых решений.

Методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) методы познания. Наряду с методами теоретического исследования применялись методы эмпирического уровня: статистического исследования и сравнения.

Результаты. Проведен анализ предпосылок внедрения, рассмотрены нормативное регулирование и практика реализации положений УПК РФ, регламентирующих особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве. Определены их преимущества и негативные черты. Доказано, что реформирование законодательства проходит бессистемно, противоречиво, и в настоящее время нормы закона содержат неэффективные правовые конструкции. Реализуемая с 2019 года законотворческая инициатива Верховного Суда РФ также не выдерживает критики, так как отличается односторонностью, непродуманностью.

Обсуждение. В настоящее время законодатель идет по пути упрощения процессуальной формы, экономии времени и ресурсов. Аналогичные по содержанию установки были сформулированы Президентом РФ В. В. Путиным в Посланиях Федеральному Собранию РФ. В послании Федеральному Собранию РФ 2015 года В. В. Путин высказал идею гуманизации уголовного законодательства «к тем, кто оступился», снижения от-

ответственности для лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести. В послании Федеральному Собранию РФ в 2019 году В. В. Путин указал на чрезмерное давление на предпринимателей, в отношении которых 45 % уголовных дел прекращаются, не доходя до суда. Это подтверждает стремление государственной власти к совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства в аспекте внедрения и реализации восстановительного правосудия. На законодательном уровне обсуждается проект Закона «О медиации», возможности ее применения именно по уголовным делам. Такая гуманизация уголовного судопроизводства, безусловно, востребована, так как преступления небольшой и средней тяжести составляют подавляющее большинство из выявляемых правоохранительными органами. Так, в 2019 году удельный вес преступлений небольшой и средней тяжести составил 75,6 %¹ (1 530 244 преступления в абсолютном показателе). В связи с чем, государство прагматично подходит к вопросам раскрытия преступлений и ищет различные механизмы, позволяющие ускорить и удешевить процедуру судопроизводства.

Не отрицая необходимости реализации принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ), укажем на то, что подобного рода реформирование должно иметь под собой надлежащую теоретическую основу и практическую потребность. Также согласимся с А. В. Пиюком в том, что вновь вводимые нормы закона «не должны противоречить представлениям общества о должном, нравственном и справедливом, законодатель не должен поощрять явлений, к которым в обществе сложилось отрицательное отношение» [12, с. 10].

В настоящее время реформирование происходит бессистемно, «от случая к случаю». Перечень консенсуальных уголовно-процессуальных процедур носит открытый характер, постоянно дополняется новыми, порой малоэффективными производствами, не имеет единства и логической завершенности.

Так, несмотря на заслуженную критику особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (его «обвинительный уклон» и отсутствие реальной состязательности, чрезмерно усеченный процесс доказывания и другие недостатки) [1, 4, 7], он был положительно воспринят и интенсивно реализовывался на практике, прежде всего – из-за экономии ресурсов и времени. Количество рассматриваемых в особом порядке уголовных дел ежегодно увеличивалось. Так, по данным Верховного Суда РФ, в 2016 году таким образом было рассмотрено 65 % уголовных дел², а в 2018 – уже 69 %³. Динамика роста налицо. Однако после выступления в 2019 году Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ,

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года // Офиц. сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

² Верховный Суд РФ объяснил низкое число оправдательных приговоров // ИА Интерфакс в России. 2 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/551978> (дата обращения: 25.04.2018).

³ Вараксин М. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2018 год. [Электронный ресурс] // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 20.02.2020).

в котором он подверг критике рассматриваемую процедуру, указав, что она не должна служить «прикрытием некомпетентной и некачественной работы следствия»⁴, реакция правоохранительных и законодательных органов последовала незамедлительно: сначала в течение одного 2019 года существенным образом снизилось количество уголовных дел, рассмотренных

в особом порядке. Так, по отчетным данным Верховного Суда РФ, в 2019 году в особом порядке было рассмотрено уже 55 % уголовных дел⁵. Одновременно Верховный Суд РФ вышел с законодательной инициативой о неприменении особого порядка судебного разбирательства к тяжким преступлениям. Законопроект № 690652-7 «О внесении изменений в ст.ст. 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в настоящий момент находится на рассмотрении нижней палаты Федерального Собрания РФ⁶. Верховный Суд РФ и ранее, еще в 2006 году выходил с подобной законодательной инициативой: Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 56 на рассмотрение Государственной Думы РФ был внесен законопроект о внесении изменений в ст.ст. 314 и 316 УПК РФ⁷. В обосновании указывалось, что без полноценного исследования доказательств невозможно вынести справедливое решение по делу, установить обстоятельства, способствовавшие совершению тяжкого преступления, что вызывает большой общественный резонанс⁸. Однако в далеком 2006 году данный законопроект не был поддержан представительными органами государственной власти РФ.

Выходя с аналогичной по содержанию инициативой в 2019 году, Верховный Суд РФ вновь указывает на необходимость высокой степени гарантий справедливого правосудия для обвиняемых по сложным уголовным делам о тяжких преступлениях, признавая, что таковые возможно реализовать только в общем порядке судебного разбирательства (пояснительная записка Верховного Суда РФ к законопроекту). Таким образом, особый порядок судебного разбирательства не содержит в себе механиз-

⁴ Заседание коллегии Генпрокуратуры РФ 19 марта 2019 года // Офиц. сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ Председатель Верховного Суда России подвел итоги деятельности судебной системы в 2019 году // Офиц. сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 14.02.2020).

⁶ См.: Официальный сайт Государственной Думы РФ. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (дата обращения: 22.02.2020).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 56 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 10.04.2020).

⁸ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 10.04.2020).

мов, которые позволили бы говорить о том, что выносимое по его итогам решение отвечает требованию справедливости, закрепленному в ст. 297 УПК РФ. Между тем Конституционный Суд РФ неоднократно в своих постановлениях указывал на недопустимость игнорирования судами положений о справедливости не только выносимого судебного решения, но и всей процедуры осуществления правосудия⁹. Аналогичное требование предъявляет к судебной деятельности Верховный Суд РФ: «приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства»¹⁰. Сходные суждения высказывают и ведущие ученые-процессуалисты [5, 6].

УПК РФ предъявляет равные требования ко всем судебным решениям, независимо от тяжести совершенного преступления и порядка осуществления правосудия. Справедливым должно быть любое решение, а нормы международного права наделяют правом на проведение справедливого судебного разбирательства каждого обвиняемого, независимо от любых других факторов¹¹.

Вводя особый порядок судебного разбирательства, законодатель исходил не из требования справедливости, а из положений о процессуальной экономии и гуманизме, что было указано нами ранее.

Однако если проанализировать практику постановления судебных решений в общем и особом порядке судебного разбирательства, то она отнюдь не свидетельствует о том, что в особом порядке каждый подсудимый, согласившийся с предъявленным обвинением, получает гарантированное ч. 7 ст. 316 УПК РФ послабление наказания.

Нами были проанализированы приговоры, вынесенные районными судами Саратовской области в общем и особом порядке с целью выявления зависимости строгости назначаемого наказания от примененной процедуры рассмотрения уголовного дела. За основу были взяты приговоры, постановленные в 2019 году по ч. 3 (различным пунктам) ст. 158 УК РФ как одного из наиболее распространенных составов преступления, в отношении ранее несудимых лиц.

Так, приговором Заводского районного суда г. Саратова от 24.09.2019 ранее не судимый Елисеев по результатам рассмотрения уголовного дела в общем порядке судебного разбирательства был признан виновным в со-

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашева и И. П. Серебренникова» // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 1998 г. «По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия» // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3394; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

¹⁰ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 9 декабря.

¹¹ Ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

вершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. При назначении наказания судом были учтены раскаяние подсудимого, активное способствование раскрытию преступления, полное признание вины. Елисееву было назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года¹². Приговором Волжского районного суда г. Саратова от 27.09.2019 года ранее не судимый Иванов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Приговор постановлялся по итогам проведения судебного разбирательства в общем порядке, в качестве смягчающих наказание обстоятельств суд учел признание Ивановым вины в инкриминируемом ему преступлении, возмещение вреда, причиненного потерпевшему и назначил наказание в виде лишения свободы на 6 месяцев условно с испытательным сроком 1 год¹³. Приговором Энгельского районного суда Саратовской области от 19.09.2019 года Горбанев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Приговор также постановлялся в общем порядке судебного разбирательства. Суд в качестве смягчающих наказание обстоятельств учел признание Горбаневым вины в инкриминируемом ему преступлении, активное способствование раскрытию преступления, состояние здоровья подсудимого и назначил наказание в виде лишения свободы на 1 год условно с испытательным сроком в 1 год¹⁴. Кировский районный суд г. Саратова приговором от 11.09.2019 года, постановленным по результатам применения общего порядка судебного разбирательства в отношении ранее не судимого Мальцева, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, принял обвинительное решение, однако с учетом ряда смягчающих обстоятельств, а именно: признания Мальцевым вины, его раскаяния, примирения с потерпевшим, возмещения причиненного вреда, назначил наказание в виде 1 года лишения свободы с освобождением осужденного от отбывания наказания¹⁵.

¹² Приговор Заводского районного суда г. Саратова от 24.09.2019 года по уголовному делу № 1-394/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hkVVuJPjuQVr/> (дата обращения: 15.04.2020).

¹³ Приговор Волжского районного суда г. Саратова от 27.09.2019 года по уголовному делу № 1-232/19 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SfgoaLEhDFmW/> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁴ Приговор № 1-587/2019 от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-587/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tL2fNkot9Yr1/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.07.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+158.+%D0%9A%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=15.04.2020®ular-area=1009®ular-txt=%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80&_id=1586980920706®ular-judge= (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁵ Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 11.09.2019 года по уголовному делу № 1-308/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DRKrmTkqmSJx/> (дата обращения: 15.04.2020).

Что касается рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства, то суды Саратовской области принимали следующие решения. Заводской районный суд г. Саратова рассмотрел в особом порядке судебного разбирательства уголовное дело в отношении ранее не судимого Левченко, обвиняемого по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Приговором суда от 15.08.2019 года Левченко был признан виновным в инкриминируемом ему деянии и ему было назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год¹⁶. Энгельский районный суд Саратовской области рассмотрел в особом порядке судебного разбирательства уголовное дело в отношении ранее не судимого Валухова, обвинявшегося по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Приговором от 09.09.2019 года Валухов был признан виновным в совершении инкриминируемого деяния и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 мес. условно с испытательным сроком в 1 год 6 мес¹⁷. Аткарский городской суд Саратовской области по результатам рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства 19.08.2019 года признал ранее не судимого Парамонова виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 9 мес. условно с испытательным сроком 1 год 6 мес¹⁸.

Анализируя вышеприведенные судебные решения, оговоримся, что никакой специальной, «подходящей для наших целей» выборки мы не производили, единственным критерием выступала однотипность правовых ситуаций: все изученные приговоры были постановлены в отношении одного, ранее не судимого лица, деяние квалифицировалось по ч. 3 ст. 158 УК РФ, различался только порядок рассмотрения уголовных дел. Как видим из вышеприведенных судебных решений, значительной разницы в наказании по приговорам, постановленным в общем и особом порядке, не просматривается. Порой приговоры, постановленные в особом порядке, даже более суровы. В этой связи приходим к выводу, что существенное послабление наказания, якобы гарантированное особым порядком судебного разбирательства, – это правовая фикция. Аналогичную закономерность мы выявили ранее в уголовных делах, поступивших в суд с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве [2].

Итак, на сегодняшний день значительный процент уголовных дел по преступлениям, наказуемым до 10 лет лишения свободы, рассматривается в особом порядке судебного разбирательства, однако существенного по-

¹⁶ Приговор Заводского районного суда г. Саратова от 15.08.2019 года по уголовному делу № 1-368/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j8RPXtAhlYg8/> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁷ Приговор Энгельского районного суда Саратовской области от 09.09.2019 года по уголовному делу №1-627/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/35uK9IuAEkZt/> (дата обращения: 16.04.2020).

¹⁸ Приговор Аткарского городского суда Саратовской области от 19.08.2019 года по уголовному делу № 1-83/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DXaODJCmrKHT/> (дата обращения: 16.04.2020).

слабления в строгости назначаемого наказания не просматривается. Но безусловное преимущество от применения особого порядка имеет сторона обвинения – результатом применения данной процедуры может быть либо обвинительный приговор, либо постановление о прекращении уголовного дела, на что указано в п. 12 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 60¹⁹. Кроме того, не происходит полноценного исследования доказательств, а значит остаются не выявленными ошибки и нарушения, допущенные органом предварительного расследования. Обвиняемый содействует органам предварительного расследования. Потерпевший получает возмещение причиненного вреда, извинения от подсудимого, моральное удовлетворение от самого акта свершения правосудия.

Очевидны и преимущества для суда: существенно сокращается время рассмотрения уголовного дела, нет необходимости проводить полноценное судебное разбирательство с исследованием доказательственной базы и вызовом свидетелей, экспертов, специалистов. Обвиняемый признает обвинение, и это, несмотря на многолетнюю критику «царицы доказательств – признательных показаний обвиняемого», кладется в основу приговора суда. Приговор также не требует по содержанию полноценной мотивировочной части. Все эти обстоятельства упрощают судебную деятельность и повышают количество рассмотренных уголовных дел, а следовательно – и эффективность деятельности судебной системы с точки зрения статистики.

Однако необходимо помнить, что особый порядок судебного разбирательства как компромиссная процедура носит инициативный характер. И инициативу должен проявить сам обвиняемый путем заявления ходатайства. Возникает резонный вопрос: а ему то зачем нужен такой порядок, если конкретно для него никаких преференций не возникает, исходя из вышеприведенных данных? Единственное разумное объяснение такого массового заявления ходатайств об особом порядке заключается в двух, на наш взгляд, причинах. Во-первых, это неверие в правосудность судебной системы. Так, по результатам мониторинга Фонда «Общественное мнение», проведенном в 2017 году, 43 % россиян считают, что «несправедливые приговоры суды выносят часто»²⁰. Независимый исследовательский центр приводит за 2018 год близкие цифры и указывает на 50 % опрошенных, не доверяющих российской судебной системе. Среди причин недоверия, помимо коррупции, волокиты и бюрократизма, указываются: сращивание судебной системы с исполнительной властью, ее зависимость от последней, невозможность добиться справедливости²¹. По результатам опро-

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»// БВС РФ. 2007. № 2; 2016. № 2.

²⁰ Репутация судов и судей. Справедливы ли российские судьи? И должен ли суд быть независимым. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239> (дата обращения: 01.04.2020 г.)

²¹ Отношение россиян к судебной системе (итоги всероссийского опроса). АНО Независимый исследовательский центр // URL: <http://xn---7sbfhedbrfkjgf7af6bcairj9fsg.xn--p1ai/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-itogi-vsrossijskogo-oprosa/?ckattemp=1> (дата обращения: 16.04.2020).

са, проведенного тем же Центром в 2020 году был установлен рост недоверия граждан к судебной системе – такой ответ сформулировало уже 70 % опрошенных²². Недоверие граждан базируется и на низком числе оправдательных приговоров. По данным информационного агентства РБК, в 2017 году российские суды оправдали втрое меньше подсудимых, чем в 2013 году. Доля оправданий упала до 0,2 %²³. В 2019 году суды РФ вынесли 1 % оправдательных приговоров²⁴. Таким образом, у граждан, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, нет веры в справедливость судебной системы, и они пытаются получить хоть какие-то гарантированные преференции, которые законодательно сформулированы в ч. 7 ст. 316 УПК РФ.

И вторая причина нам видится в низкой юридической грамотности самих подсудимых. С ними не проводится надлежащая работа в плане информирования не только о положительных, но и отрицательных последствиях применения особого порядка судебного разбирательства по причинам, указанным выше.

В итоге получается «замкнутый круг» с системной «круговой порукой», наиболее слабым звеном в котором является сам подсудимый, поскольку все принимаемые решения касаются именно его.

Верховный Суд РФ, выйдя с законодательной инициативой о неприменении особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких преступлениях, считает необходимым их исключить из данной системы. Приведет ли это нововведение к существенным изменениям в характере принимаемых решений? Полагаю, что нет. Так как суд все равно будет учитывать смягчающие наказание подсудимого обстоятельства, следующие из его положительного посткриминального поведения. Увеличатся сроки рассмотрения уголовных дел, издержки судебной системы. Изменится отношение участников процесса к процедуре осуществления правосудия, в частности, – отношение подсудимого. Ему уже не будет «гарантировано» снижение наказания.

Более сложно решается вопрос недопустимости применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве. Исходя из обязательств, которые накладывает на обвиняемого закон (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ), он должен изобличать соучастников в совершении преступления. Преступления,

²² Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020) [Электронный ресурс] // Независимый исследовательский центр. URL: <http://xn----7sbfhedbrfkjgf7af6bcairj9fsg.xn--p1ai/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vsrossijskogo-oprosa/> (дата обращения: 16.04.2020).

²³ 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже [Электронный ресурс] // Информационное агентство РосБизнесКонсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 25.04.2018).

²⁴ Доклад Председателя Верховного Суда РФ к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 11-12.02.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 16.04.2020).

совершенные в соучастии, – это всегда квалифицированные составы преступлений, которые относятся к категориям средней тяжести, тяжким и особо тяжким. Верховный Суд РФ в законопроекте № 690652-7 ничего не говорит о дифференцированном подходе к применению особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве. Следует ли законодательную инициативу распространить на данную категорию уголовных дел? Полагаем, что да. Поскольку один из соучастников изобличает другого(их) в совершении преступления, то есть вероятность оговора, недостоверного изложения обстоятельств преступного деяния. Это допускает и сам законодатель, вводя в качестве апелляционных и кассационных оснований отмены судебного решения несоблюдение лицом условий и невыполнение обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (п. 6 ст. 389.15, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ).

Уголовное дело в отношении такого обвиняемого выделяется в отдельное производство, а в отношении изобличаемых соучастников он освобождается от уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ч. 7 ст. 56. 1 УПК РФ). Последовательность рассмотрения уголовных дел в отношении соучастников законодательно нигде не установлена. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 16 указывает на единственное ограничение: оба уголовных дела не может рассматривать один и тот же судья. И закрепляет правило о том, что каждый из соучастников может заключить такое соглашение (п. 2 Постановления)²⁵. Получается, что достоверность показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, весьма условна. Одновременно все уголовные дела в отношении соучастников могут рассматриваться в особом порядке. Акцент при проведении такого судебного разбирательства сделан не на предмете доказывания (ст. 73 УПК РФ), а на установлении характера и пределов содействия подсудимого предварительному расследованию уголовного дела и других подобных обстоятельствах, перечисленных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Таким образом, законность, обоснованность и справедливость приговора, постановленного в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, обуславливается не полнотой исследования процессуально значимых обстоятельств совершения преступления, а степенью эффективности содействия обвиняемого органам предварительного расследования в раскрытии и расследовании данного и связанного с ним преступлений, что нельзя признать правильным, особенно – по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Обратим внимание, что закон не содержит ограничений по тяжести преступлений в плане возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. И они активно заключаются, в том числе и по особо тяжким преступлениям. К таковым, например, относятся преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Так, Полунин

²⁵ Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // БВС РФ. 2012. № 9.

приговором Балашовского районного суда Саратовской области от 26.09.2019 года был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, и с учетом выполнения условий заключенного с ним досудебного соглашения о сотрудничестве по совокупности преступлений ему было назначено наказание в виде 7 лет 6 мес. лишения свободы²⁶. Приговором Энгельсского районного суда Саратовской области от 20.08.2019 года Севостьянова, заключившая досудебное соглашение о сотрудничестве, была признана виновной в совершении особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, с назначением наказания в виде 4 лет 6 мес. лишения свободы²⁷.

И тут получается правовой нонсенс. Порядок, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, применим только по преступлениям, наказуемым лишением свободы сроком до 10 лет. Одновременно он применим по особо тяжким преступлениям, наказуемым лишением свободы на срок свыше 10 лет, но при условии заключения обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом у субъекта, заключившего такое соглашение, вообще нет права выбора между общим и особым порядком проведения судебного разбирательства, что, с учетом значительной в них разнице, считается неправомерным. Государственная Дума РФ рассматривает законопроект об отмене применения особого порядка по тяжким преступлениям, но не рассматривает этот вопрос в отношении особо тяжких преступлений. Такая неоднозначная ситуация складывается исключительно ввиду бессистемности реформирования законодательства, отсутствия единого стержня, единой идеи во всех проводимых реформах, на что мы указывали выше. И, на наш взгляд, она недопустима.

Заключение. Полагаем, что особый порядок судебного разбирательства не должен применяться по всем тяжким и особо тяжким преступлениям, независимо от форм посткриминального поведения обвиняемых лиц. Это не означает, что государство никаким образом не должно поощрять их положительное постпреступное поведение, которое может выражаться и в признании вины, и в согласии с предъявленным обвинением, и в примирении с потерпевшим, и в заглаживании вреда, и в изобличении соучастников, раскрытии других преступлений. Во всех подобных случаях суду необходимо руководствоваться общими рекомендациями, данными в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ: суд обязан учесть эти обстоятельства в качестве смягчающих в соответствии с п. «и» ч. 2 ст. 61 и ст. 62 УК РФ. Предугадать, какой размер наказания будет назначен лицу, признанному виновным в совершении преступления, невозможно, так как суд руководствуется исключительно внутренним убеждением и совестью.

²⁶ Приговор Балашовского районного суда Саратовской области от 26.09.2019 по уголовному делу № 1-199/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KedcSZdz5xIH/> (дата обращения: 17.04.2020).

²⁷ Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 20.08.2019 года по уголовному делу № 1-555/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zt56uf9wBvLv/> (дата обращения: 17.04.2020).

Но его точно так же невозможно предугадать и в нынешней правовой регламентации производства с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве. Более того, в силу ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ суд наделяется правом отказа от особого порядка судебного разбирательства с переходом в общий, если он посчитает, что подсудимый не соблюл условия заключенного соглашения. Это положение закона неоднократно подвергалось критике [8, с. 117; 11, с. 58]. Но оно все также существует и применяется. Поэтому для подсудимого нет реальных гарантий назначения наказания в пределах 1/2 от максимального вида или размера наказания, предусмотренного санкцией статьи УК РФ. Полагаем, что гарантии для лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве должны лежать в плоскости жесткой обоснованности и мотивированности выносимого судом решения. Ведь изначальная цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве заключалась в повышении раскрываемости преступлений и качества расследования. Задачи органов предварительного расследования и суда едины и неизменны и заключаются в полном и достоверном установлении всех обстоятельств совершенного преступления с тем, чтобы уголовную ответственность понесли те, кто реально совершил противоправное деяние и в соответствии с содеянным. А при нынешней законодательной регламентации гл. 40.1 УПК РФ эта задача не решается, так как акценты смещены. Полагаем, что целям реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в большей степени соответствует общий порядок проведения судебного разбирательства с полноценным установлением всех процессуально значимых обстоятельств. Особенно актуально это по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, где нарушаются наиболее значимые ценности, причиняется невосполнимый вред охраняемым законом интересам граждан и общества в целом.

Приходится констатировать, что в результате введения и реализации особых порядков уголовного судопроизводства, предусмотренных гл.гл. 40 и 40.1 УПК РФ, принцип разумного срока занимает приоритетное положение по отношению к таким принципам, как презумпция невиновности и свобода оценки доказательств. Законодатель, стремясь к упрощению уголовного судопроизводства, отдает предпочтение правилу процессуальной экономии, забыв об истине и справедливости, являющихся основополагающими принципами международного права [3, с. 103].

Список литературы

1. **Баранова М. А., Раков Д. Ю.** Процессуальная форма и некоторые проблемы применения особого порядка судебного разбирательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1. С. 127 – 133.
2. **Баранова М. А., Халилова Г. Р.** Справедливость приговора суда первой инстанции в уголовном процессе России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 158 – 163.
3. **Баранова М. А., Халилова Г. Р.** Привилегированные формы уголовного судопроизводства и обеспечение прав участников на достоверность информации // Информационная безопасность регионов. 2014. № 1 (14). С. 99 – 104.
4. **Блинова О. Г.** Возможно ли вынесение правосудного приговора при особом порядке принятия судебного решения? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 57 – 60.

5. **Васильев О. Л.** Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 28 – 31.
6. **Володина Л. М.** Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 16 – 23.
7. **Качалова О. В.** Предмет проверки судом кассационной инстанции вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4 (36). С. 273 – 278.
8. **Климанова О. В.** Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 296 с.
9. **Манова Н. С.** Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В. М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. 228 с.
10. **Манова Н. С., Баранова М. А.** Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564 – 593. doi: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593
11. **Пиюк А. В.** Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 57 – 59.
12. **Пиюк А. В.** Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. 38 с.
13. **Саюшкина Е. В.** Реализация прав и законных интересов участников при особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2017. 235 с.
14. **Ярыгина Л. А.** Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 252 с.

References

1. **Baranova M.A., Rakov D.Yu.** [The procedural form and some problems of applying a special procedure for the trial], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2013, no. 1, pp. 127-133. (In Russ.).
2. **Baranova M.A., Khalilova G.R.** [Justice of the verdict of the court of first instance in the criminal process of Russia], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2014, no. 4 (99), pp. 158-163. (In Russ.).
3. **Baranova M.A., Khalilova G.R.** [Privileged forms of criminal proceedings and ensuring the rights of participants to the reliability of information], *Informatsionnaya bezopasnost' regionov* [Information security of the regions], 2014, no. 1(14), pp. 99-104. (In Russ.).
4. **Blinova O.G.** [Is it possible to impose a judicial sentence under a special procedure for making a judicial decision?], *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judicial authority and criminal procedure], 2019, no. 1, pp. 57-60. (In Russ.).
5. **Vasil'yev O.L.** [Justice as a principle of the criminal process], *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Sudebnaya power and the criminal process], 2017, no. 4, pp. 28-31. (In Russ.).
6. **Volodina L.M.** [The purpose and principles of criminal proceedings – the basis of moral principles of criminal procedure], *Vestnik universiteta im. O.Ye. Kutafina (MGYUA)* [Bulletin of the University. O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy)], 2018, no. 2 (42), pp. 16-23. (In Russ.).

7. **Kachalova O.V.** [The subject of verification by the court of cassation that entered into legal force of sentences handed down in a special judicial proceeding], *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2015, no. 4 (36), pp. 273-278. (In Russ.).

8. **Klimanova O.V.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Samara, 2017. 296 p. (In Russ.).

9. **Manova N.S., Kornukov V. M. (Ed.)** *Dosudebnoye i sudebnoye proizvodstvo: sushchnost' i proble-my differentsiatsii protsessual'nykh form* [Pre-trial and judicial proceedings: the essence and problems of differentiation of procedural forms], Saratov: Izdatel'stvo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2003, 228 p. (In Russ.).

10. **Manova N.S., Baranova M.A.** [The principles of criminal proceedings as the embodiment of the moral foundations of criminal procedure], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Perm University. Jurisprudence], 2019. Issue 45, pp. 564-593. doi: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593 (In Russ.).

11. **Piyuk A.V.** [Pre-trial agreement on cooperation: unresolved issues], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2012, no. 11, pp. 57-59. (In Russ.).

12. **Piyuk A.V.** *PhD of Doctor's thesis (Law)*, Tomsk, 2017, 38 p. (In Russ.).

13. **Sayushkina Ye.V.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Orenburg, 2017, 235 p. (In Russ.).

14. **Yarygina L.A.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Samara, 2017, 252 p. (In Russ.).

Law, Legislator, Practice: Some Judgments on the Effectiveness of Certain Truncated Criminal Proceedings

M. A. Baranova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
marina2008-78@mail.ru*

The article examines the compromise model of building criminal proceedings in Russia on the example of special proceedings provided for in Chapters 40 and 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The dynamics of their application, emerging practical difficulties and incidents are monitored. The prospect of further use of special proceedings in criminal cases of serious and especially serious crimes is considered. Based on the analysis of specific criminal cases, it is proved that a significant reduction in the amount of punishment "guaranteed" by these proceedings is a legal fiction. Multiple negative features of their implementation are considered. The author substantiates the opinion that a special procedure for considering criminal cases for all serious and especially serious crimes, regardless of the forms of post-criminal behavior of the accused, is inadmissible.

Keywords: criminal proceedings; special procedure of trial; justice; simplification; differentiation; punishment.

© М. А. Баранова, 2020

Статья поступила в редакцию 19.04.2020

При цитировании использовать:

Баранова М. А. Закон, законодатель, практика: некоторые суждения об эффективности отдельных усеченных уголовно-процессуальных производств // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 110 – 123. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.110-123

Введение: проведение прокурором проверок исполнения закона в досудебном производстве по уголовным делам является основной формой осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания. Цель: сформировать представление о порядке проведения прокурорских проверок в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также о способах и методах их организации. Методологическая основа: совокупность диалектического, системного методов исследования. Результаты: предложено оптимизировать правовое регулирование порядка проведения проверок, унифицируя при этом практические рекомендации и положения ведомственных нормативных правовых актов. Вывод: методологические основы организации проведения прокурором проверок должны составлять унифицированную форму порядка осуществления прокурорских проверок, детально регламентированную законом.

Ключевые слова: досудебное производство; прокурор; прокурорский надзор; прокурорская проверка; уголовный процесс.

Екатерина Владимировна Богатова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Саратов, Россия;
bogatovaev@yandex.ru

Ольга Алексеевна Грачева, канд. юрид. наук, старший преподаватель,
кафедра прокурорского надзора и криминологии,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Саратов, Россия;
letsik91@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Введение. Прокурорская проверка – основной способ выявления нарушений уголовно-процессуального законодательства. Результат такой проверки – вывод о нарушении закона либо о том, что деятельность поднадзорных органов отвечает законодательно установленным требованиям [2, с. 175]. В юридической литературе большинство авторов именно проверку исполнения закона называют основным правовым средством прокурорского надзора [2, с. 9; 3, с. 50; 5; 9, с. 140; 11].

Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ свидетельствует о чрезвычайной важности данного вида деятельности прокурора, так, например, за январь – декабрь 2018 года в ходе осуществления надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства выявлено 5 159 080 случаев нарушения закона, в 2017 году – 5 156 665 случаев нарушений закона, что на 1,8 % больше, чем за аналогичный период 2016 года (Статистические дан-

ные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за 2017/2018 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ).

Анализируя деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, А. Д. Назаров говорит: «лишь прокуратура способна эффективно и профессионально обеспечить постоянное слежение за исполнением законов на всех стадиях уголовного процесса, что реально дает возможность достигать цели и задачи уголовного судопроизводства, своевременно и быстро выявлять, устранять и предупреждать как следственные, так и судебные ошибки» [7, с. 127].

При этом Генеральный прокурор РФ постоянно обращает внимание на непосредственную связь эффективности прокурорского надзора, повышения качества следствия и предупреждения нарушений уголовно-процессуального законодательства с совершенствованием форм и методов надзорной деятельности, оптимизацией прокуроров и следователей следственных органов (Указание Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16.12.2008 № 272/49/5/206; Решение коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 25.02.2009 «Об итогах работы органов прокуратуры за 2008 г. и мерах, направленных на повышение эффективности деятельности по укреплению законности и правопорядка»). Поэтому постоянное совершенствование методов осуществления прокурорских проверок в уголовном процессе является одной из первостепенных задач правоприменителей.

Обсуждение. Сам термин «метод» определяется как «систематизированная совокупность шагов, действий, которые нацелены на решение определенной задачи или достижение определенной цели», можно сказать, что метод означает «способ достижения цели, решения конкретной задачи» [10, с. 808].

В основе деятельности прокурора по проведению проверок в досудебном производстве по уголовным делам лежит метод постоянного наблюдения. Так, Ш. М. Абдул-Кадыров указывает, что «прокурорский надзор имеет характер постоянного наблюдения за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам» [1, с. 20]. Данный метод красной линией прослеживается в правовой регламентации полномочий прокурора в уголовном процессе, начиная от создания органов прокуратуры и по настоящее время. В этой связи стоит согласиться с обоснованным мнением Е. Г. Лиходаева о том, что «в новых условиях изменения полномочий прокурора в стадиях досудебного производства, сущность его надзорной деятельности, основанная на методе постоянного наблюдения, остается неизменной» [4].

В свою очередь, метод прокурорской проверки в досудебном производстве обусловлен правовым регулированием деятельности прокурора по проведению данного вида проверок за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, а также их должностных лиц.

Вся деятельность по ее осуществлению протекает в строго установленном законом порядке и регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а также Законом «О прокуратуре РФ» и нормативными актами Генеральной прокуратуры РФ.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст.ст. 37, 87, 211, 214 и т.д. содержит упоминание о проведении прокурорами проверок в досудебных

стадиях уголовного процесса, однако, к сожалению, порядок и сроки проведения прокурорских проверок не регламентирует.

Большинство вопросов по проведению прокурорами проверок в досудебном производстве разрешается в приказах Генерального прокурора Российской Федерации:

1) от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия»;

2) от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации»;

3) от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»;

4) от 1 ноября 2011 г. № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, руководителя следственного органа и прокурора»;

5) от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»;

6) от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме»;

7) от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»;

8) от 12 июля 2010 № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»;

9) от 15 марта 2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

В вышеперечисленных приказах Генеральной прокуратуры РФ регламентирована периодичность проведения прокурорских проверок:

1) «систематически, но не реже одного раза в месяц проводятся проверки законности действий и решений органов дознания и следствия в ходе досудебного производства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях»;

2) «ежемесячно проводятся проверки в органах дознания законности и обоснованности прекращения уголовных дел, уголовного преследования»;

3) «систематически проводятся проверки законности содержания лиц в камерах административно-задержанных»;

4) «регулярно, в том числе в вечернее и ночное время, – проверки законности содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных»;

5) «не менее одного раза в полугодие проводятся проверки условий содержания задержанных и арестованных в помещениях для подсудимых и конвоя судов, военных судов» (совместно с представителями территориальных органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации).

Однако на практике обозначенные проверки проводятся прокурорами чаще, так как приказами прокуроров регионов устанавливается более частая периодичность проведения проверки (например, Приказом Прокурора Саратовской области устанавливается, что проверка при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях должна проводиться не реже 1 раза в неделю). Например, Указанием прокуратуры Воронежской области от 7 мая 2013 года № 66/20 «Об основных направлениях работы органов прокуратуры Воронежской области по противодействию преступности» прокурорам предписывается «строго соблюдать установленную руководящими организационно-распорядительными документами периодичность проверок исполнения органами предварительного следствия и дознания УПК РФ и иных федеральных законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях» (п. 1.6) и «каждое полугодие до 20 числа месяца, следующего за отчетным периодом, информировать управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры области о результатах комплексного анализа состояния преступности, способствующих ей причин и условий, а также эффективности мер противодействия и предупреждения» (п. 2.1).

Стоит отметить, что в УПК РФ также обозначены сроки проведения прокурорских проверок, так как закон устанавливает период, в течение которого прокурор имеет право отменить незаконное и(или) необоснованное решение следователя (дознателя).

При проведении первого вида проверки (при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях) в УПК РФ устанавливается два срока:

1) 24 часа с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, возможно отменить незаконное или необоснованное решение о возбуждении уголовного дела и соответственно проверить его законность и обоснованность;

2) 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении – законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Такие сроки являются, на наш взгляд, обоснованными, так как на стадии возбуждения уголовного дела от быстроты и своевременности реагирования зависит все дальнейшее производство по уголовному делу.

При проведении проверок законности решений органов предварительного следствия УПК РФ устанавливает следующие сроки:

1) 14 суток с момента получения материалов уголовного дела – постановление о приостановлении предварительного следствия;

2) 14 суток с момента получения материалов уголовного дела – постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

В Законопроекте № 872311-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» предлагается данный срок исключить из УПК РФ, что, на наш взгляд, является необоснованным. УПК РФ устанавливает 14 суток для отмены незаконного постановления со дня получения материалов уголовного дела. Данного срока достаточно для проведения проверки и принятия решения. Установление конкретных сроков проведения проверки способствует правильной организации работы и распределению нагрузки. Кроме того, это позволяет обеспечить своевременное реагирование на незаконное и необоснованное решение следователя.

Относительно итоговой проверки УПК РФ устанавливает следующие сроки:

- 1) 10 суток с момента поступления уголовного дела с обвинительным заключением (этот срок может быть продлен вышестоящим прокурором до 30 суток) – для проверки материалов уголовного дела и принятия решения о его направлении в суд;
- 2) 2 суток с момента поступления уголовного дела с обвинительным актом;
- 3) 3 суток – уголовного дела, поступившему с обвинительным постановлением, – для проверки материалов уголовного дела.

Данные сроки, на наш взгляд, не являются пресекательными, так как в УПК РФ не указывается на наступление последствий в форме невозможности принятия решения после истечения указанных сроков. При этом стоит учитывать, что данные нормы должны толковаться в соотношении с Конституцией РФ и максимально обеспечивать защиту прав граждан в уголовном процессе. Исходя из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) можно сделать вывод, что данные сроки не могут являться пресекательными. Следовательно, в случае их нарушения должностным лицом органа прокуратуры, данное должностное лицо несет дисциплинарную ответственность, но сам факт нарушения сроков не отменяет возможности проведения проверки и принятия прокурором решения.

Приведенные выше законы и Приказы составляют правовую основу организации прокурорских проверок в досудебных стадиях уголовного процесса. Однако, как показывает их анализ, порядок, большинство сроков проведения проверок, а также полномочия прокуроров по их производству они не устанавливают.

Помимо правовых основ важной составляющей являются методические рекомендации по проведению прокурорских проверок.

Результаты. Проведение прокурорских проверок в досудебных стадиях уголовного процесса состоит в применении предусмотренных УПК РФ и законом о прокуратуре РФ правовых средств. Однако даже при внесении соответствующих изменений, закон не сможет дать конкретное практическое руководство о том, как и когда нужно применять правовые средства для выявления и устранения нарушений закона. Такие рекомендации вырабатываются в результате научной деятельности и в процессе практики прокурорского надзора. Наиболее эффективные из них, апробированные на практике, закрепляются в приказах и указаниях Генерального прокурора РФ, а также в методических пособиях, разработках, рекомендациях и информационных письмах. Совокупность таких научно обоснованных и проверенных на практике методов и приемов (способов) применения правовых средств составляет методику проведения прокурорских проверок [8, с. 15–16].

Методики проведения прокурорских проверок различных видов могут существенно отличаться. В то же время, как справедливо отмечено в юридической литературе, существуют некоторые общие положения, значимые для подготовки и проведения проверок исполнения законов. В первую очередь это касается типичных нарушений, знание которых позволяет прокурору проводить проверку более целенаправленно и эффективно [6, с. 137].

Методика носит творческий, индивидуальный характер, где в полной мере проявляются высокопрофессиональные навыки работника, имеет значение стаж работы прокурора, его инициативность и предприимчи-

вость. Как правильно отмечено: «Методика прокурорской деятельности вырабатывается практикой и теорией прокурорского надзора, находит отражение в научных работах, методических рекомендациях, направляемых подчиненным прокурорам руководителями главных управлений Генеральной прокуратуры РФ, прокурорами субъектов РФ, а в некоторых случаях и в нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ (приказах, указаниях), приобретая обязательный характер» [8, с. 57].

Заключение. Как представляется, в целях повышения эффективности деятельности прокурора по осуществлению надзора, а также правильного и единообразного применения закона необходимо оптимизировать правовое регулирование порядка проведения прокурорских проверок, унифицируя при этом оптимальные практические рекомендации и положения ведомственных нормативных актов Генеральной прокуратуры РФ.

Список литературы

1. **Абдул-Кадыров Ш. М.** Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4(36). С. 19 – 23.
2. **Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е.** Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. А. Ю. Винокурова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 380 с.
3. **Козлов А.** О пределах общего надзора // Соц. законность. 1976. № 6.
4. **Лиходаев Е. Г.** Деятельность прокурора по надзору за регистрацией сообщений о преступлениях // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6 (52). С. 105 – 108.
5. **Ломовский В. Д.** О понятии и содержании прокурорской проверки // Правоведение. 1988. № 5. С. 89 – 93.
6. **Методика** и тактика проведения прокурорской проверки: учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та (филиала) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. 240 с.
7. **Назаров А. Д.** Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2000. 256 с.
8. **Прокурорский надзор:** учебник / под ред. Н. В. Ласкиной. М.: Юстицинформ, 2012. 261 с.
9. **Синельщиков Ю. П.** Правовые средства прокурорского надзора // Настольная книга прокурора // под ред. С. И. Герасимова. М.: Эсклит, 2003. 850 с.
10. **Советский** энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1633 с.
11. **Чурикова А. Ю.** Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74 – 78.

References

1. **Abdul-Kadyrov Sh.M.** [Prosecutor's supervision over the execution of laws in pre-trial proceedings in criminal cases], *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2013, no. 4(36), pp. 19-23. (In Russ.)
2. **Vinokurov A.Yu. (Ed.), Vinokurov Yu.Ye.** *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision], 5-ye izd., pererab. i dop. Moscow: Yurayt, 2019, 380 p. (In Russ.)
3. **Kozlov A.** [On the limits of general supervision], *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 1976, no. 6. (In Russ.)
4. **Likhodayev Ye.G.** [Activity of the prosecutor on supervision of registration of messages about crimes], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava* [Bulletin of the Saratov State Academy of Law], 2006, no. 6 (52), pp. 105-108. (In Russ.)

5. **Lomovskiy V.D.** [On the concept and content of the prosecutor's check], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1988, no. 5, pp. 89-93. (In Russ.)
6. **Korshunova O.N. (Ed.)** *Metodika i taktika provedeniya prokurorskoj proverki* [Methodology and tactics of the prosecutor's inspection], St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Peterb. yurid. in-ta (filiala) Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2014, 240 p. (In Russ.)
7. **Nazarov A.D.** *Sledstvennyye oshibki v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Investigative errors in the pre-trial stages of the criminal process], Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyar. gos. un-ta, 2000, 256 p. (In Russ.)
8. **Laskina N.V. (Ed.)** *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision], Moscow: Yustitsinform, 2012. 261 p. (In Russ.)
9. **Sinel'shchikov Yu.P., Gerasimov S.I. (Ed.)** *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of the prosecutor], Moscow: Esklit, 2003, 850 p. (In Russ.)
10. **Prokhorov A.M. (Ed.)** *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary], 4-ye izd., ispr. i dop. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1989, 1633 p. (In Russ.)
11. **Churikova A.Yu.** [Implementation by the prosecutor of criminal prosecution in pre-trial proceedings], *Yuridicheskaya nauka* [Legal science], 2019, no. 9, pp. 74-78. (In Russ.)

Theoretical Basis of Prosecutor's Inspections in Pre-Trial Criminal Proceedings

E. V. Bogatova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Prosecutor's Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
bogatovaev@yandex.ru*

O. A. Gracheva, *Cand. of Legal Sci., Senior Lecturer,
Department of Prosecutor's Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia;
letsik91@mail.ru*

The prosecutor's inspection of the implementation of the law in pre-trial criminal proceedings is the main form of prosecutorial supervision over the procedural activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry. The study aims to form an idea about the procedure for conducting prosecutorial inspections in the pre-trial stages of criminal proceedings, as well as about the ways and methods of their organization. The methodological basis is a set of dialectical, systemic research methods. It is proposed to optimize the legal regulation of the procedure for conducting inspections, while unifying practical recommendations and provisions of departmental regulatory legal acts. It is concluded that methodological foundations of the organization of inspections by the prosecutor should be a unified form of the procedure for the implementation of prosecutorial inspections, regulated in detail by law.

Keywords: pre-trial proceedings; prosecutor; prosecutor supervision; prosecutor's inspection; criminal process.

© E. В. Богатова, 2020

© О. А. Грачёва, 2020

Статья поступила в редакцию 21.03.2020

При цитировании использовать:

Богатова Е. В., Грачёва О. А. Теоретические основы организации прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам // *Право: история и современность*. 2020. № 3(12). С. 124 – 130. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.124-130

Рассмотрены основные положения антикризисной поддержки предпринимательства России путем анализа факторов политической и экономической устойчивости развития национальной экономики. Предложен институциональный подход к обеспечению государственной поддержки предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса и других внешних факторов, негативно влияющих на национальную экономику (COVID-19), выявлены возможные риски для региональных экономик. Проанализирована правовая основа государственного регулирования и поддержки малого и среднего бизнеса со стороны государства. Даны определения правовых и организационных условий функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства в особых условиях развития национальной экономики и мер государственной поддержки. Современное нормотворчество о предпринимательстве в России связано с развитием международного права и необходимостью изучения законодательства зарубежных стран с развитой рыночной экономикой, что, безусловно, является решающим условием для подготовки законов и других нормативных правовых актов в этой сфере.

Представленный анализ с использованием правовых актов по состоянию на 01.05.2020 г. позволяет дать оценку эффективности оперативного реагирования Правительства Российской Федерации на сложившуюся неблагоприятную ситуацию в экономике и обществе страны.

Ключевые слова: институциональный подход; предпринимательство; правовые основы; законодательство; экономический кризис; устойчивое развитие; пандемия (COVID-19).

Аль Гарбави Хуссейн Рахман Наима, аспирант,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной
технический университет», Уфа, Россия;
kon-savin@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СПАДА ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ (обзор нормативно-правовых актов с марта по апрель 2020 года)

С объявлением пандемии Всемирной организацией здравоохранения в марте 2020 года и резким падением цен на нефть мировая экономика столкнулась с новым ранее не изученным кризисом. Все без исключения

страны были не готовы оперативно решать возникшие проблемы, связанные с COVID-19, предпочитая изучать «печальный» опыт коллег. К сожалению, данная неподготовленность и «торможение» в принятии решений явилось основной причиной создавшейся в мире обстановки, которую сейчас все пытаются решить, используя различные модели и институциональные резервы, чтобы выйти с минимальными потерями для экономики и общества.

В первую очередь должна была быть испытана на прочность правовая основа государств, способная оперативно отреагировать на ситуацию в мировой экономике и определить приоритетные направления развития в особых условиях.

Основополагающим инструментом благополучия и стабильности всех стран является бизнес во всех его субъективных проявлениях, и наша страна не исключение. Автором составлен обзор нормативно-правовых актов (НПА), принятых Правительством Российской Федерации по состоянию на 1 мая 2020 года (табл. 1). В дальнейшем уверены, что данный перечень документов будет расширен, будут изменены (уточнены) сроки и условия их применения. В приведенной таблице собран пакет НПА за два месяца (март-апрель 2020 г.), который касается мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП).

Анализ природы современного предпринимательства, разработка научных и правовых основ его юридического обеспечения напрямую связана с исследованием системы действующего российского законодательства.

Правовая защита предпринимательства обнаруживает не только противоречивость объекта, но и свою многосторонность, многоплановость, то есть она носит системный характер; конкретные объекты защиты являются структурными элементами системы права с учетом ее специфики в международном и внутригосударственном аспектах.

Антикризисные меры принимаются на разных уровнях: их вводят указами Президента РФ, постановлениями Правительства, Госдума спешно принимает законы. Но все эти меры предусматривают лишь косвенную поддержку, к сожалению, прямой поддержки пока нет, прежде всего, для субъектов МСП. Каникулы и отсрочки в обязательных платежах, по нашему мнению, это только полумера. Отсутствие законодательной возможности использования выделяемых средств с «колес», минуя государственные контракты, а именно адресная поддержка для МСП отсутствует, окончательно еще не сформирован список наиболее пострадавших отраслей экономики, для этого требуется время, которого нет.

Цифровая платформа малого и среднего предпринимательства в должной степени ожидания себя не показала, по-прежнему существуют серьезные несостыковки между министерствами и ведомствами, этот трудный экзамен пока никто успешно не сдал, по всей видимости, требуется значительная корректировка НПА без ущерба бизнесу.

Насколько качественно меры государственной поддержки для малого и среднего предпринимательства смогут себя проявить, покажет время.

**Меры государственной поддержки субъектов МСП в условиях COVID-19
и мирового финансового кризиса в 2020 году¹**

Меры поддержки, распространение	Комментарий и условия применения (сроки действия меры)	НПА/Документы
1	2	3
<p>Продление сроков уплаты налогов: организациям и ИП, включенным по состоянию на 01.03.2020 в реестр МСП, ведущим деятельность в наиболее пострадавших отраслях</p>	<p>Продление срока уплаты налога на прибыль, УСН, ЕСХН за 2019 г. Продление срока уплаты налогов (авансовых платежей по налогу), за исключением НДС и НДС/Л, за отчетные периоды, приходящиеся на I квартал 2020 г. (на 6 месяцев) Продление срока уплаты налогов (авансовых платежей по налогу), за исключением НДС и НДС/Л, за отчетные периоды, приходящиеся на полугодие (2-й квартал) 2020 г. (на 4 месяца)</p>	<p>Перечень поручений по итогам обращения Президента РФ в связи с распространением коронавируса инфекции на территории страны: утв. Президентом Российской Федерации 28.03.2020 № Пр-586.</p>
<p>микропредприятиям, ведущим деятельность в наиболее пострадавших отраслях</p>	<p>Продление сроков уплаты авансовых платежей по транспортному налогу, налогу на имущество организаций и земельному налогу (в регионах, где установлены авансовые платежи) за I-й квартал 2020 г. (до 30 октября 2020 г.) Продление сроков уплаты авансовых платежей по транспортному налогу, налогу на имущество организаций и земельному налогу (в регионах, где установлены авансовые платежи) за 2-й квартал 2020 г. (до 30 декабря 2020 г.) Продление сроков уплаты НДС/Л за 2019 г. в соответствии с п. 6 ст. 227 НК (для ИП) (на 3 месяца)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики»</p>

¹Материал подготовлен по состоянию нормативной базы на 01.05.2020 г.

1	2	3
<p>организациям и ИП, не включенным по состоянию на 01.03.2020 в реестр МСП, ведущих деятельность в наиболее пострадавших отраслях</p>	<p>Продление срока уплаты страховых взносов за март-май 2020 г. (на 6 месяцев)</p> <p>Продление срока уплаты страховых взносов за июнь и июль 2020 г. и страховых взносов, исчисленных с суммы дохода ИП, превышающей 300 000 р., подлежащих уплате не позднее 1 июля 2020 г. (на 4 месяца)</p> <p>Продление срока уплаты налога на прибыль, УСН, ЕСХН за 2019 г.</p> <p>Продление срока уплаты налогов (авансовых платежей по налогу), за исключением НДС и НДС/Л, за отчетные периоды, приходящиеся на 1-й квартал 2020 г. и полугодие (2-й квартал) 2020 г. (на 3 месяца)</p> <p>Продление сроков уплаты авансовых платежей по транспортному налогу, налогу на имущество организаций и земельному налогу (в регионах, где установлены авансовые платежи) за 1-й квартал 2020 г. (до 30 июля 2020 г.)</p> <p>Продление сроков уплаты авансовых платежей по транспортному налогу, налогу на имущество организаций и земельному налогу (в регионах, где установлены авансовые платежи) за 2-й квартал 2020 г. (до 30 октября 2020 г.)</p> <p>Продление сроков уплаты НДС/Л за 2019 г. в соответствии с п. 6 ст. 227 НК (для ИП) (на 3 месяца)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики»</p>
<p>Продление срока представления отчетности: всем организациям и ИП</p>	<p>Продление срока представления:</p> <p>1) всех деклараций (расчетов по авансовым платежам), кроме НДС, бухгалтерской отчетности, срок сдачи которых приходится на март-май 2020 г.;</p> <p>2) представления организациями финансового рынка (ОФР) в налоговые органы финансовой информации (отчетности о клиентах – иностранных налоговых резидентах) за 2019 отчетный год и предыдущие отчетные годы;</p>	

1	2	3
<p>всем налогоплательщикам</p>	<p>3) заявлений о проведении налогового мониторинга за 2021 г. (на 3 месяца)</p> <p>Продление срока представления документов, пояснений по требованиям, полученным в срок с 1 марта до 1 июня 2020 г. (на 20 рабочих дней)</p> <p>Продление срока представления документов, пояснений по требованиям по НДС, полученным в срок с 1 марта до 1 июня 2020 г. (на 10 рабочих дней)</p> <p>Приостановление:</p> <ul style="list-style-type: none"> – блокировки счетов в связи с непредставлением декларации (расчетов по страховым взносам), не направлением квитанции о приеме документов, не обеспечением приема документов по ТКС; – запрета на открытие счетов в банках при наличии решения о приостановлении операций по счетам налогоплательщика-организации и переводов его электронных денежных средств, а также запрета на списание денежных средств с таких счетов для медицинских организаций, осуществляющих расходные операции в целях покупки медицинских изделий или лекарственных средств 	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики»</p>
<p>Мораторий на налоговые санкции: для всех налогоплательщиков для организаций и ИП, относящихся к пострадавшим от-раслям</p>	<p>Мораторий на применение налоговых санкций за непредставление документов, срок представления которых приходится на период с 1 марта по 1 июня 2020 г.</p> <p>Продление предельного срока направления требований об уплате налогов, принятия решения о взыскании налогов (на 6 месяцев)</p> <p>Не будут начисляться пени на сумму недоимки по налогам и страховым взносам, срок уплаты которых наступил в 2020 г. (на период с 1 марта по 1 июня 2020 г.)</p>	

1	2	3
<p>Мораторий на возбуждение дел о банкротстве: для организаций и ИП, относящихся к пострадавшим отраслям; для организаций, включенных в перечень системообразующих и стратегических, а также федеральных органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию единой государственной политики в отраслях экономики, где осуществляются деятельность эти организации</p>	<p>Мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении следующих должников (на 6 месяцев)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 428</p>
<p>Снижение тарифов по страховым взносам: для субъектов МСП</p>	<p>Для предпринимателей, выплачивающих заработную плату, будет снижен тариф по страховым взносам с 30 до 15 %. Пониженный тариф будет распространяться не на всю заработную плату работников, а только на ту часть, которая превышает МРОТ (с 1 апреля и до конца 2020 г.)</p>	<p>Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 5)</p>
<p>Мораторий на рост взносов ИП: для ИП</p>	<p>Правительство Российской Федерации распорядилось остановить рост взносов ИП. Это значит, что с 2021 г. взносы не вырастут (до конца 2020 г.)</p>	<p>Принятие закона по подъему размера страховых взносов отложено до конца 2020 г.</p>

1	2	3
<p>Беспроцентные кредиты на выплату зарплат: индивидуальным предпринимателям, малому бизнесу и микропредприятиям, осуществляющим деятельность в одной или нескольких отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения новой коронавирусной инфекции</p>	<p>Беспроцентный заем на неотложные нужды (в первую очередь на выплату заработной платы сотрудникам). Условия для получения кредита: – заемные средства будут предоставляться компаниям, которые действуют не менее 1 года, и владельцы которых хотя бы раз платили налоги; – сохранение численности персонала на весь период кредитования или сокращение персонала не более чем на 10 % в месяц. Гарантия по кредиту обеспечивается поручительством ВЭБ (до 75 %). Параметры кредита: – кредит будет предоставляться на срок не более 6 месяцев; – максимальная величина заемных средств будет высчитываться по формуле: число сотрудников (на основании трудовых договоров) × МРОТ × на 6 мес. Ставка для заемщика – 0 % (бессрочно)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 № 422</p>
<p>Расширена программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса: индивидуальным предпринимателям, малому бизнесу и микропредприятиям</p>	<p>В программе участвуют 99 банков, которые выдают предпринимателям кредиты по сниженной ставке до 8,5 %. Упрощены требования к заемщику, из обязательных условий исключены пункты: – отсутствие задолженности по налогам, сборам; – отсутствие задолженности по заработной плате; – отсутствие просроченных на срок свыше 30 дней платежей по кредитным договорам. Отменены требования по максимальному суммарному объему кредитных соглашений на рефинансирование в рамках программы (которое установлено в размере не более 20 % от общей суммы кредитов). Появилась возможность рефинансировать кредитные соглашения на оборотные цели (ранее это было доступно только для инвестиционных кредитов)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 года № 372</p>

1	2	3
<p>Отсрочка по кредиту: субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность в одной или нескольких отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения новой коронавирусной инфекции</p>	<p>Получать кредиты по льготной ставке теперь смогут микропредприятия в сфере торговли, занимающиеся реализацией подакцизных товаров (для микропредприятий, заключивших кредитные соглашения на оборотные цели в 2020 г. на срок не более 2 лет) (бессрочно)</p> <p>Имеющиеся задолженности по кредитным капиталам можно реструктуризировать. Процедура проводится по инициативе заемщика. Требуется обратиться в банк с заявлением. При предоставлении заемщику права отсрочки платежа процентная ставка по кредитному соглашению не должна увеличиваться (на 6 месяцев)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 410</p> <p>Информационное письмо Банка России от 20.03.2020 № ИН-06-59/24 «О реструктуризации кредитов (займов) субъектам МСП»</p>
<p>Отсрочка по аренде: арендаторам государственного и муниципального имущества</p>	<p>Отсрочка платежей за арендуемые государственные и муниципальные помещения. Дополнительное соглашение к договору аренды об отсрочке платежей должно быть заключено в течение трех рабочих дней с момента обращения заявителя.</p> <p>Отсрочка не распространяется в отношении аренды коммерческой недвижимости (до конца 2020 г.)</p>	<p>Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 марта 2020 года № 670-р</p>
<p>Кредитные каникулы: индивидуальным предпринимателям</p>	<p>Для индивидуальных предпринимателей, которые столкнулись с резким падением доходов из-за эпидемии коронавируса (ниже 30 %) предусмотрены кредитные каникулы (или уменьшение размера платежа) по кредитному договору (договорам займа) на срок до 6 месяцев. Условия предоставления данной льготы должно рассматриваться в индивидуальном порядке при обращении заявителя в банк (на 6 месяцев)</p>	<p>Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа»</p>

1	2	3
<p>Снижение требований к обеспечению госконтрактов: индивидуальным предпринимателям, малому бизнесу и микропредприятиям</p>	<p>Правительством России предлагается установить, что при осуществлении закупок в соответствии со ст. 30 Федерального закона заказчик вправе не устанавливать требование обеспечения исполнения контракта в извещении об осуществлении закупки и(или) в проекте контракта. Кроме того, также предложено увеличить начальную (максимальную) цену контракта до 5 млн р. (в настоящее время 1 млн р.), при котором субъекты малого предпринимательства должны предоставлять обеспечение заявок участников закупок (до 31 декабря 2020 г.)</p>	<p>Проект Федерального закона, внесенные в Государственную думу – 15 апреля 2020 г., принятие 15 июня 2020 г.</p>
<p>Субсидия регионам на оказание неотложных мер по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции: субъектам малого и среднего предпринимательства</p>	<p>Докапитализация региональных гарантийных организаций, созданных ранее в рамках Программы, в целях расширения возможностей субъектов МСП по получению льготных кредитов в случае отсутствия залогового обеспечения.</p> <p>Докапитализация государственных микрофинансовых организаций, созданных ранее в рамках Программы (МФО), в целях охвата льготными микрозаймами субъектов МСП. В рамках деятельности государственных МФО предусмотрено предоставление льготных микрозаймов субъектам МСП, осуществляющим проекты в неприоритетных отраслях, даже при осуществлении ими деятельности по производству и(или) реализации подакцизных товаров, в том числе в сфере общественного питания.</p> <p>Снижен размер процентной ставки по микрозаймам для такой категории заемщика и составляет не более размера ключевой ставки Банка России, микрозайм предоставляется на срок до двух лет, кроме того, упрощены требования к заемщику (исключено ограничение в части задолженности перед бюджетами бюджетной системы Российской Федерации), у них не проверяется отсутствие просроченной задолженности по возврату в бюджет РФ субсидий, бюджетных инвестиций, предоставленных в том числе в соответствии с иными правовыми актами Российской Федерации, и иной просроченной задолженности перед бюджетами бюджетной системы Российской Федерации (до конца 2020 г.)</p>	<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 года № 378 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»»</p>

**Governmental Support of Business Activities
During Business Slowdown
(Overview of Regulatory Legal Acts from March to April 2020)**

Al Garbawi Hussein Rahman Naima, *Postgraduate Student,
Ufa State Oil Technical University, Ufa, Russia;
kon-savin@yandex.ru*

The main provisions of anti-crisis support for entrepreneurship in Russia by analyzing the factors of political and economic sustainability of the development of the national economy are considered. An institutional approach to providing state support for entrepreneurship in the context of the global economic crisis and other external factors negatively affecting the national economy (COVID-19) is proposed, and possible risks for regional economies are identified. The legal basis of state regulation and support of small and medium-sized businesses by the state is analyzed. The definitions of the legal and organizational conditions for the functioning of small and medium-sized businesses in special conditions of the development of the national economy and measures of state support are given. Modern rule-making on entrepreneurship in Russia is associated with the development of international law and the need to study the legislation of foreign countries with a developed market economy, which, of course, is a decisive condition for the preparation of laws and other regulatory legal acts in this area.

The presented analysis using legal acts as of May 1, 2020, makes it possible to assess the effectiveness of the prompt response of the Government of the Russian Federation to the current unfavorable situation in the country's economy and society.

Keywords: institutional approach; entrepreneurship; legal framework; legislation; economic crisis; sustainable development; pandemic (COVID-19).

© Аль Гарбави Хуссейн Рахман Наима, 2020

Статья поступила в редакцию 08.05.2020

При цитировании использовать:

Аль Гарбави Хуссейн Рахман Наима. Государственная поддержка предпринимательской деятельности в условиях спада деловой активности (обзор нормативно-правовых актов с марта по апрель 2020 года) // *Право: история и современность.* 2020. № 3(12). С. 131 – 140. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.131-140

Распространение и развитие Интернета стерло границы общения и распространения информации. В связи с массовым распространением компьютеров, мировое сообщество столкнулось с такими явлениями, как противоправная деятельность с использованием компьютера (и/или против компьютеров), а также преступная деятельность посредством сети Интернет. Многие ученые и специалисты разграничивают киберпреступность как правовую категорию и как социальное явление. Для первого характерно конкретное противоправное деяние с использованием компьютера, компьютерной сети или сети Интернет. Квалификация данных деяний в рамках киберпреступлений не вызывает сомнения и сложностей, так как здесь явно выражены признаки виртуального противоправного деяния, которые направлены на все сферы общественной жизни. Четкого разделения на конкретные виды киберпреступлений нет. Для привлечения к ответственности киберпреступника необходимо доказать его причастность к данному деянию. «Виртуальные следы» противоправного деяния легко скрыть ввиду легкости изменения и уничтожения компьютерной информации. Очень сложна, а порой и не возможна процедура оформления, изъятия данных доказательств. Данные факты затрудняют доказывание вины и причастности лица к виртуальному преступлению, тем самым способствуя увеличению процента нераскрытых преступлений. Киберпреступность и киберпреступления становятся актуальными угрозами в сфере безопасности человека, общества и государства. Они представляют реальную угрозу не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: киберпреступность; фишинг; кибербуллинг; интернет-группинг; секстинг; кибертерроризм; система противодействия.

Татьяна Владиславовна Плотникова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра специальной подготовки и обеспечения национальной
безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
plotnikova-tmb@mail.ru

Оксана Валерьевна Котельникова, канд. пед. наук, доцент,
кафедра специальной подготовки и обеспечения национальной
безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
cotelnikova.oksana@yandex.ru

ФЕНОМЕН КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ XXI ВЕКА

На современном этапе развития общества невозможно представить нашу жизнь без умных помощников – компьютеров. За небольшой период времени компьютеризация завоевала все сферы жизни общества, что привело к тому, что в настоящее время компьютеры являются общественно важными инструментами трудовой деятельности, общения, развлечения

и т.д. Глобальная компьютеризация породила такие понятия, как информационно-коммуникационные сети, сеть Интернет и т.д.

С одной стороны, масштабное внедрение и использование компьютерной техники весьма облегчает жизнь как человеку, так и обществу. Электронные помощники делают всю основную монотонную работу, тем самым освобождая личности больше времени для собственного развития, отдыха и развлечений. Компьютеры делают нашу жизнь более безопасной. Распространение и развитие Интернета стерло границы общения и распространения информации. Благодаря «данному чуду техники» появилось множество новых профессий и сфер развлечений. Активная и массовая компьютеризация «подстегивает» прогресс, что выражается в огромных запросах развития науки и новых технологий для создания и развития все более мощных и совершенных электронно-вычислительных устройств. Развивается наукоемкое производство во многих странах, требуется большое число передовых специалистов.

С другой стороны, в связи с массовым распространением компьютеров, мировое сообщество столкнулось с такими явлениями, как противоправная деятельность с использованием компьютера (и(или) против компьютеров), а также данная деятельность посредством сети Интернет. Данные противоправные деяния получили название «киберпреступность». При этом тенденция данных преступных деяний с каждым годом все увеличивается [10].

Стоит отдельно отметить размах киберпреступности. На сегодняшний день многие международные эксперты утверждают, что число киберпреступлений устойчиво составляет 30 % от общего числа преступлений, совершаемых в мире, то есть каждое третье преступное деяние в мире совершается в виртуальном пространстве. Относительно Российской Федерации, по данным МВД РФ количество преступных деяний в IT-сфере составляет около 15 % от общего числа преступлений на 2019 год. При этом стоит также отметить, что на 2018 год данный показатель составлял всего лишь 9 % [7]. Исходя из данных показателей, можно сделать неутешительный вывод: число преступлений в виртуальном пространстве возрастает с довольно приличной динамикой – около 65 % за год.

Масштаб киберпреступности поистине завораживает. При этом данная угроза актуальна не только для России, но и для всего мирового сообщества. По статистике, каждую секунду в мире совершается около 18 попыток совершения противоправного деяния в IT-сфере, и около 40 % из них – удачные. По данным многих аналитических компаний около 2/3 пользователей Интернета хотя бы раз становились жертвами киберпреступников (в некоторых случаях жертва даже не подозревает о совершенном в ее отношении преступлении). Мировой ущерб от киберпреступлений исчисляется миллиардами. Только за 2018 год мировая экономика потеряла около 400 млрд долларов в связи с активной деятельностью киберпреступников [2].

Российская Федерация представляет собой актуальную территорию деятельности для виртуальных преступников. Появление и активное развитие киберпреступлений в рамках территорий РФ было зафиксировано в 2008 году. В настоящее время более 25 % от всего количества киберпреступлений приходится на нашу страну. Россия входит в рейтинг 10 самых

популярных стран для киберпреступников. Это показывает и официальная статистика. Так, в 2012 году было зарегистрировано 10 227 преступлений, в период с 2013 – 2016 данный показатель вырос в 3 раза (почти 22 тыс. в 2013 и около 66 тыс. преступлений в 2016), в 2017 было официально зафиксировано 90,5 тыс. киберпреступлений, 2018 году – 121 тыс. 247 преступлений, 2019 – около 300 тыс. [6]. Данные показатели, особенно за последний год, весьма красочно описывают активную тенденцию развития виртуальной преступности в нашей стране.

На сегодняшний момент вопрос понятия киберпреступления остается довольно спорным. Представители научного мира, а также специалисты в IT-сфере до сих пор не могут выработать единое и согласованное определение данного противоправного деяния. В общем, мы можем сказать, что это преступления, которые совершаются с помощью компьютерной системы или сети (Интернета), в рамках компьютерной системы или сети (Интернет), или против компьютерной системы или сети (Интернет). При этом для данных деяний характерно не только понимание компьютера, информационной сети (Интернет), данных как объекта преступления, но и деяния, где компьютер используется в качестве средства и орудия совершения преступления.

Многие ученые и специалисты также разграничивают киберпреступность как правовую категорию и как социальное явление. Для первого характерно конкретное противоправное деяние с использованием компьютера, компьютерной сети или сети Интернет. Квалификация данных деяний в рамках киберпреступлений не вызывает сомнения и сложностей, так как здесь явно выражены признаки виртуального противоправного деяния.

Более масштабно обстоит дело со вторым понятием киберпреступности как социальным явлением. Данное представление включает как все «прямо указывающие» преступные деяния в IT-сфере, так и косвенно выраженные деяния, которые носят характер «поддерживающих», «вспомогающих» осуществлению преступного деяния. Яркими примерами данной трактовки киберпреступлений являются общение между преступниками посредством виртуальных сообщений, писем, размещение криминально ориентированной информации на сайтах и т.д.

Данные преступления характеризуются анонимностью, максимальной скрытностью преступника. Как известно, в информационном пространстве довольно тяжело вычислить лицо, которое совершило противоправное деяние. Но сложность вычисления и формирование своеобразной «подушки безопасности» для преступника обеспечивают специальные средства и программы (анонимайзеры, использование интернет-кафе и т.д.)

Данные преступления отличаются своей мобильностью, то есть можно совершить преступление из любой точки земного шара, понадобится только компьютер и Интернет. А также стоит отметить, что преступник и жертва также могут находиться в абсолютно разных странах мира и между ними может существовать огромное расстояние.

Нестандартность киберпреступления также выступает отличительной чертой данного вида преступлений. Довольно сложно, а порой и невозможно, предугадать дальнейшие действия киберпреступника и развитие

событий. Также стоит отметить сложность мошеннических схем в виртуальном пространстве.

Возможность автоматизма киберпреступлений – своего рода «ноу-хау» в преступном мире. В данном признаке заложена возможность совершать преступления в виртуальном пространстве в автоматическом режиме. Например, хакер создает вредоносную программу, которая, в свою очередь, совершает киберпреступления (проникает на чужие компьютеры и отправляет личную информацию) без участия разработчика, то есть в автономном режиме [4, с. 46].

Киберпреступления в современном мире являются довольно перспективным вектором развития преступного мира. Данные противоправные деяния направлены практически на все сферы общественной жизни. Разновидность и масштабы данного вида преступлений постоянно растут. Стоит отметить, что четкого разделения на конкретные виды киберпреступлений нет. Из самых актуальных и повсеместных видов киберпреступлений мы можем выделить следующие.

Преступления, которые направлены против компьютерных систем и баз данных. Огромный перечень киберпреступлений можно отнести к данному виду – это и хакерские атаки, заражение интернет-вирусами и вредоносными программами и т.д. В качестве примера можно отметить постоянные взломы баз данных мобильных операторов с дальнейшим использованием полученной информации в различных целях (получение паспортных данных, рекламные рассылки, последующее использование в мошеннических целях и т.д.)

Преступления, связанные с получением экономической выгоды, например фишинг. Фишинг – самый распространенный вид мошенничества в Интернете. Главная цель данной «преступной махинации» – завладеть логином и паролем виртуальной учетной записи пользователя, и как следствие воспользоваться его личными данными в преступных целях (данные банковских карт, электронные кошельки, «очень личная информация» с перспективой вымогательства и т.д.). Как правило, данное преступное деяние совершается путем рассылки интернет-писем или сообщений в социальных сетях со ссылкой на поддельный сайт. На сайте преступники всеми способами пытаются заставить интернет-пользователя ввести данные своей учетной записи. Фишинговые направленные атаки стали называться так из-за того, что мошенники случайных жертв используют при этом мошенническую или поддельную электронную почту в качестве приманки. Многие ученые считают, что фишинг – одна из разновидностей социальной инженерии, основанная на незнании пользователями основ сетевой безопасности. Также многие аналитики утверждают, что около 70 % фишинговых атак успешны.

Посредством фишинговых рассылок происходят любые крупные утечки персональных данных в сети Интернет. Целью данного вида преступлений является незаконное получение конфиденциальной информации злоумышленниками.

Практикуется данный вид киберпреступлений весьма часто и масштабно, в том числе и в нашей стране. Так, в июле 2019 года была зафиксирована весьма масштабная фишинг-атака с применением вируса-

шифровальщика на менеджеров многих ТОПовых компаний России. По данным пресс-релиза крупнейшего игрока рынка IT-безопасности Group-IB за сутки было распространено более 1100 виртуальных сообщений с вирусом. Всего за 3-й квартал 2019 года было зафиксировано более 6,5 тыс. таких сообщений [9].

По данным исследования Qrator Labs, наиболее часто компании из финансового сектора сталкиваются с фишингом (30 %) и DDoS-атаками (26 %). 6 ноября 2018 года Kaspersky (ранее Лаборатория Касперского) сообщила, что ее решения заблокировали за 3-й квартал 2018 года более 137 миллионов попыток пользователей перейти на фишинговые страницы – это на 28 % больше, чем в предыдущем периоде. При этом свыше трети фишинговых атак (35 %) пришлось на организации финансовой категории: банки, платежные системы, интернет-магазины [5]. Все эти многочисленные поддельные страницы были созданы с одной целью – получить конфиденциальные данные пользователей, которые открыли бы злоумышленникам, помимо всего прочего, доступ к частным кошелькам и банковским счетам жертв.

Киберпреступники направляют свою фишинговую активность не только в целях массового распространения на неизвестных пользователей, но и на определенных лиц, небольшие социальные группы, выделяемые по профессиональному признаку. Чаще всего это менеджеры крупных компаний, банковские работники. Самый популярный путь индивидуально направленного преступного деяния осуществляется через электронную почту. Преступник, получив данные «ключевой» финансовой фигуры в определенной организации, начинает манипулировать финансовыми операциями, и как результат, денежными потоками в данной организации. Злоумышленник пытается вывести активы из фирмы, отдавая лжерапорты и приказы от имени ключевого сотрудника, переводя их на свои поддельные счета.

Стоит также отметить, что не все специалисты в сфере IT-безопасности относятся к фишингу как к «серьезным» киберпреступлениям. По мнению Арона Хигби, фишинг стоит рассматривать как низкотехнологичную атаку. Согласно его массовым высказываниям и публикациям относительно преступников, их никогда не волнует, кто будет их целью, они используют большую сеть, на которую «ловят» как можно больше «рыбы». Создаются такие компании, как Spear Phishing, которые имеют основную цель – целенаправленное проникновение в одну организацию, посредством изучения имен и процессов внутри компании [8].

Если проанализировать масштабный, массовый фишинг и индивидуальные фишинговые атаки, то можно сделать заключение, что второй вид фишинговых атак является более сложным и спланированным. Как правило, при массовом фишинге используются уже готовые автоматизированные системы, которые могут осуществлять свою деятельность автономно. При индивидуальном фишинге злоумышленник подходит к процессу создания поддельной информации (сайтов, учетных записей) более целенаправленно и творчески. Он проводит довольно большую аналитическую работу, изучая все особенности и манеры жертвы, ее привычки и интересы. Затем вычисляет возможные «слабые места». Нередко для более эф-

фективной деятельности и увеличения положительной вероятности получения чужих данных преступник использует метод социального инжинеринга (использование нескольких видов киберпреступлений), доминирующим из которых выступает фишинг.

Специалисты в области IT-безопасности отмечают, что в условиях современного функционирования данных в сети Интернет большинство фишинговых ссылок и лжедокументов размещается на базе больших и популярных законных сайтах. Как правило, данные сайты имеют огромные архивы и довольно большой объем информации, в связи с чем сотрудники IT-безопасности данного сайта не успевают досконально обрабатывать всю поступающую и размещающуюся информацию на законном ресурсе. Преступников и их фишинговых детищ при таких условиях довольно сложно выявить и вовремя заблокировать.

Преступления против свобод и неприкосновенности личности. К данным понятиям можно отнести кибербуллинг, интернет-грумминг и секстинг. Основные жертвы данных преступлений – несовершеннолетние.

Кибербуллинг или интернет-травля – это осознанные и целенаправленные оскорбления, угрозы, компроматы в виртуальном пространстве, которые длятся в течение продолжительного периода времени. Данная травля осуществляется посредством электронных писем, социальных сетей, видеопорталов и т.д. Данное преступное деяние можно трактовать как вмешательство в личное пространство и ущемление свобод и достоинств личности. По данным исследования, проведенного корпорацией Mail.ru Group совместно с компанией Research Me, большинство российских интернет-пользователей (58 %) сталкивались с травлей в Интернете, в том числе с негативными комментариями в свой адрес. Самыми распространенными формами выражения агрессии респонденты назвали разовые комментарии, осуждение действий других людей и троллинг. Наиболее популярными поводами для травли в Интернете являются сексуальная ориентация, несоответствие стандартам красоты и онлайн-активность. Также выяснилось, что мужчины чаще подвергаются кибербуллингу, чем женщины (28 % против 21 %): первых травят за жизненные неудачи, вторых – за внешность. Тем не менее онлайн-агрессия не воспринимается россиянами как повод обратиться за помощью: 71 % жертв предпочли справляться с этой проблемой самостоятельно [1].

Число данных преступлений также растет. Согласно мониторинговому центру при Общественной палате РФ, в 2019 году порядка 500 эпизодов кибербуллинга.

Как показывает статистика, большинство жертв кибербуллинга – это подростки в возрасте от 12 до 17 лет.

Отдельно хотелось сказать о втором понятии – грумминге. *Интернет-грумминг* – это своеобразный подход взрослого человека к несовершеннолетним с сексуальными целями посредством Интернета. Можно сказать, что это виртуальное домогательство, совращение несовершеннолетних. Многие аналитики считают, что грумминг в условиях современного мира – это идеальное орудие для педофилов.

И последнее понятие, *секстинг* – пересылка информации интимного содержания посредством информационных технологий (фотографии, видео, сообщения и т.д.). Данное понятие появилось относительно недавно

в Новой Зеландии и связано с поступком 13-летней школьницы. Однако данное понятие в законодательствах многих государств попадает под уголовную ответственность, и рассматривается как синоним распространения детской порнографии.

Преступления, связанные с содержанием контента и нарушением авторских прав. Примерами данных противоправных деяний выступает распространение порнографии и незаконное распространение фильмов, музыки и т.д.

Кибертерроризм. Данное понятие возникло вследствие интеграции виртуального пространства с государством и основными сферами жизни общества. Под данным термином понимают преступные действия, направленные на дезорганизацию электронной, информационной системы общества, вследствие которых может быть причинен большой вред человеку, обществу и государству. Основная особенность данного вида киберпреступления – масштабность. Логично предположить, что главная цель данного противоправного деяния – нанести как можно больший вред человеку, чтобы показать авторитет или, как правило, воздействовать на решения органов власти. Красочным примером данного понятия может служить взлом системы NASA в 2015 году. Тогда произошла утечка важной информации, которая представляла государственную тайну и выражала национальный интерес.

Говоря о видах киберпреступлений, хотелось бы отдельно отметить ряд возможных интернет-угроз, которые тесно связаны и в определенном смысле раскрывают данное понятие. Большинство киберпреступлений направлены против виртуальных данных пользователей, а получить доступ к виртуальной среде возможно только посредством сети Интернет. Итак, среди основных угроз можно выделить:

- спам – так называемую вредоносную рекламу. Данная «рекламная информация» либо уже содержит шпионское программное обеспечение, либо переводит пользователей на сайт с вредоносной программой;

- фишинг – данное понятие раскрыто выше, однако хотелось бы отметить явное отличие фишинговых атак от спама. Спамы, как правило, рассылаются огромной группе пользователей, а фишинг имеет определенную целевую аудиторию;

- интернет-атаки – направленная деятельность злоумышленников на взлом компьютеров и кражи данных посредством сети Интернет. Хотелось бы отметить, что в последнее время стали популярны PDF-атаки; связана такая популярность с малозащищенностью и уязвимостью PDF-фалов;

- социальные сети – это очень актуальное и перспективное направление реализации киберпреступлений. На просторах социальных сетей распространяется огромное число вредоносных ссылок и программ;

- веб-приложения – это относительно новое направление интернет-угроз. Злоумышленники крадут целые базы данных пользователей через «поддельные» приложения;

- интернет-мошенничество – очень популярный вид реализации интернет-преступлений. Существует огромное число разнообразных схем от банальных до очень сложных (сюда можно отнести «лотереи», «подружка», «приглашение на работу», «ошибка», «нигерийская афера» и др.).

Фантазия киберпреступников не стоит на месте и поэтому появляется все больше новых мошеннических схем.

Говоря о большой популярности киберпреступлений, необходимо отметить тот факт, что многие преступления не то что не расследуются, они вообще не учитываются. Большое число преступлений вследствие многих причин (незначительный ущерб, нежелание жертвы обращаться к правоохранительным органам, невозможность выявления самого факта преступления и т.д.) так и остаются неизвестными и «сходят с рук» преступникам. Стоит подчеркнуть, что данная безнаказанность служит своего рода толчком для популярности киберпреступлений.

Как правило, киберпреступники или так называемые хакеры имеют очень высокий уровень теоретических и практических знаний, они своего рода «компьютерные гении» [3, с. 47]. У некоторых данный талант проявляется довольно в раннем возрасте. Например, известен случай, когда 14-летний подросток взломал сервер NASA для того, чтобы хранить там свои виртуальные данные.

Одна из проблем заключается в сборе доказательств совершения киберпреступления. Для привлечения к ответственности киберпреступника необходимо доказать его причастность к данному деянию. «Виртуальные следы» противоправного деяния легко скрыть ввиду легкости изменения и уничтожения компьютерной информации. Очень сложна, а порой и невозможна процедура оформления, изъятия доказательств. Данные факты затрудняют доказывание вины и причастности лица к виртуальному преступлению, тем самым способствуя увеличению процента нераскрытых преступлений.

Очевидно, что существует и юридическая проблема. Сюда мы можем отнести малорегламентированность или вообще отсутствие регламентации со стороны нормативно-правовых актов. Суть данной проблемы заключается в отсутствии актуального законодательства, которое отвечало бы современным реалиям. Порой, не то что не регулируются уголовно-процессуальные действия со стороны государства, а вообще отсутствуют уголовная или иные виды ответственности за деяния в виртуальной сфере.

И еще одна немаловажная причина – отсутствие необходимых технических средств противодействия киберпреступлениям или техническая проблема. Порой техника преступников в разы превосходит технику правоохранительных органов. Данный факт показывает невозможность раскрытия некоторых преступлений в связи с некой отсталостью в «технологиях».

Таким образом, киберпреступность и киберпреступления становятся актуальными угрозами в сфере безопасности человека, общества и государства. Они представляют реальную угрозу не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества в целом. Появившись сравнительно недавно, они с каждым днем набирают популярность и открывают новое огромное поле деятельности преступных кругов. Данная тенденция является опасной и может привести к непредсказуемым последствиям.

Список литературы

1. **Исследование** Mail.ru Group к 25-летию Рунета [Электронный ресурс]. URL: <https://corp.mail.ru/ru/press/releases/10391/> (дата обращения: 11.05.2020)
2. **Итоги** исследования: Киберпреступность в России и мире [Электронный ресурс]: URL: <https://rb.ru/news/itogi-issledovaniya-kiberprestupnost-v-rossii-i-mi/> (дата обращения: 11.05.2020)
3. **Карпова Д. Н.** Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. № 8. С. 46 – 50.
4. **Номоконов В. А., Тропинина Т. Л.** Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45 – 55.
5. **Русские хакеры** переключились с российских банков на иностранные. Но эксперты ждут возобновления атак от молодого поколения [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/finances/29/11/2019/5ddf8e0b9a7947adab57e61b> (дата обращения: 11.05.2020)
6. **Статистические данные** Генеральной Прокуратуры РФ [Электронный ресурс]: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1557476/> (дата обращения: 11.05.2020)
7. **Статистические данные** МВД РФ [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/reports/item/18556721> (дата обращения: 11.05.2020)
8. **Типы** фишинговых атак и способы их выявления [Электронный ресурс]: URL: <https://www.osp.ru/winitpro/2019/03/13054903/> (дата обращения: 11.05.2020)
9. **Фишинг** [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Фишинг_\(phishing\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Фишинг_(phishing)) (дата обращения: 11.05.2020)
10. **Чекунов И. Г.** Киберпреступность: понятие, классификация, современные вызовы и угрозы // Молодые ученые. 2012. № 3. С. 178 – 186.

References

1. **Available at:** <https://corp.mail.ru/ru/press/releases/10391/> (accessed 11 May 2020).
2. **Available at:** <https://rb.ru/news/itogi-issledovaniya-kiberprestupnost-v-rossii-i-mi/> (accessed 11 May 2020).
3. **Karpova D.N.** [Cybercrime: a global problem and its solution], *Vlast'* [Power], 2014, no. 8, pp. 46-50. (In Russ.).
4. **Nomokonov V.A., Tropinina T.L.** [Cybercrime as a new criminal threat], *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2012, no. 1 (24), pp. 45-55. (In Russ.).
5. **Available at:** <https://www.rbc.ru/finances/29/11/2019/5ddf8e0b9a7947adab57e61b> (accessed 11 May 2020)
6. **Available at:** <https://genproc.gov.ru/stat/data/1557476/> (accessed 11 May 2020)
7. **Available at:** <https://мвд.рф/reports/item/18556721> (accessed 11 May 2020)
8. **Available at:** <https://www.osp.ru/winitpro/2019/03/13054903/> (accessed 11 May 2020)
9. **Available at:** [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Fishing_\(phishing\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Fishing_(phishing)) (accessed 11 May 2020)
10. **Chekunov I.G.** [Cybercrime: concept, classification, modern challenges and threats], *Molodyye uchenyye* [Young scientists], 2012, no. 3, pp. 178-186. (In Russ.).

The Phenomenon of Cybercrime in the 21st Century

T. V. Plotnikova, *Cand. of Legal Sci., Associate Professor,
Department of Special Training and National Security,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
plotnikova-tmb@mail.ru*

O. V. Kotelnikova, *Cand. of Ped. Sci., Associate Professor,
Department of Special Training and National Security,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
cotelnikova.oksana@yandex.ru*

The spread and development of the “Internet” has erased the boundaries of communication and the dissemination of information. With the massive spread of computers, the world community is faced with such phenomena as illegal activities using a computer (and / or against computers), as well as this activity through the Internet. Many scientists and experts distinguish between cybercrime as a legal category and as a social phenomenon. The first is characterized by a specific unlawful act using a computer, computer network or the Internet. The qualification of these acts within the framework of cybercrime is not in doubt and complexity, because here are clearly expressed signs of a virtual illegal act. These illegal acts are aimed at all spheres of public life. There is no clear division into specific types of cybercrime. For cybercriminal prosecution, it is necessary to prove their involvement in this illegal act. The “virtual traces” of an illegal act are easy to hide due to the ease of changing and destroying computer information. A procedure for processing and seizing evidence is quite complicated, and sometimes impossible. These facts make it difficult to prove the guilt and involvement of a person in a virtual crime, thereby contributing to an increase in the percentage of unsolved crimes. Cybercrime has become a threat to security of man, society and the government. It poses a real threat not only to individual states, but also to the entire world community as a whole.

Keywords: cybercrime; phishing; cyberbullying; internet grooming; sexting; cyber terrorism; counteraction system.

© Т. В. Плотникова, 2020

© О. В. Котельникова, 2020

Статья поступила в редакцию 14.05.2020

При цитировании использовать:

Плотникова Т. В., Котельникова О. В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века // *Право: история и современность.* 2020. № 3(12). С. 141 – 150. doi: 10.17277/pravo.2020.03.pp.141-150